

Библейская Археология.

G. Ernest Wright

(Biblical Archaeology, Philadelphia, 1960)

перевел с английского А. Чех

Содержание:

- Предисловие.
- Введение.
- 1. Религия Израиля и Религия Ханаана.
- 2. Патриархи.
- 3. Исход и Завоевание.
- 4. Период Судей.
- 5. Золотой Век.
- 6. Разделение и Падение.
- 7. Последние Дни Иудей.
- 8. После Изгнания.
- 9. Палестина во Времена Христа.
- 10. Церковь и Мир.

Предисловие.

Несколько лет тому назад доктор Натаниэль Миклем (Nathaniel Micklem) редактор *Duckworth's Studies in Theology* попросил меня подготовить книгу по библейской археологии для издававшейся этим издательством серии. Я занялся пересмотром и переделкой неопубликованного и незавершенного труда, начатого мною перед войной. Прежде чем я успел довести работу до половины, стало ясно, что книга будет иметь куда больший объем, чем этого требовали цели издания.

Итогом этих трудов стала богато иллюстрированная “Библейская археология,” увидевшая свет в 1957 году и в скором времени переведенная на немецкий и голландский языки.

Настоящее издание является сокращенным вариантом этой книги, подготовленным отцом Роджером Томзом из Гомерсэла (Лидс). Я весьма благодарен ему за работу, проделанную им с таким тактом и мастерством. При этом исходный материал получил несколько иную компоновку, были учтены некоторые из недавних открытий, сделанных в этой быстро развивающейся области исследований, и был опущен ряд второстепенных моментов. Я искренне надеюсь, что читатели этой книги смогут составить благодаря ей определенное представление о тех многочисленных попытках лучшего понимания Библии и биб-

лейской веры, а также места, занимаемого ими в древнем мире, которые делались прежде и делаются ныне.

Harvard Divinity School Дж. Эрнест Райт
Август, 1959

Введение.

Библия в отличие от священных писаний других религий уделяет особое внимание не столько изложению моральных, духовных и литургических учений, сколько истории народа, жившего в определенный период и в определенном месте. Библейский человек привык исповедывать свою веру, рассказывая историю своего народа, в которой ему видится Божественный промысел. Библейская вера — познание смысла жизни в свете той роли, которую Бог сыграл в этой истории. Соответственно, Библия не может быть понята по-настоящему, если мы не будем серьезно относиться к изложенной в ней истории. Знание библейской истории — необходимое условие понимания сущности библейской веры.

При реконструкции истории библейских времен мы сталкиваемся с рядом периодов, которые практически никак не отражены в существующих письменных источниках. Если мы хотим должным образом понять характер этих периодов и ввести библейские события в общий контекст истории древнего мира, нам не остается ничего иного, как только прибегнуть к помощи археологии. Благодаря археологическим изысканиям последнего столетия стало возможным детальное изложение истории древней ближневосточной цивилизации, составной частью которой является и история Израиля. Библейский археолог изучает результаты раскопок, надеясь извлечь из них сведения, которые могли бы пролить хоть какой-то — пусть даже отраженный или крайне тусклый — свет на события, описываемые в Библии.

Тем не менее, изучение археологии теологом сопряжено с определенным риском. Во-первых, он может придти к мысли о том, что библейские события вообще не имели места в истории, Библия же является всего лишь собранием мифов и легенд. Следует заметить, что археология смогла подтвердить и прояснить библейскую историю в столь многих существенных моментах, что подобной позиции всерьез не придерживается уже никто. И, все же, порой археология играет явно негативную роль. Скажем, она подтверждает данные геологии и биологии о том, что человек и земля имеют куда более продолжительную историю, чем это допускается традиционной библейской хронологией. Следует признать и то, что существует множество исторических проблем, которые не могут быть решены средствами археологии, поскольку последняя не располагает потребными для этого данными. Помимо прочего, в Библии дается определенная интерпретация событий и переживаний, которая, очевидно, попросту не может являться объектом исторических или археологических исследований. Так, из материалов раскопок явствует, что в тринадцатом столетии до рождения Христа по югу Палестины прокатилась волна жестоких разрушений. Историк с полным на то основанием может предположить, что эти разрушения стали следствием вторжения израильтян. Утверждение же о том, что они были ведомы самим Богом, относится к области веры и не может являться предметом исторического исследования. Точно так же воскресение Христова, представлявшееся древним христианам чем-то самоочевидным, не может быть предметом исследований археологов. Археология может использоваться для подтверждения библейских писаний в достаточно узких пределах. С ее помощью нельзя доказать “истинность Библии,” однако она может использоваться для

определения исторического и культурного фона, а также для изучения самих библейских событий. Подавляющее большинство находок ничего не доказывает и не опровергает, — они, всего лишь, дают общую картину эпохи, на фоне которой могут происходить те или иные события.

Второй фактор риска, связанный с изучением истории Избранного Народа и других народов, обусловлен тем, что новые открытия могут свидетельствовать о том, что у библейской истории и культуры существуют некие параллели, вследствие чего может исчезнуть ощущение их уникальности. Может быть это сказано слишком сильно, однако для тех, кто идет на этот риск, литература Израиля и Церкви представляется еще более уникальным явлением. Мы видим, что, хотя Библия возникла в древнем мире, она не принадлежит ему целиком: хотя история народа, о котором она повествует, напоминает историю других живших здесь же народов, она проникнута совершенно особыми и куда более возвышенными атмосферой, духом и верою, отличающими ее от всех прочих писаний древности. В первой главе мы сравним веру Израиля с политеизмом его соседей и покажем, как археология смогла подтвердить совершенно особый характер библейской веры.

1. Религия Израиля и Религия Ханаана.

В этой главе мы сравним веру Израиля с религиозными воззрениями его соседей. Успех археологических изысканий последних лет позволяет нам с достаточной уверенностью говорить о теологии древних политеистических учений, имевших распространение на соседних с Израилем территориях. Это значит, что сегодня при описании библейской веры мы можем определенным образом расставить некие акценты, чего нельзя было сделать прежде, — это стало возможным постольку, поскольку связь веры с окружением и ее реакция на него известны нам теперь куда лучше.

Бог и Боги.

В политеистических системах боги являлись началами и силами этого мира, которые были персонифицированы и носили определенные имена. Сценой божественной жизни была сама природа, и жизнь природы была жизнью богов.

Поскольку за пределами мира не существовало того, что могло бы создать его, мысль о его происхождении не шла дальше идеи изначального статичного хаоса, представлявшегося первозданным океаном или “бездной,” из которой на землю проистекли соленые и пресные воды. В Месопотамии “бездна” была представлена персонифицированной парой мужского и женского начал: Апсу и Тиамат, началом же творения считалось их совокупление. Они породили ряд богов, под которыми понимались различные начала мироздания. Определенный порядок возник только после космической битвы между богами, в которой младшие боги, возглавляемые своим предводителем, смогли совладать со статичным хаосом. Апсу был околдован и убит, Тиамат же рассекли надвое: одна часть ее тела стала небом, другая — землей. Разделились и боги, — часть из них отправилась на небо, часть — на землю, где на них были возложены те или иные обязанности. Человек был создан в качестве раба богов, призванного выполнять на земле всю черную работу. Царю людей, избранному божественным советом, надлежало поддерживать порядок в обществе. Общество же являлось человеческой выдумкой, а не воплощением плана творения или некоего откровения. Жизнь отличалась крайней ненадежностью, и каждый год в ново-

годней ритуальной драме вновь разыгрывалась битва творения, в которой царь исполнял роль царя богов.

В Египте же в единственной в своем роде и, тем не менее, в ежегодной (и ежедневной) битве сходились Ра (Солнце) и дракон хаоса и мрака. Тем не менее, египтянам жизнь представлялась далеко не столь ненадежной, как жителям Месопотамии. Победа здесь была предрешена; общественный и мировой порядок был статичен в своей ритмичности, определяемой порядком творения. Существовали и другие варианты творения, в которых неизменно подчеркивалась полнота и величие существующего порядка, такие, например, как появление из океана хаоса холма, на котором предвечный царь Ра начал творение актом мастурбации. Незыблемость общественного порядка на земле обеспечивалась тем, что царь являлся не человеческим существом, но божественным воплощением, сыном Ра.

В Ханаане учение о творении в основных элементах совпадает с вавилонским, хотя мы знаем о нем существенно меньше. Творение описывается как борьба между Ваалом, царем богов, и предвечным драконом хаоса, именуемым Левиафаном (Латану) или Морем (Йамму). В Ветхом Завете этот символ хаоса упоминается неоднократно, при этом для его обозначения используются такие термины как “змей,” “дракон” или “чудовище,” а также “Раав,” “Левиафан” и “Море” (например, Пс. 73:13-14; 88:10; Иов 3:8, где под “днем” следует понимать “Море”; Иов 41; Ис. 27:1; 51:9; Ам. 9:3). С этим образом связан и “зверь” Апокалипсиса, рассказ об уничтожении которого заканчивается весьма красноречиво: “и моря уже нет” (Откр. 21:1).

Таким образом, политеист рассматривал творение как борьбу между различными силами природы, а сложившийся миропорядок, как гармонию многих волей. Считалось, что подлежащий миропорядку определенный принцип, которому следовали даже боги, задавался при творении. Человечество обладало собственной судьбой или предназначением, существовавшим еще до его, человечества, действительного появления. В то же самое время, библейская вера никогда не исходила из подобных *принципов* мирового порядка и из идеи неотвратимости бездушного предопределения. Данный миропорядок не является чем-то фиксированным и вечным; Бог вступает в борьбу с отошедшим от него миром, и потому нынешнюю картину мира не следует считать окончательной.

Одно из наиболее важных свойств природы состоит в упорядоченной циклической смене дня и ночи и регулярной последовательности времен года. В политеизме считалось, что жизнь и история приводятся в движение силами природы, пребывающими в бесконечном циклическом движении. Соответственно, в религиозной литературе политеистов основное внимание уделяется не истории людей или жизни человека на земле, но жизни богов, которая совпадает с жизнью природы. Мифы, истории о любви богов и их войнах, рассказываемые, к примеру, в вавилонском эпосе о творении, изъясняют обществу законы мира, которым это общество должно следовать.

Во избежание ненужных заблуждений не следует использовать понятие “миф” в отношении Библии с ее взглядом на мир, как на небольшое замкнутое небесами пространство, затерянное в безбрежных “безднах,” с ее интерпретацией истории в понятиях Божественной активности, с ее рассказами об Адаме и Еве, Божественном завете, чудесах, воплощении и воскресении Иисуса. Трудно найти что-то столь же далекое от политеистической мифологии, как Библия. Она вполне может быть названа историческим повествованием, неразрывно связанным с человеческой жизнью. Жизнь и история не цикличны, и ход их определяется не ритмом природы, но Божественным волением.

Бог, провозглашаемый Библией, — это Господь истории. Он является не олицетворением природы или одного из ее элементов, но ни от чего не зависящим самосущим источником или Творцом природы и всего сущего. Как Творец он отличен от сотворенного им, как Властитель он отличен от того, над чем он властвует. По этой причине Израиллю творение видится не борьбою, но деянием единого Бога. И потому первый стих Бытия повествует о Боге, существующем прежде творения. Тем не менее, еврейская мысль подобно политеистическим учениям говорит о водных глубинах и первозданной тьме. Еврейское *tehom*, которое переводится как “бездна,” и вавилонское “Тиамат” восходят к одной и той же основе. Однако “бездна” это вовсе не дракон и не некое лицо. Сотворяя мир, Бог также создает время этого мира, день и ночь, неделю и времена года. Соответственно, творение представляется евреям не неким вневременным космическим процессом, но реальным началом времени и истории.

Нам не остается ничего иного, как только принять в качестве факта то, что своеобычное, отличное от политеистического понимание Бога Израилем явилось следствием некоего исключительного исторического события. Согласно библейским записям, событием этим стал Исход из Египта. Великая Сила, с которой не мог совладать ни Фараон, ни прочие силы этого мира, освободила народ от египетского плена. Этим она продемонстрировала свой полный контроль над силами природы и отчасти открыла свои намерения и цели. Израильский народ живо заинтересовался историей, став первым народом на свете, составившим связный рассказ о собственной истории, ибо земные события представлялись ему откровениями Бога, а рассказ о них — исповеданием своей веры. Библейское понимание Бога неразрывно связано с историческими событиями. Именно по этой причине Израиль демифологизирует древние мифы о творении и приходит к мысли о том, что Бог является единственным Творцом мира, ибо он Господь всего.

Израильское видение человека также принципиально отличается от политеистических представлений. Человек обладает высоким достоинством и ценностью, поскольку ему предоставлено право быть существом, отвечающим за собственные деяния. Это достоинство пожаловано человеку самим Богом; сам по себе человек не обладает божественной “искрой,” он не способен стать Богом или хотя бы сравняться с Ним в каких-то мистических проявлениях. Бог сохраняет мистическую независимость от своего творения.

Вряд ли Израиль целиком отказался от политеистического видения природы, представлявшейся ему исполненной жизни и разного рода сил. В первых стихах книги Бытия небесные тела — это уже не боги, которыми они были в политеистических учениях, но, всего лишь, Божьи светила, поставленные Им на тверди небесной. Тем не менее, слова 26 стиха первой главы (“сотворим человека”) и 22 стиха третьей главы (грешный человек “стал как один из Нас”) свидетельствуют о том, что Бог окружен какими-то другими сверхъестественными существами. Сон Иакова (Быт. 28:10-17) рисует картину Божественной власти: Бог правит миром посредством ангелов или своих небесных вестников. В Ис. 6 и во множестве других подобных пассажей пророческих книг Бог представлен сидящим на небесном престоле в окружении ангельских чинов.оборот “сыны Бога,” который являлся обычным наименованием богов Ханаана в хананейском политеизме, поскольку там они действительно считались детьми великих богов и богинь, был принят израильянами для обозначения небесных воинств Бога. При этом нас не оставляют в неведении и о том, входят ли в небесное воинство солнце, луна, планеты и звезды. Духоносные израильяне борются с почитанием всего небесного и земного помимо самого Бога (см., например, Втор. 4:19). Небесные тела продолжают считаться благочестивыми членами Бо-

жьего небесного совета (например, Неем. 9:6; Пс. 148), но это, тем не менее, не делает их объектами для поклонения. Израильтяне не могли столь решительно порвать с политеистическими концепциями, чтобы счесть природу совершенно неодушевленной.

Теперь нам следует перенести внимание с политеизма как такового на ту религию, которая принесла Израилю великое множество бед. Это религия Ханаана, религия непосредственных соседей Израиля. До недавнего времени наши знания о ханаанейской религии ограничивались, главным образом, Ветхим Заветом и отдельными выдержками из финикийских писаний, цитировавшимися более поздними авторами. Теперь же, благодаря открытой в 1929 году французской экспедицией, работавшей на севере Сирии, библиотеке из Рас-Шамра (древний Угарит), в нашем распоряжении имеются фрагменты их давно утраченных религиозных сочинений.

Боги Ханаана.

Понятие “бог” или “божество” выражалось хананеями при помощи слова *эл*, понятие “боги” передавалось множественным числом этого слова или же семитской идиомой “сыны бога,” которая обозначает “членов божественной семьи.” Вождь всех богов или же глава божественной семьи носил имя “Эл” (“Ил”). Это достаточно таинственная фигура, практически не принимающая участия в делах людей. Он живет очень далеко, “у источника (двух) рек, у истока двух Океанов,” то есть, в подземном мире, который считался источником как пресноводных родников и рек, так и океанов с солеными водами.

Супругою Эла, вероятнее всего, была Ашера (Асират). Хотя первоначально она являлась богиней-матерью, на деле, ее функции часто смешивались с функциями богини плодородия. В Ветхом Завете существует целый ряд соответствующих аллюзий, хотя в английском переводе Библии (имеется в виду “официальный вариант” короля Якова) имя ее таится под словом « *grove* » (дубрава). Иезавель привела в Израиль четыреста пророков Асират (3 Цар. 18:19), а Манассия поставил ее образ в Храме (4 Цар. 21:7). Символом ее присутствия в местах поклонения, по-видимому, являлось священное дерево или столб, стоявший возле алтаря (3 Цар. 16:33; 4 Цар. 21:3). Подобные объекты, по всей видимости, были чем-то широко распространенным, поскольку мы то и дело слышим приказы срубить, сжечь или уничтожить их, поскольку они уводят израильтян с истинного пути (Втор. 7:5; 12:3; 16:21; Мих. 5:14; и т.д.).

Главным в потомстве Эла и Асират был их сын или внук, звавшийся Ваалом, — наиболее яркий и важный из всех богов. Первоначально слово Ваал было титулом бога, а не его именем. Он звался именем Хаддад, однако в XV—XIV веках до Р.Х. вместо этого имени почти всегда использовался названный титул. Ханаанейское слово *baal* означало всего лишь “господин” и могло прилагаться к любому из богов, однако, чаще всего, этим именем величали великого бога дождя и, соответственно, плодородия. Его дом находился на горе, стоявшей далеко на севере у самого края света, где небеса сходились с землей. Вероятно, гора эта отождествлялась со “святой горой Божией” Тира (Иез. 28:14) и с горой Сион (Пс. 47:3).

Ваал получает титул “Зебул (возвышенный), Владыка земли”; это имя — Веельзе-вул — упоминается в Ветхом Завете (*Baal-zebul* не *Baal-zebub*), как имя “божества Аккаронского” (4 Цар. 1:2). В новозаветные времена этим именем называют уже сатану (например, Мф. 12:24). Ваала также называют “владыкой небес” и “едущим на облаках.” Подобный же эпитет Бога — “Шествующий на небесах” — мы встречаем и в Ветхом Завете (Пс. 67:5).

Небезынтересным представляется тот факт, что в Израиле Бог перенимает ряд имен и функций у некоторых хананейских богов и, прежде всего, у Ваала. *Эл* и *Ваал* использовались в качестве имен Яхве, Бога Израиля. Существование таких имен, как Ешбаал (“человек Ваала” или “сущий Ваал”), Веелиада (“да знает Ваал”) и Веалия (“Яхве это Ваал”) говорит не о том, что народ поклонялся хананейскому Ваалу, но о том, что имя это было усвоено Яхве. Тем не менее, опасность смешения и синкретизма представлялась столь серьезной, что со временем имя *baal* совершенно вышло из употребления. Смотрите, к примеру, Ос. 2:17: “И удалю имена Ваалов от уст ее (Израиля), и не будут более воспоминаемы имена их.” Другое хананейское слово, обозначающее “господина,” «Адон» широко использовалось в качестве одного из божественных имен. Имя *Elyon*, что означает “возвышенный” или “высший,” было еще одним хананейским словом, часто использовавшимся в качестве эпитета Яхве Израиля.

Ваал, как активный созерен мира, очевидно, действовал во многих сферах, которые затем отошли к Яхве. Прежде всего, это относится к буре, олицетворением которой и был некогда Ваал. Молния стала стрелой Яхве, а гром — его гласом (Пс. 17:13—14). Драматичные Божественные явления могли представляться в виде бури с темными тучами или дымом, громом или трубными звуками, молниями и сотрясением земли, которым сопровождаются сильные грозы (Исх. 19:16 и далее; 3 Цар. 19:11—12). Ныне принято считать, что псалом 28, который насквозь проникнут подобной образностью, основан на гимне Ваалу.

Теперь уже не Ваал, но Яхве “разрешает от беременности ланей” (Пс. 28:9) и дарует благословение небес (дождь), бездны (родники и реки), сосцов и утробы (Быт. 49:25; Втор. 33:13 и далее).

Супругой Ваала была Анат, богиня любви и войны, которую египтяне изображали в виде вооруженной щитом и копьем нагой женщины, скачущей на коне. Одна из ее кровавых эскапад описана в поэме, найденной в Рас-Шамра. Тем не менее, несмотря на всю ее воинственность и садизм, она же являлась богиней любви и плодородия. Этим она напоминает богиню Астарту, о которой говорится в Ветхом Завете. Обе эти богини способны влиять на плодovitость животных и людей. В египетском тексте они названы “великими богинями, которые зачинают, но не вынашивают.” В Ветхом Завете об Анат не сказано практически ничего, об Астарте же говорится достаточно часто (1 Цар. 31:10; 3 Цар. 11:5; 4 Цар. 23:13 и так далее). Возможно, среди самих хананеев не было единства в том, какая же из этих богинь является супругой Ваала. В текстах из Рас-Шамра ею считается Анат, в Ветхом Завете с Ваалом ассоциируется Астарта (Суд. 2:13; 10:6; 1 Цар. 7:4; 12:10), Иезавель же из Тира в своем поклонении связывает с Ваалом Асират (3 Цар. 18:19).

Главные боги и богини Ханаана, вне всяких сомнений, имеют человеческое обличье, хотя среди них есть и множество более мелких созданий, напоминающих своим видом птиц, животных или неких гибридов. По крайней мере, именно к этому заключению можно прийти, знакомясь с искусством этого периода. Что представляется особенно поразительным, так это то, что у них напрочь отсутствует какой-либо моральный стандарт, которым они руководствовались бы в своих действиях. Божественное здесь далеко не всегда благородно. Если мы рассмотрим древние кодексы законов, то окажется, что люди в ту пору были куда моральнее своих богов.

Основной целью рассказов о богах являлось изъяснение мира и основ его существования. Здесь мы остановимся лишь на одном мифе, имевшем для Ханаана особое значение и бытовавшем в той или иной форме по всему Ближнему Востоку. Для того чтобы

понять его, нам необходимо хотя бы в общих чертах познакомиться с климатом Палестины. С апреля по конец октября в этой стране практически не бывает дождей, хотя, как исключение, в этот период изредка случаются и ливни. По этой причине, выжить здесь могут только те растительные организмы, которые способны накопить достаточное количество влаги в момент выпадения обильной утренней росы. В конце октября начинается сезон дождей, который продолжается в течение всей зимы и заканчивается лишь в конце апреля. Израильтяне делят зимний период дождей на две части: ранние дожди (*yoreth*) и весенние дожди (*malqosh*). В самом начале весны, в феврале высаживаются зерновые, урожай же собирается обычно в мае или в июне, что определяется климатическими особенностями различных районов страны. В апреле благодаря обильным дождям вся страна покрывается зеленью и множеством прекрасных диких цветов. В конце мая все это убранство исчезает, и земля становится совершенно голой. Помимо деревьев зеленеет лишь колючий кустарник, способный выживать и в сухой период.

Хананеи, персонифицировавшие силы природы, объясняли этот цикл следующим образом. Олицетворение дождя и роста (бог Ваал) каждую весну погибает в великой битве со Смертью (Мот, Муту) или с “Разрушителями” и с “Исполнителями,” играющими в текстах, найденных в Рас-Шамра, аналогичную роль. Благодаря своей победе Смерть и разрушительные силы правят миром в течение всех летних месяцев. Но почему же осенью вновь начинаются дожди? Потому что воинственная супруга Ваала побеждает Смерть, после чего Ваал вновь возвращается к жизни. Почему весной вся земля покрывается зеленью? Потому что Ваал и его супруга, являющаяся олицетворением Плодородия (Анат или Астарта) вступают в брак.

Периоды засухи и голода, вероятно, объяснялись подобным же образом. История, найденная в Рас-Шамра, в которой Ваала убивают “Разрушители” или “Исполнители,” может иметь отношение не к годовому циклу, но именно к засухе. Нам сообщается, что после его смерти “Эл завершил семь лет и восемь годовых циклов, пока он (Ваал) лежал в одеяньях из крови братьев своих, под покровом из крови товарищей своих.” В это время “царь перестал вершить суд, женщины прекратили черпать воду из ключа, храмовый колодец пересох, звуки работы смолкли.” После того, как Смерть была повергнута, одного из богов посетило такое видение:

Небеса елей источали;
Медом наполнились долины;
Так познал я, что жив Ваал победоносный,
Жив князь, жив властитель земли.

Этот миф об умирающем и воскресающем боге был характерен для всего Ближнего Востока. В Вавилоне он звался Таммузом, супругою же его (олицетворявшей Любовь и Плодородие) была Иштар. В Египте это были Осирис и Изида, в Греции — Адонис и Афродита. Соответствующие мифы могли иметь множество характерных черт, однако в целом сюжет их совпадал с сюжетом, приведенным выше.

Нет никаких сомнений в том, что израильтяне были хорошо знакомы с этим мифом, поскольку то тут, то там мы встречаемся с его отголосками. Так, представляется вполне вероятным то, что пророк Осия использовал слова, фразы и образы, заимствованные из хананейского культа Ваала (Ос. 6:1—3; особенно, “Он оживит нас через два дня, в

третий день восставит нас” и “Он придет к нам как дождь, как поздний дождь [1] оросит землю”).

Возможно, также, что характерный для Ветхого Завета акцент на том, что Яхве является именно “живым Богом,” может быть реакцией израильтян на культ умирающего-воскресающего Ваала (смотрите, к примеру, Авв. 1:12: “Но не ты ли издревле Господь Бог мой, Святой мой? мы не умрем!” [2]).

Культ.

Хотя о самой мифологии древнего Ближнего Востока нам известно достаточно многое, мы мало что знаем о религиозной практике и взглядах людей того времени. Мы уже говорили об их вере в то, что природа жива и полна странных сил. Им не оставалось ничего иного, как только найти некие способы и средства, которые позволили бы им совладать с этими силами. Соответственно, их религия, скорее всего, сводилась к системе действий, призванных привлечь к себе внимание богов, которые могли бы помочь им. Эта религия не предполагала изменения человека в лучшую сторону. У общества существовали собственные законы, которые были неким образом связаны с религиозной традицией, однако основное внимание обращалось не на них, а на ритуальные действия, посредством которых возможно было снискать милость богов.

Религия Ханаана, как мы знаем из текстов, найденных в Рас-Шамра, и из Ветхого Завета, несомненно, включала в себя сложные ритуальные системы и, прежде всего, жертвенный ритуал. Известно, что в жертву приносилось большое количество животных и птиц. Из библейских и римских источников мы знаем также о том, что порою в жертву приносились дети, — достаточно вспомнить рассказ о Месе, царе Моавитском (4 Цар. 3:27). При раскопках найдено большое количество сосудов с детскими костями, однако детская смертность в ту пору была крайне велика, и потому мы можем быть уверены в том, что найденные детские захоронения, в большинстве своем, не имеют никакого отношения к обряду жертвоприношения. Помимо прочего, существует множество свидетельств того, что хананеи занимались ворожбой и разного рода прорицаниями (смотрите, к примеру, Втор. 18:10).

Тем не менее, основное место в религии Ханаана занимала проблема плодородия и плодовитости. Тучные поля и стада, обилие потомства у людей — вот главная цель многих обрядов. Вероятно, во время религиозных празднеств разыгрывались многие мифические истории; особым значением, в этом смысле, обладало весеннее празднество, во время которого, согласно поверьям, совершалось совокупление бога Дождя и Роста (Ваала) с богиней Плодородия. Нам известно, что подобные ритуалы были обычно связаны с ритуальной проституцией — как женской, так и мужской — практиковавшейся в различных культовых центрах. Богиня плодородия представлялась именно такой сакральной блудницей, и именовалась “Священной.” В Египте она изображалась в виде нагой женщины, стоящей на льве с лилией или с лилиями (символ ее чар или ее привлекательности) в одной руке и с одной или с двумя змеями (символ плодовитости) в другой руке. В древних городах хананеев было найдено большое количество подобных изображений, выполненных на глиняных пластинках и, скорее всего, изображающих богиню плодородия в роли “Священной” блудницы. Вероятно, в каждом доме имелось одно или, даже, несколько подобных изображений. Возможно, хананеи считали, что соприкосновение с такого рода магическими предметами сделает их богаче и плодovitее.

Религия хананеев, в которой столь большую роль играло сексуальное начало, была обращена, главным образом, к низменной стороне человеческой природы. И потому она представлялась религиозным израильтянам омерзительной и низкой. Во Второзаконии на ритуальную проституцию накладывается запрет (Втор. 23:17—18). По большей части, поклонение богам происходило на “высотах,” где сооружались жертвенные алтари (см. 1 Цар. 9:12; 3 Цар. 3:4). Лучший образчик алтаря хананеев для огненной жертвы, найденный в Мегиддо, датируется примерно 1900 годом до Р.Х. У его подножия найдено множество костей животных — останки жертв, сжигавшихся на вершине алтаря.

Согласно Ветхому Завету, на хананейских “высотах” возле алтаря находились и другие сакральные объекты. К ним относились священные деревья, роци или столбы, которые пророческие писания призывают сокрушать. Мы уже говорили о том, что эти объекты, скорее всего, являлись символами богини-матери Асират. Священное дерево — характерная особенность древней ближневосточной религии, известная нам не только по текстам, но и по искусству древних. Такое дерево появляется даже в Эдеме (Быт. 2:9). На большей части высот хананеев стояли также священные столбы, — как в самой Палестине, так и в Заиорданье таких памятников найдено немало. Существует немало разумных доводов в пользу того, что они имели какое-то отношение к почитанию предков, однако объяснить таким образом все подобные памятники не удается. Если растущее на вершине дерево является символом богини-матери, то столб, возможно, является символом Эла или Ваала. У ряда поздних финикийских храмов столб занимает центральную часть святилища, в которой могла бы стоять статуя божества.

В ходе раскопок, проводившихся в Палестине, было найдено несколько небольших вытесанных из известняка алтарей с “рогами” на углах, древнейший из которых, найденный в Мегиддо, в храме израильского периода, относится ко времени правления Давида или к несколько более позднему периоду (начало десятого столетия). Эти алтари слишком малы для сжигания жертв. Скорее всего, они использовались для воскурения благовоний. Недавно подобный же, пусть и относящийся к куда более позднему времени объект с надписью *hamman* был обнаружен на севере Сирии. Слово *hammanim* встречается в Ветхом Завете не менее восьми раз (Лев. 26:30; 2 Пар. 14:5; 34:4-7; Ис. 17:8; 27:9; Иез. 6:4-6). В прошлом значение этого слова представлялось неясным [3], теперь же оно понимается как “алтарь благовоний.” Религиозное население Израиля и Иудеи считало такие объекты предметами языческого культа и призывало уничтожить их вместе со столбами и сакральными деревьями.

Высоты, находившиеся за пределами городов, являлись не единственными местами поклонения языческим богам, — в самих хананейских городах существовали куда более развитые культовые сооружения. Считалось, что боги, подобно людям, нуждаются в доме. Один из мифов Рас-Шамра повествует о строительстве храма для Ваала. Этот и многие подобные ему храмы были открыты при раскопках, проводившихся в Палестине и в Сирии. В Беф-Сане найдено сразу несколько таких сооружений, построенных в период с XIV по X век. Хорошо сохранившийся хананейский храм найден в Лахише; судя по всему, в тот момент, когда его разрушили евреи, — а произошло это около 1220 года до Р.Х. — он был действующим святилищем. Среди его развалин было обнаружено большое количество костей животных и птиц, являвшихся верхней частью их правой (передней) ноги или лапы. Это полностью соответствует библейскому закону о мирных жертвах, согласно которому правое плечо является частью жрецов (Лев. 7:32). Вероятно, прочие части жертвенных животных съедались либо снаружи, либо где-то по соседству. Лишь незначитель-

ное количество костей имеет на себе следы огня, из чего мы можем заключить, что мясо готовилось посредством варки (см. 1 Цар. 2:13).

В Палестине и Сирии было найдено всего несколько больших идолов. Однако были обнаружены монументы с изображениями богов и большое количество небольших металлических фигурок мужских божеств, особенно, Ваала. В Ветхом Завете существует ряд описаний таких фигурок (к примеру, Авв. 2:19). В городах же израильтян подобных фигурок никогда не находили, — о возможном значении этого обстоятельства мы поговорим несколько позже.

Хананеи (и вообще все семитские народы) считали, что под землей находится преисподняя или нижний мир, который называется в Ветхом Завете словом “Шеол” или просто “яма.” Умирая, человек нисходит в подземный мир и живет там среди “теней” тех, кто сошел туда прежде. Это безрадостное мрачное место, в котором рано или поздно оказываются все люди, вне зависимости от того, как они провели свою земную жизнь. Иными словами, идеи небес, восстановления и воздаяния в загробной жизни совершенно отсутствуют как в хананейской, так и в израильской религии (до последних веков дохристианской эры), поскольку Израиль в этом отношении ничем не отличается от прочих семитских народов. Соответственно, погребальные обряды Ханаана и Израиля совершенно идентичны. Обычно членов семьи хоронили в одном месте (достаточно вспомнить пещеру Махпела, усыпальницу Авраама и его жены Сары). Тела погребались вместе с вещами, которыми покойные пользовались при жизни и которые, как считалось, могли понадобиться им в подземном мире. Обычно в захоронениях находят украшения, оружие и посуду. С тех самых пор, как появилось гончарное производство, блюда, чаши и сосуды стали неизменным погребальным атрибутом: они наполнялись едой и питьем для мертвецов, отправлявшихся в далекий Шеол.

Вот в чем, вкратце, состояла религия Ханаана. Как же реагировал на нее Израиль?

Израиль и религия Ханаана.

При рассмотрении религии хананеев мы неоднократно ссылались на библейский текст, желая показать, тем самым, влияние семитского и, прежде всего, хананейского мира на жизнь Израиля. Еврейские представления о мироустроении, небе, земле и подземном мире совпадали с представлениями семитского мира. К последним восходит и представление о том, что богочитание состоит, прежде всего, в принесении животной жертвы, в приношении даров от первых плодов земли, птицы и скота. Многие правила жертвоприношения были общими для всех народов региона, и ныне мы можем с большой долей уверенности говорить о том, что многие элементы священнодействий, описываемых в книге Левит, были заимствованы у хананеев. Из хананейских текстов, особенно, из табличек Рас-Шамра, стало известно, что, по меньшей мере, часть жертв имела одни и те же названия как в Ханаане, так и в Израиле. Здесь нельзя не вспомнить и слова пророка Амоса (Ам. 5:25), из которых явствует, что этот священный ритуал восходит вовсе не ко временам Моисея.

Даже при поверхностном знакомстве с Ветхим Заветом мы обращаем внимание на следующее обстоятельство: в то время, как религиозные вожди Израиля твердо придерживались своей веры, народные массы проявляли по отношению к мирским обычаям куда большую терпимость и перенимали у соседей разного рода ритуальные практики, что превращало их в настоящих политеистов.

Мы уже обсуждали вопросы подобия, заимствований и синкретизма, теперь настало время поговорить о некоторых различиях двух обсуждаемых религий.

Самое замечательное в израильской концепции Бога — Его единственность, — рядом с Ним нет никого и ничего. В Ветхом Завете Он представлен как “Бог ревнитель,” следящий за тем, чтобы народ не возвращался к многобожию, чтобы он почитал только Его и внимал только Ему. У Него нет ни супруги, ни семьи. Следует заметить, что в библейском иврите понятие “богиня” вообще отсутствует. Просвещенные религиозные круги, очевидно, считали, что они не нуждаются в привлечении идеи женского начала для обоснования процессов, идущих в мире; многие же из их куда более веротерпимых соотечественников пытались совместить эту традицию с поклонением богам и богиням Ханаана [4].

Не менее удивителен и запрет изображений (Исх. 20:4; 34:17). Это повеление тем более замечательно, что в мире тогда не существовало ничего подобного. Археология подтверждает древность этой заповеди, данной Израилю, поскольку на развалинах израильских поселений совершенно отсутствуют изображения Яхве, в то время как при раскопках хананейских городов обнаружено немало фигурок мужских божеств [5]. Тем не менее, в то же самое время, при раскопках домов израильтян найдено множество фигурок богини-матери. Они являются несомненным свидетельством широкого распространения синкретизма и политеизма в народе. Вероятно, простолюдины хранили эти фигурки, руководствуясь не столько теологическими, сколько магическими соображениями, считая их своеобразными амулетами.

Мы уже говорили о том, что библейская литература в известном смысле не мифологична. Словарь Божьих имен израильтян связан не с природой, но, исключительно, с обществом. Бог есть господин, царь, судия, пастырь, муж и тому подобное. Подобные понятия прилагались к богам и в политеизме, однако большую значимость там имели эпитеты, связанные именно с природой: с небом, бурей, небесными телами, плодородием и так далее. В Библии природа, будучи творением Божьим, не содержит в себе форм, на которых религиозный человек мог бы сосредоточить свое внимание. Библия представляет божество исключительно в виде человека (антропоморфизм), ибо Он может иметь только такой ментальный образ, который позволил бы человеку вступить с ним в личные отношения.

Почитание такого Бога могло иметь такие же внешние формы, которые использовались и язычниками, однако внутреннее его содержание при этом оставалось совершенно иным. В политеизме верующий предстал божеству с дарами, которыми он хотел вызвать его расположение и искупить свои прегрешения. В Израиле верующий делал то же самое, однако там его примирял с Богом не столько ритуал, пусть и безукоризненно выполненный, сколько его собственное подлинное раскаяние. Эта религия отвергала всю языческую магию с ее спиритизмом, астрологией и гаданием и весь демонический мир, который причинял язычникам столько страданий, хотя в период между двумя Заветами части этого мира было позволено войти в осмысленное по-новому царство сатаны.

Примечания.

1. Под поздним дождем здесь понимается дождь весенний — прим. пер.
2. Автор приводит перевод “ты не умрешь” — «thou diest not» — по варианту, представленному в исправленном издании (Revised Version), который, как полагают некоторые исследователи, восходит к древней еврейской традиции — прим. пер.
3. Вследствие чего оно было оставлено без перевода — прим. пер.

4. Недавние находки надписей VIII в. до Р.Х. в Кунтиллет Ажруд, в ЮЗ части Негева, и в Кирбет эль-Ком, в предгорьях Иудеи, в которых упоминаются «Яхве Шомрон (Самарийский) и его Ашера,» «Яхве Теман и его Ашера,» «Яхве и его Ашера», где Ашера (Асират, Астарта) явно выступает в качестве супруги Яхве, а также посвященные надписи VII в. до Р.Х. с Тель-Микне с обращениями к Асират, заставляют по-новому взглянуть на историю иудейского монотеизма. Не исключено, что серьезные попытки введения монотеизма стали предприниматься правителями Иудеи только в относительно позднее время, вскоре после гибели Израильского царства.

5. Уже после того, как были написаны эти строки, подобная фигурка, относящаяся к периоду Судей, была найдена на развалинах Асора в Галилее. Судя по тому, что Библия говорит об идолопоклонстве, подобных находок может быть немало.

2. Патриархи.

Археология помогла пролить свет и на историю патриархов книги Бытия: Авраама, Исаака и Иакова. Нет, других письменных свидетельств, помимо тех, которые имеются в Библии, найдено не было, однако ученым удалось приоткрыть завесу таинственности, скрывавшую от нас до времени ту эпоху. Вследствие этого сегодня мы можем с куда большей уверенностью говорить о том, к какому типу принадлежали эти люди, об их происхождении, образе жизни, верованиях, и следе в истории великих народов древности, ибо мы знаем их куда лучше, чем израильтяне, жившие в более позднее время.

И, все-таки, рассказы о патриархах не следует рассматривать в качестве летописи до эпохи Моисея. Это скорее саги, передававшиеся изустно из поколения в поколение и записанные много столетий спустя, саги, совершенно не похожие на истории, собранные в книгах Судей и Царств. Помимо прочего, они имеют выраженное религиозное значение, ибо описываемые в них события стали представляться впоследствии обетованием грядущих судеб Израиля. Порою те или иные события из жизни патриарха (возьмите, к примеру, историю Иакова и Исава) воспринимаются относящимися скорее не к человеку, но к олицетворенному образу определенного племени. Отдельные исторические детали подверглись модернизации, так, упоминание верблюдов в книге Бытия (напр., Быт. 24:10) является анахронизмом, поскольку в ту пору верблюд еще не был одомашнен, — филистимляне появились в южной Палестине (Быт. 21:34; 26) за пятьсот или шестьсот лет до этого. Вероятно, мы никогда не сможем привести убедительных доказательств того, что Авраам действительно существовал, что он говорил или делал то-то или то-то, однако мы можем показать, что его жизнь и его время, о которых нам рассказывает Писание, прекрасно соответствуют началу второго тысячелетия до н.э., но никак не более поздней эпохе. Возможно, наиболее значительный вклад археологии в изучение Ветхого Завета за последние четыре десятилетия состоит именно в этом [1].

Прародина патриархов.

Согласно библейской традиции, патриархи были арамеями (Втор. 26:5; Быт. 25:20; 28:5; 31:20-24). Их родиной, с которой они поддерживали тесные связи, была земля Арам-Нагараим («Арам Двух Рек,» Быт. 24:10) или Паддан-Арам («Поле Арама,» Быт. 25:20). Так назывались земли меж Тигром и Евфратом в их верховьях, меж Кархемишем на западе и Ниневией на востоке. Главным городом этих земель был Харран (Быт. 11:31; 28:10). Хотя в Ветхом Завете говорится о том, что отец Авраама Фарра пришел в Харран из Ура [2], большого шумерского города, находившегося неподалеку от Персидского залива, тра-

диции патриархов не несут следов южных влияний. Патриархи связаны, прежде всего, с Харраном [3].

Лишним свидетельством этого стало открытие того, что имена некоторых предков Авраама (Быт. 11:10 и далее) совпадают с названиями окрестных городов. Так, один из братьев Авраама так же как и сам этот город зовется Араном (Харраном) (определенная разница, все-таки, существует — если имя Арана начинается с “хе,” то название города с “хет”). Другой его брат носит имя Нахор (Быт. 24:10), также называется и город, хорошо известный из текстов восемнадцатого столетия до Р.Х., найденных в Мари (Верхний Евфрат), и из ассирийских документов. Имя их отца Фарры запечатлелось в названии города Тель-Тураки, их прадеда Серуха — в названии города Саруги, а еще более далекого предка Фалека — в названии Фалига. Создается впечатление, что братья и предки Авраама носили патриархальные клановые имена, которые либо давались основанным ими городам, или же присваивались им при завоевании городов, носивших эти имена.

Вторая возможность упомянута здесь постольку, поскольку существуют определенные доводы в пользу того, что патриархальные кланы участвовали в “варварских” набегах, приведших к временной приостановке развития ближневосточных культур в начале двадцатого столетия до Р.Х. Речь идет о набегах семитских кочевников, живших на пустынных окраинах Плодородного Полумесяца. Они селились, главным образом, в северной Сирии и в Месопотамии. Вавилоняне называли их “жителями Запада,” чему соответствует ветхозаветное “аморреи” (возможно, это слово переводится как “горцы”). Сам Вавилон стал государством аморреев (или аморреев), которым около 1700 года до Р.Х. правил великий Хаммурапи; в землях Паддан-Арам и на территории современной Сирии появились аморрейские города (Мари, Харран, Нахор, Катна, Угарит). Возможно, под аморреями понимался ряд близких друг к другу этнических групп, одной из которых могли быть древние арамеи.

Мы можем достаточно уверенно говорить о том, что район Харрана стал одним из центров новых семитских поселений как раз в ту пору, когда там предположительно находились патриархи. Помимо прочего, аморреям были известны имена Аврам (в форме *Abamram*) и Иаков (в форме *Jacob-el*). В текстах, найденных в Мари, часто упоминается племя вениаминитов, причинявшее немало беспокойства жителям этих земель, хотя, разумеется, оно не может иметь никакого отношения к называвшемуся точно так же позднейшему израильскому племени.

Другой причинявшей беспокойство жителям Мари группой были *хабиру*. В ранних документах о них говорится как о разбойниках, наемниках, пленниках, государственных служащих, бунтовщиках и рабах. В мирное время они нанимались на работу к местным жителям, в периоды же смуты могли совершать набеги на города или поступали на воинскую службу к тем, кто предлагал им наибольшую плату. Вполне возможно, что это название относилось не к какому-то определенному национальному, религиозному или культурному сообществу, но указывало на некий социальный или правовой статус. Скорее всего, речь шла об одном из кочевых племен, державших в страхе цивилизованное оседлое население Аравийской Пустыни.

До недавнего времени *хабиру* (или, как это имя звучало бы на хананейском наречии, *апиру*) отождествлялись с евреями, и, хотя свидетельства, появившиеся в последнее время, существенно усложнили проблему отождествления, мы можем говорить, по крайней мере, о наличии косвенных связей между двумя названными понятиями. Авраам назван “евреем” (Быт. 14:13); большая часть упоминаний “евреев” в Ветхом Завете отно-

сится именно к патриархальному периоду или ко времени пребывания народа Божия в Египте. Дальнейшее использование этого термина свидетельствует о том, что понятие “еврей” так же как и понятие “хабиру” обозначает не определенную народность, но, скорее, статус иноземца или пришельца.

Итак, на основании нескольких письменных свидетельств мы вправе предположить, что предками патриархов были кочевники. Если это так, то их поход на юг представляется чем-то вполне естественным.

Еще более убедительное свидетельство того, что патриархи были выходцами из северной Месопотамии, предоставляют нам таблички из города Нузи (Аррапха), находившегося на юго-восточной оконечности Ниневии, в которых мы находим нормы обычного права, напоминающие нормы, характерные именно для периода патриархов, но никак не для других, более поздних периодов. Жители Нузи были хурритами (библейские “хорреи,” Втор. 2:22), не индоевропейскими арменоидами, вторгшимися в северную Месопотамию и основавшими в XVI—XV веках до Р.Х. на землях аморреев крупное государство, во многом перенявшее культуру аморреев и, весьма вероятно, систему обсуждавшихся выше установлений.

Некоторые из нузийских текстов позволяют понять обычай наследования, о котором говорит Авраам в Быт. 15, 2—3. В согласии с этим обычаем, бездетные супруги могли усыновить домочадца, который заботился бы о них при жизни и обеспечил бы им достойные похороны. Приемный сын при этом наследовал их имущество. Данный договор аннулировался хотя бы отчасти, если у супругов рождался сын.

Продажа Исавом своего первородства Иакову (Быт. 25:30-34) также имеет параллель в нузийских текстах, где говорится о том, как один из братьев продал унаследованную им рощу за трех баранов! Неспособность Исаака отменить свое благословение, полученное Иаковом обманным путем (Быт. 27:33), можно проиллюстрировать нузийским документом, в котором говорится о судебном рассмотрении подобного устного “благословения.”

Вероятно, наибольший интерес представляет объяснение взаимоотношений Иакова и Лавана. Лаван объявил Иакова своим наследником, однако впоследствии, когда у Лавана родились сыновья, положение Иакова стало ненадежным (Быт. 30:35) [4]. Иаков решил вернуться в Ханаан с нажитым им добром (Быт. 30:31; 31:12) и взял с собой, помимо прочего, домашних богов или *терафимов* дома Лавана. Согласно законам Нузи обладание этими идолами не только приносило удачу, но и являлось свидетельством семейного наследования. Нет ничего удивительного в том, что Лавана более всего взволновала утрата семейных *терафимов*, а не его дочерей, их мужей и скота [5].

Ветхозаветный взгляд на происхождение человека также может служить одним из свидетельств месопотамского происхождения патриархов. Истории Творения и Потопа, представленные в книге Бытия (Быт. 2:6-9) не имеют параллелей в египетской или хананейской литературе, что представляется весьма примечательным обстоятельством, особенно, если мы вспомним о том существенном влиянии, которое они оказали на религию и литературу Израиля. С другой стороны, мы не можем не обратить внимания на известный параллелизм соответствующих месопотамских и еврейских историй. Израиль не мог заимствовать эти концепции в ассирийский период (с IX по VII столетие до Р.Х.), поскольку ассирийцы были воинственным и малокультурным народом, или в период вавилонского плена (VI век до Р.Х.), поскольку наиболее существенным следствием плена стало растущее стремление израильтян *отделить* себя от их языческих покорителей. Наибо-

лее обоснованной представляется точка зрения, в соответствии с которой истории о творении, рае, потопе, Нимроде (Быт. 10:8) и вавилонской башне (Быт. 11) были принесены из Месопотамии самими патриархами. Так, рассказ о вавилонской башне, скорее всего, возник в пору процветания и славы самого Вавилона и его культовой башни или *зиккурата*, то есть, не позднее 1800-1600 г. до Р.Х., когда город был разрушен хеттами, хотя сам зиккурат мог быть возведен еще в XXIV столетии до Р.Х.

Разумеется, самой известной из них является история о великом потопе, затопившем все земли и уничтожившем все живое, пережить который смогли единственно обитатели Ноева ковчега. У вавилонян издревле существовал подобный же рассказ. В 1872 году Джордж Смит сообщил о находке древней его версии в библиотеке Ашурбанипала, найденной в Ниневии в 1853 году. Впоследствии стало известно, что данная версия основывается на еще более древних источниках, которые могут датироваться III тысячелетием до Р.Х.

Вавилонский рассказ о потопе пересказывается и в эпосе о Гильгамеше, большой поэме, повествующей о древнем правителе Урука, города в Южной Вавилонии, который, стремясь к вечной жизни, встречается с Утнапишти, единственным человеком, сумевшим обрести бессмертие. В древние времена, когда боги решили уничтожить человечество в водах всемирного потопа, бог Эа предупредил о грядущей беде Утнапишти и его супругу, и те, построив корабль, смогли спасти себя и других живых существ, взятых ими парами. Бог бури Энлиль, раскаявшись в произведенном им потопе, награждает Утнапишти вечной жизнью.

Многие детали вавилонского мифа о потопе настолько близки к библейской истории, что зависимость от него последней представляется едва ли не очевидной. Совпадают не только сюжеты, но и такие детали, как постройка корабля, освобождение птиц в конце потопа и жертва, принесенная героем после того, как воды отступили, оставив корабль в горах.

(Об историчности потопа было написано немало, особенно после того, как в 1929 году сэром Леонардом Вулли при раскопках Ура в Южной Вавилонии был открыт “потопный” слой. Достаточно самонадеянное утверждение этого археолога о том, что ему удалось найти подтверждение реальности всемирного потопа, было с энтузиазмом подхвачено авторами множества популярных изданий. К сожалению, ряд фактов говорит отнюдь не в пользу этого предположения. Вулли производил раскопки в пяти разных местах, исследуя древнейшие культурные слои Ура, однако только в двух случаях им были обнаружены отложения наносных пород. Из этого следует, что водою был затоплен не весь Ур, но лишь отдельные его районы, соответственно, речь должна идти всего лишь о локальном разливе Евфрата. Мало того, раскопки показали, что потоп не привел и к перерыву в хозяйственной деятельности людей, который был бы одним из обязательных следствий катастрофы глобального масштаба).

Библейская история потопа основана, скорее на северомесопотамской, а не на вавилонской версии, поскольку в первой версии ковчег останавливается на горе Арарат в Армениии, находящейся к северу от Харрана, а в вавилонской версии речь идет о горах, лежащих восточнее Месопотамии. В данном случае археологические данные подтверждают библейскую традицию, в соответствии с которой родиной патриархов был район Харрана.

Патриархи в Ханаане.

Согласно книге Бытия патриархи пасли стада коров, овец и коз, странствуя по холмистым землям Палестины, лежавшим между Дофаном и Вирсавией, в поисках пастбищ и источников, которых в этих землях, сложенных из мягкого хорошо поглощающего влагу известняка, было совсем немного. Они были, скорее, не оседлыми земледельцами, но кочевниками. Это вовсе не означает того, что образ их жизни был “примитивным,” свидетельством чего является документ (датируемый примерно 1900 годом до Р.Х.), содержащий рассказ высокопоставленного египетского чиновника Синухе, который был вынужден на время покинуть страну. Он нашел прибежище у аморрейского вождя, жившего в Сирии, и был очень доволен оказанным ему приемом [6]. Помимо прочего, данный текст позволяет сделать вывод о том, что в ту пору между Египтом и Сиро-Палестиной существовали весьма тесные связи, что делает рассказ о посещении Авраамом Египта (Быт. 12) вполне правдоподобным. Египетский рельеф, относящийся к тому же периоду (около 1900 года до Р.Х.), изображает семью прибывших в Египет семитских полукочевников и, вероятно, достаточно точно представляет патриархальную семью [7].

Каждый из патриархов традиционно ассоциируется с тем или иным районом Палестины: Авраам с Мамре, находящимся к югу от Иерусалима (Быт. 13:18), и с местечком Махпела, где находилась пещера, ставшая впоследствии усыпальницей патриархов (Быт. 23:17) [8]; Исаак с Вирсавией (Быт. 26:23; 28:10); Иаков с Вефилом, Сихемом и Дофаном (Быт. 33:18; 35:1; 37:17). Судя по всему, во всех этих местах существовали древние святилища, в которых Авраамом или Иаковом были установлены алтари и “столпы” (например, Быт. 28:18). Археологические данные свидетельствуют о том, что эти города были основными поселениями в период с 2000 по 1700 годы до Р.Х. Тогда уже существовали и Дофан, и Сихем, и Вефиль. Древность колодцев Вирсавии не вызывает никаких сомнений. Хеврон, судя по тому, что сказано о нем в книге Чисел (Чис. 13:23), “построен был семью годами прежде Цоана, города Египетского.” Цоан, город в Дельте Нила, за свою долгую историю сменил ряд имен, среди которых, возможно, было и имя Раамсес, “город для запасов,” выстроенный или перестроенный еврейскими невольниками (Исх. 1:11). Раскопки показали, что около 1700 года до Р.Х. город был перестроен гиксосами. Примерно в этот же период был основан и Хеврон, который, вероятно, назывался в ту пору Кириаф-Арба (Быт. 23:2; 35:27) и, скорее всего, не существовал при Аврааме, вследствие чего последний ассоциируется именно с Мамре, находившимся в том же районе.

Единственным источником информации о хананеях, которые, как считается, жили в ту пору в этих землях, являются материальные памятники, найденные на местах их поселений. В период до 2000 года до Р.Х. в Палестине существовало всего несколько городов, однако уже в XIX столетии с началом новой эры (средняя бронза II) количество городов существенно увеличилось, а уровень их материальной культуры резко повысился. У азиатских недругов Египта в этот период уже появились египетские статуэтки и керамические изделия. Берлинские тексты (XX века до Р.Х.) говорят о том, что Палестину в этот период населяли кочевые или полукочевые племена, единственными же палестинскими городами были Иерусалим и Аскалон. Брюссельские тексты (конец XIX в. до Р.Х.) свидетельствуют о росте влияния городов, здесь уже упоминаются многие города и их правители.

Один из крупнейших хананейских городов этого времени Газер находился в предгорьях, граничащих с прибрежными равнинами к юго-востоку от Яффы. Он был окружен мощной стеной и, судя по статуям и другим найденным там предметам, возможно, являлся египетским укреплением. Во втором крупном городе Мегиддо, защищавшем путь из

Шарона в Ездрилон, проходивший через гору Кармил, также были найдены предметы, относящиеся к египетской культуре. Помимо прочего, там были обнаружены три одинаковых храма, которые, предположительно, являлись “обиталищами” трех различных божеств. О найденной в Мегиддо “высоте,” относящейся к тому же периоду, мы уже писали в главе I.

Третьим процветающим районом была долина Иордана. В книге Бытия говорится о процветании “окрестности Иорданской” (Быт. 13:10) и об уничтожении ее городов (Быт. 19:24-28). “Сера и огонь” могли свидетельствовать о вулканическом извержении, однако, поскольку в этой части света нет вулканов, мы склонны считать соответствующий эпизод описанием землетрясения, которые для рифтовых долин являются обычным явлением. Исследование земель южной Трансиордании к востоку и к югу от Мертвого моря показывает, что поселения, возникшие здесь до 2000 года до Р.Х., были спешно покинуты в XX или в XIX столетии, после чего их обитатели вновь превратились в кочевников. Города Содом, Гоморра и Цоар не были найдены, поскольку они, по всей видимости, оказались затопленными водами южной части Мертвого моря [9]. Эпоха падения городов долины, в которую, как считается, и жил Авраам, приходится на XX—XIX столетия до Р.Х., что хорошо согласуется с позднейшим библейским преданием, согласно которому Авраам покинул Месопотамию примерно за шестьсот лет до Исхода евреев из Египта. Впрочем, эту дату следует считать весьма условной, и некоторые ученые полагают, что это произошло несколькими столетиями позже [10].

В Быт. 14 рассказывается о походе четырех месопотамских царей в Трансиорданию и о падении и разграблении городов Долины. Они шли по древнему пути, названному позднейшими израильтянами “царской дорогой” (Чис. 20:17; 21:22). Одного из этих царей Амрафела длительное время отождествляли с великим вавилонским царем Хаммурапи, однако ныне подобная точка зрения представляется достаточно спорной. Следует заметить, что мы не можем сколько-нибудь уверенно отождествить с реальными историческими фигурами и прочих царей. Истинной же целью похода могли быть находившиеся к югу от Мертвого моря медные рудники, обеспечивавшие процветание этих поселений до того момента, пока последние внезапно не опустели.

Благодаря трудам археологов о фамильных погребальных пещерах сегодня нам известно достаточно многое. История о том, как Авраам приобрел такую пещеру в Мамре у Ефрона Хеттеянина, недавно была исследована с позиций хеттского законодательства [11]. В хеттском своде законов, найденном в Богазкёе (Турция), говорится о том, что в тех случаях, когда покупатель приобретает у продавца всю его земельную собственность, он берет на себя определенные феодальные обязательства, которые при передаче земли другому владельцу должны передаваться вместе с нею. Именно по этой причине Ефрона так волновала судьба поля и пещеры.

Значение возведения столпов (памятников) Иаковом (Быт. 28:18; 31:45...) не вполне понятно, хотя подобных столпов было найдено немало. Вероятнее всего, они были призваны запечатлеть память о богоявлениях, обетах, договорах или, даже, о предках или важных должностных лицах.

Божество патриархальной семьи именовалось “Богом отцов” или “Богом Авраама, Исаака или Иакова.” Языческая древность дает немало примеров семейных божеств такого типа. Патриарх избирает для себя определенное божество, с которым он вступает в особые контрактные или договорные отношения. Это божество берет под особую опеку семью или род, каждое последующее поколение которого должно подтвердить свою вер-

ность договору. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с одним из истоков позднейшего завета между Богом и Израилем. “Бог отцов” отождествляется с Иеговой (Исх. 3); он становится Богом Израиля, Израиль же добровольно становится его народом. Имя этого патриархального божества нам до конца не известно, однако мы можем уверенно говорить об одном из его эпитетов. Это “Шаддаи” (Быт. 17:1; Исх. 6:3), имя, пришедшее из Месопотамии и имеющее значение “житель гор,” призванное свидетельствовать о силе и величии божества. Поклонение Авраама Богу Всевышнему (Эль-Элиону) в Иерусалиме (Быт. 14) свидетельствует о том, что патриархи не были монотеистами. Эль являлся главой “аморрейского” и, позднее, ханаанского пантеона, и у нас нет оснований считать, что в 14 главе книги Бытия речь шла о ком-то ином.

Примечания.

1. В. Олбрайт не сомневался в реальности событий, которые легли в основу “сказаний о Патриархах” Книги Бытия как эпической традиции. К таким событиям он относил переселение семитоязычных племенных групп из южно-месопотамского Ура на запад в Харран и далее на юг вплоть до Негева. При этом он подчеркивал невозможность точной датировки миграции Авраама в Сиро-Палестинский регион или Иакова в Египет (Albright, 1961, p. 83). Исходя из общей исторической ситуации, вернее, из представлений о ней ныне уже полувековой давности, он относил первую предположительно к XIX в., а вторую к XVIII или — скорее — к XVII в. до Р.Х., связывая последнюю с гиксосским вторжением в Египет, а по месопотамской линии синхронизации — со старовавилонской эпохой. Предлагая эту гипотезу, исследователь исходил из хронологических показателей каппадокийских табличек, документов Ларсы и Вавилона в Месопотамии и особенно Мари на Среднем Евфрате, а также подчеркивал отсутствие языковых барьеров для западно-семитских групп по всей территории “плодородного полумесяца” и тесные политические и культурные связи между Палестиной и Египтом. В качестве одного из свидетельств последних приводятся и данные росписи египетской гробницы в Бени-Хасане с изображением семитских металлургов. Реальность переселения западно-семитской группы, включавшей и древних евреев, из Месопотамии в Палестину в старо вавилонскую эпоху, к воспоминаниям о котором и восходит патриархальная традиция, признавали и ряд других крупных исследователей умеренно-критического направления (Байт, Спайзер, А. Парро, Р. де Во и другие). Все они были археологами и стремились использовать археологические материалы для обоснования этой гипотезы и демонстрации согласованности их со свидетельствами Библии. В этом плане достаточно показательной представляется разработка рассматриваемой проблемы, предложенная К. Кеньон. Предысторию вопроса Кеньон связывает с массовыми передвижениями в XVIII в. до Р.Х. скотоводческих групп, обобщенно именуемых гиксосами. Исследовательница совершенно справедливо постулирует их разноэтничность: среди зафиксированных на скарабях имен есть безусловно семитские, но много и других. Наиболее четкую группу представляют хурритские имена. В XIV в. до Р.Х. палестинские вожди с хурритскими именами упоминались в амарнской переписке. Наряду с хурритами в источниках II тыс. до Р.Х. упоминается еще одна значительная группа — *хабиру*, которую Кеньон не считает, в отличие от хурритов, одноэтничной, но подчеркивает наличие в ней семитских имен и допускает сопоставление этнонимов *Habiru* с Hebrew (евреи) и египетским *Apiru*, хотя и подчеркивает его гипотетичность (Кеньон, 1979, pp. 167-168). Вместе с тем она отмечает соответствие общей ситуации, связанной с вторжениями гиксосов, в состав которых входили и *хабиру*, повествованиям об Аврааме. “Вполне вероятно, — заключает Кеньон, — что период Патриархов относится к среднему бронзовому веку и что израильтяне были потомками *хабиру*, пришедших в этот период в Палестину из Сирии... Патриархи были кочевниками, двигавшимися по плодородному побережью и жившими в своих шатрах среди хананеев, но обособленно, не смешиваясь с ними...” (Кеньон, 1979, p. 1-77). При определенной логичности и последовательности этого построения в нем достаточно явно проявляются слабые стороны всего рассматриваемого направления: миграция предков евреев из Южной Месопотамии в Палестину, давшая начало патриархальной традиции, принимается за изначальную, не требующую доказательств, истину и далее вписывается в общую ситуацию среднего бронзового века, что и выражено утверждением о “соответствии библейского повествования всей специфике периода.” При этом за пределами внимания исследователей оказываются и длительность существования названной ситуации, и ее географические рамки, и специфичность проявления ее в конкретные моменты и в конкретных районах по отношению к конкретным же событиям и человеческим группам. Лишенной фактического обоснования оказалась и датировка времени Патриархов ранне-вавилонским периодом, тем более, что она создавала необъяснимый пятисотлетний (вплоть

до Исхода в XIII в. до Р.Х.) провал в древнееврейских исторических воспоминаниях, который ученые этого направления не слишком убедительно пытались заполнить пребыванием древних евреев в Палестине в составе различных семитских племенных групп, прежде всего *хабиру*. Вторая концепция представлена трудами С. Гордона, О. Эйсфельдта, И. М. Дьяконова, Г. Форера, относивших переселение из Месопотамии к средне-вавилонскому периоду — то есть к позднему бронзовому веку. При этом историческим признавалось лишь ядро патриархальной традиции, на отдельные упомянутые ею события это не распространялось. Данные археологии почти не привлекались. Наконец, третья концепция (или группа близких концепций) альтернативна обеим предшествующим. Ее создатели Дж. ван Сетерс и Т. Л. Томпсон и их последователи отрицают историчность патриархальной традиции вообще и видят в ней позднюю историко-фантастическую компиляцию. Естественно, представляющие ее ученые сверх-критики отрицают и сам факт переселения из Месопотамии. Часть их связывает генезис древнееврейской общности с внедрением различных по происхождению социальных и родовых групп в Палестину с ее окраин. Другая часть (своего рода “автохтонисты”) определяет эти группы как коренных насельников Палестины, обособившихся от собственных сородичей-хананеев в ходе предполагаемой кочевой жизни и последующего оседания. Что касается самой патриархальной традиции, то суперкритики указывают на фиксацию ее не ранее X в. до Р.Х. и сходство отдельных ее элементов с предметами I тыс. до при отсутствии отражения достоверно известных событий II тыс. до Р.Х. А. А. Немировский (1996) анализом значительного числа конкретных примеров обосновал утверждение, согласно которому “племенной (и вообще архаичный) мир хранит достоверные в своей основе устные предания, касающиеся его истории, веками, если не тысячелетиями,” и в случае позднейших модификаций, перегруппировок, насыщения новыми предметами “ядро каждого из группирующихся сюжетов, как правило, остается неизменным.” Реалии же I тыс. до Р.Х., как и прочие анахронизмы, подстилаются другим, более ранним пластом традиции, этих анахронизмов не содержащим, таким образом, анахронизмы библейского канона накладываются на содержащуюся в нем же исконную патриархальную традицию, и тем самым не могут дискредитировать последнюю. Забвение же архаической племенной общности собственного прошлого трех-четырёхсотлетней давности с подменой его новой искусственной компилятивной версией А. А. Немировский считает “совершенно невозможными: этому противоречат и здравый смысл, и в особенности архаическое отношение к предкам. Таким образом, — заключает он, — нам представляется целесообразным относиться к ядру традиции — то есть к ее исходным сюжетам, очищенным от фольклорных деталей позднейших наслоений и связей, — с предварительным доверием” (см. Мерперт, 2000, с. 183, сл.).

2. Сайрус Гордон, Гершель Шанкс и некоторые другие ученые высказывали сомнение в том, что Авраам происходил из « Ура Халдейского» . Возможно ли, что это был какой-то другой Ур в Северной Месопотамии, а не в южной Вавилонии? В аккадских клинописных текстах упоминаются несколько городов с похожими названиями — Ура, Ури, Урэ. Расстояние от « Ура Халдейского» до Харрана составляет около 1000 км; непонятно, спрашивают они, зачем семейству Авраама понадобилось делать такой крюк по пути в Ханаан. С другой стороны, описанный маршрут видимо был хорошо известен: торговцы, следовавшие из Ашшура в Анатолию между 1950 и 1750 до Р.Х. двигались вдоль берега Черного моря, и дорога из Ларсы на Эмар также шла вверх по Тигру через Харран. Прямой же путь из Ура в Ханаан лежит через пустыню, маловероятно, что им вообще пользовались в древности. На руинах древнего Ура, на месте производившихся Леонардом Вулли в 1920-х гг. раскопок, туристам до сих пор показывают место, где предположительно стоял дом Авраама. Вулли нашел здесь клинописную табличку с именем « Абрам» (как звали Авраама до того, как Бог изменил его имя). « Абрам» — семитское имя, довольно распространенное в древности, поэтому особых оснований связывать эту находку именно с библейским Авраамом не имеется. Еще одна глиняная табличка с упоминанием « Абрама Египтянина» была найдена в Угарите (Charles Vroilleaud, *Textes en Cuneiformes Alphabetiques Des Archives Sud, Sud-Oest et du Petit Palais* — “Le Palais Royal D’Ugarit,” vol. II, ed. Claude F.A. Schaeffer, Paris, 1965, no. 95, p. 117).

3. Отделение протохананеев от протоарамеев произошло в начале III тыс. до Р.Х.; с ним связываются корни предания о разрыве между основателем городов Каином и кочевником Шетом — первопродком сутиев. Противостояния древних евреев, как наследников сутиев, хананеям восходит, вероятно, к тому же времени.

4. О времени рождения сыновей Лавана в Библии ничего не говорится, указанная же сноска явно ошибочна — *прим. пер.*

5. Очевидно, речь здесь должна идти об их детях или о внуках Лавана — *прим. пер.*

6. Синухе, египетский вельможа, живший в эпоху XII династии. Опасаясь обвинения в причастии к дворцовому заговору, Синухе бежал из Египта, жил в Библи, много лет провел в Палестине и Сирии, где снискал расположение местных вождей, завел семью, нажил богатство. На склоне лет он получил прощение от Сенусерта I и разрешение вернуться в Египет, чему был несказанно рад, ибо не было ничего страшнее для египтянина, чем смерть на чужбине. Синухе совершил далекое и необычное в то время для египтянина путеше-

ствии. Но в его записках читатель не найдет ни этнографических зарисовок, ни описания мест, которые он видел. Все внимание сосредоточено на самом герое и его переживаниях, остальное лишь фон, причем очень размытый, некая абстрактная «чужбина», где его одолевает тоска по родине. «Повесть Синухе» — не путевые заметки, а художественное, нравоучительное произведение. Это пропаганда египетского образа жизни, ради которого не жалко отдать все богатства Азии, история раскаявшегося «невозвращенца», на собственном опыте убедившегося в том, что нормальная жизнь за пределами Египта невозможна.

7. В. Олбрайт рассматривает это изображение из египетской гробницы в Бени-Хасане (1890 г. до Р.Х.), где группа людей с подчеркнута семитскими чертами движется вместе с ослами, навьюченными, среди прочего груза, мехами для плавильных горнов, как изображение группы бродячих металлургов из Ханаана (Albright, 1960, p. 207, fig. 61): “Это незабываемое изображение небольшого клана из полукочевых палестинского племени. Под главенством своего вождя, носящего сильно сокращенное семитское имя Абша, тридцать семь человек — мужчин, женщин и детей, доставляют, как отмечено надписью, *sibium* (черный пигмент) из Шуту (Центральная Трансиордания) ко двору монарха одной из областей Среднего Египта к северу от Амарны. Как мужчины, так и женщины одеты в шерстяные туники, сшитые из двух полос цветной ткани. Туники закреплялись на одном плече, второе оставалось обнаженным. У женщин туники кончались между коленом и лодыжкой, тогда как у мужчин они доходили лишь до колен. В то же время некоторые мужчины одеты в длинные белые (льняные?) туники, а другие — в короткие — от талии до колен. Мужчины изображены в сандалиях, женщины в низкой кожаной обуви. Из оружия изображены сложные луки, стрелы, дротики и, вероятно, изогнутые серповидные мечи. Полной неожиданностью явилось наличие среди вещей лиры в руках одного из мужчин и двух мехов для плавильных горнов, навьюченных наряду с прочим грузом на ослы.” Помимо ослы, люди вели и других копытных животных. Такое примечательное сочетание — скотоводы, металлурги и музыканты — перекликается с ветхозаветным текстом (Быт. 4:19-22): “И взял себе Ламех две жены; имя одной: Ада, и имя второй: Цилла (Селла). Ада родила Навала: он был отец живущих в шатрах со стадами. Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гуслях и свирели. Цилла также родила Тувалкаина (Фовела), который был ковачом всех орудий из меди и железа.”

8. Эта пещера находится недалеко от Хеврона. В настоящее время она является предметом споров между местными иудейской и мусульманской общинами — мусульмане также считают Авраама своим предком.

9. С Содомом и Гоморрой, которые, вероятно, располагались у южного берега Мертвого моря, связывали самые разные памятники, в том числе древние городища Баб эд-Дэра и Нумерия в Иордании, к юго-востоку от Мертвого моря. Раскопки на этих поселениях показали, что они были уничтожены огнем около 2300 г. до Р.Х. — в конце периода Ранней Бронзы III. Существовали они достаточно долго — погребения на находившихся рядом обширных кладбищах совершались в течение почти тысячи лет. До разрушения Содом и Гоморра входили в коалицию пяти городов (Быт. 14:2 и т. д.) в долине реки Иордан. В *Biblical Archaeological Review* за сентябрь-октябрь 1980 г., с. 29, 33, 36 У. Э. Раст и Р. Т. Шауб сообщили о том, что именно в этой части побережья Мертвого моря была обнаружена такая группа из пяти городов (городища Баб эд-Дэра и Нумерия входят в их число). Британские геологи, обследовавшие в 2000 г. дно Мертвого моря в северной его части, обнаружили на глубине более ста метров остатки каких-то сооружений, которые также попытались связать с легендарными городами.

10. См. Н. Н. Rowley, *From Joseph to Joshua* (London, 1950); Cyrus H. Gordon, *Introduction to Old Testament Times* (Ventnor, N.J., 1953). За действительную точку отсчета для еврейской этноистории принят “переход” (“эбер”) из-за Евфрата, при этом обосновывается признание патриархов Авраама, Исаака и Иакова историческими личностями, связанными с общностью “ибри” (перешедших). Переселение же этой общности к западу убедительно увязывается с кампанией касситского царя Вавилона Кадашман-Харбе I по изгнанию за пределы Месопотамии всех сутиев-аморреев. Кампания эта датирована началом XIV в. до Р.Х., и А. А. Немовский (1996) имеет все основания считать, что она имела “тот масштаб и последствия, которые мы ожидали бы для первого толчка древнееврейского этногенеза.” При этом миграция предков евреев из Южной Месопотамии получает как фактическое обоснование, так и конкретный хронологический репер для ее начала на исходной территории — начало XIV в. до Р.Х. Датировка дальнейших этапов ее и распространения общности “ибри” в Сиро-Палестинском регионе конкретно видна соотношением указанных событий с расселением арамеюв в Сирийской степи в середине XIV в. до Р.Х. и проверкой засвидетельствованных патриархальной традицией контактов евреев с хеттами, власть которых над Палестиной во второй половине XIV в. до Р.Х. прочно доказана. Датировка основных событий патриархальной эпохи соответствует и заключениям эллинистических и иудейских хронографов.

11. Manfred R. Lehmann, *BASOR* 129 (February 1953), pp. 15—18.

3. Исход и Завоевание.

Согласно Ветхому Завету, Исход из Египта был событием в истории народа и веры Израиля. Данное событие является историческим фактом. Одно из свидетельств этого — появление в библейском тексте целого ряда египетских имен. Само имя Моисей является производным от египетского глагола, имеющего значение “приносить, порождать.” В таких египетских именах, как Тутмос и Рамсес, первый слог является именем бога, частицы же “-мос” или “-мес” говорят о том, что человек, получивший данное имя, был порождением того или иного бога. К египетским именам относятся Финеес, Офни, Пасхор и, возможно, Ор и Мерари. Впрочем, египетские имена, фигурирующие в истории об Иосифе (Потифар, Потифер, Асенефа, Цафнаф-панеах), относятся к более позднему периоду, хотя, возможно, эти имена подверглись определенной модернизации.

Египетский колорит в истории Пребывания очень ярок, что свидетельствует о хорошем знакомстве ее авторов с Египтом. Египтяне действительно придавали большое значение снам и их толкованиям. Должность, на которую Потифар поставил Иосифа (Быт. 39:5), именуется точно так же, как и в Египте. Должности “главного виночерпия” и “главного хлебодара” (Быт. 40:2) упоминаются и в египетских текстах. В день рождения фараона устраивался пир и, возможно, отпускались на свободу заключенные (Быт. 40:20 и далее). Помимо прочего, мы знаем о том, что в Египте было множество волхвов, что “мерзость для египтян всякий пастух овец” (Быт. 46:34; смотрите также 43:32), что сто десять лет жизни Иосифа (Быт. 50:22) в египетских источниках традиционно считались нормальной продолжительностью счастливой, благополучной жизни, что бальзамирование или мумификация (Быт. 50:2; 50:26) были обычной для Египта подготовкой тела важного лица к погребению. Дарение фараоном подарков Иосифу при назначении его на высокую должность (Быт. 41:42 и далее) соответствует египетским обычаям. Помимо прочего, десять казней (Исх. гл. 7-12) соответствуют десяти бедствиям, которые и по сей день угрожают Египту.

В историю Иосифа могли войти отдельные эпизоды из других историй. Скажем, эпизод с супругой Потифара (Быт. 39:7 и далее) аналогичен египетской легенде о двух братьях, Анубисе и Бате, возненавидевших друг друга, после того как супруга Анубиса попыталась соблазнить Бату.

Исторический фон.

Существует немало текстов и изображений, позволяющих лучше понять то положение, которое Иосиф занимал в Египте. Судя по этим источникам, Иосиф совмещал две должности: “правителя” или руководителя правительства и “начальника зернохранилищ.” Правитель являлся чем-то вроде министра внутренних дел и руководителя государства, который, возможно, порой руководил и религиозными церемониями. Начальник же зернохранилищ должен был обеспечить создание запаса зерна, которым, в конечном итоге, определялось богатство и стабильность Египта, и на торжественном приеме у Фараона “дать отчет об урожае.” Если последний оказывался “лучшим урожаем тридцатилетия,” чиновник помазывался и награждался ожерельем. Судя по всему, в Новом царстве (после 1570 года до Р.Х.) иноземцы достаточно часто занимали властные позиции, и, возможно, Иосиф жил там как раз в тот период, когда они правили Египтом, как мы увидим это ниже [1].

Два египетских документа показывают, что в трудные времена пограничные власти дозволяли бедуинам из Палестины и с Синая входить в Египет и селиться в земле Гесем (ср. Быт. 46:28 и далее). В египетских текстах земля Гесем не фигурирует, — здесь речь идет о городе в восточной части Дельты Нила, известном под именами “земля Раамсес” (Быт. 47:11) и “поле Цоан” (Пс. 77:12). Этот регион, известный ныне как Вади-Тумилат, оставался до последнего времени одним из богатейших районов Египта (Быт. 47:11), причем большую часть его населения еще в прошлом (девятнадцатом — прим. пер.) веке составляли кочевники. Если еврейские пастухи когда-нибудь и жили в Египте, то местом их обитания, скорее всего, был именно этот регион [2].

Многие ученые считают, что переход Иосифа и его семейства в Египет состоялся в правление гиксосов или “царей чужеземных стран” [3]. Гиксосы были азиатским союзом племен, захватившим Египет около 1700 года до Р.Х. и на 150 лет подчинивших себе огромную империю, в которую помимо Египта входили, по меньшей мере, Палестина и южная Сирия. Предметы, принадлежавшие одному из их величайших правителей, были обнаружены даже на Крите и в Месопотамии. Разрушение нескольких палестинских городов в XVI столетии до Р.Х., свидетельствует о египетской военной кампании, последовавшей вслед за изгнанием гиксосов из Египта.

Столица гиксосов Аварис вероятно находился на месте нынешнего местечка Сан-эль-Хагар в Дельте Нила, которое, как считается, сначала именовалось Аварисом (до 1500 г. до Р.Х.), затем Раамсесом (1300-1100 гг. до Р.Х.) и, наконец, Танисом или Цоаном (после 1100 г. до Р.Х.) [4]. Были открыты некоторые укрепления гиксосов и, что представляется особенно важным, *стела* или монумент, сооруженный при Рамсесе II в память о 400-летней годовщине основания города гиксосским правителем. Поскольку стела эта была возведена в 1320-1300 гг., город этот был основан в 1720-1700 гг. до Р.Х. [5]. Традиция, в согласии с которой Хеврон был построен “семью годами прежде Цоана” (Числ.13:23), свидетельствует о том, что евреи жили в Египте в период основания последнего, то есть, в период правления гиксосов. Впрочем, следует отметить, что некоторые ученые полагают, что Раамсесом некогда назывался не Танис, но Кантир (Qantir), лежащий несколькими милями южнее, вследствие чего интерпретация и историческая значимость “памятной стелы” становятся существенно иными.

Другое указание на то, что означенные события прились именно на период правления гиксосов, состоит в том, что земля Гесем находилась неподалеку от тогдашней египетской столицы. Аварис, находившийся в восточной части Дельты, служил столицей только при гиксосах (1720-1580 гг. до Р.Х.) и при фараонах XIX династии (после 1300 года до Р.Х.). До и после гиксосов столицей были Фивы, город в Верхнем Египте.

Возможно, также, что история с покупкой Иосифом всей земли египетской для фараона (Быт. 47:13 и далее) является своеобразным отображением той социальной революции, которая произошла в правление гиксосов. До начала их правления земля принадлежала, главным образом, знатным вельможам. После изгнания гиксосов фараонами XVIII династии земля находилась в ведении государственных чиновников, крестьяне же являлись рабами фараона. Мы не можем утверждать, что эти социальные преобразования были произведены именно гиксосами, однако следует заметить, что они произвели не менее радикальный социальный переворот и в Палестине.

Фараон Исхода.

Книга Исхода начинается с рассказа о том, что после смерти Иосифа и рода его евреи в Египте размножились настолько, что фараон, решив ограничить их численность, отправил их на тяжелые строительные работы, в том числе, на строительство Пифома и Раамсеса, “городов для запасов” (Исх. 1:11).

Мы уже говорили о том, что на границах любой цивилизованной ближневосточной страны селились племена кочевников (*хабиру*), которые в мирное время нанимались на работу к местным оседлым жителям. В египетских текстах они названы *апиру*, при этом указывается, что некоторые из них участвовали в перетаскивании каменных блоков для храмов, строившихся Рамсесом II (1279-1212 гг. до Р.Х.). Ниже мы увидим, что города Пифом и Раамсес были построены евреями в его правление.

Пифом порой отождествляется с местечком Тель-эр-Ретабех (или Эртабех) в Вади-Тумилат. Самым совершенным из всех найденных там сооружений является храм Рамсеса II; поскольку других аналогичных построек в городе нет, мы можем прийти к заключению, что израильтяне (если только город строили именно они) возводили город в период правления Рамсеса II.

При Рамсесе II город Раамсес, который, возможно, находился на месте Таниса и был назван “Домом Рамсеса” (Пер-Рамсес), стал столицей Египта. Поскольку в период между изгнанием гиксосов и временем правления Рамсеса II это место оставалось необитаемым, а от периода правления Рамсеса II в городе сохранилось немало памятников, мы вправе предположить, что израильтяне работали там, по меньшей мере, в начальный период его правления (если мы будем исходить из достоверности соответствующей традиции). Следовательно, фараоном, фигурирующим в истории об Исходе, должен быть именно Рамсес II.

Маршрут Исхода.

При своем Исходе [6] из Египта израильтяне не пошли по прямому, но многолюдному и хорошо охраняемому торговому и военному пути в Ханаан, “по дороге земли Филлистимской” (Исх. 13:17). Длинная цепь египетских укреплений, возведенных вдоль этой дороги, была описана фараоном Сети I в его карнакской надписи. Вместо этого евреи вышли “дорогой пустынною к Чермному морю” (Исх. 13:18). Однако еврейское *Yam Suph* следует переводить как “Тростниковое,” но не как “Красное” море. Представляется весьма маловероятным, что речь здесь идет о северной части Красного моря, именуемой сегодня Суэцким заливом. Во-первых, в Красном море нет тростниковых зарослей. Во-вторых, судя по библейскому рассказу, “Тростниковое море” являлось границей между землей Египта и пустыней. Красное же море отделено от Египта достаточно широкой полосой пустыни. В одном египетском тексте, описывающем достопримечательности Раамсеса-Таниса, помимо прочего говорится о находившемся неподалеку от города “Папирусовом болоте,” название которого живо напоминает название библейского “Тростникового моря.” Таким образом, переправа могла проходить неподалеку от Раамсеса. Это подтверждается и отождествлением Ваал-Цефона (Исх. 14:2) с находившимся в том же районе Тахпанхесом, который ныне носит название Тель-Дефне (основой для такого отождествления стал финикийский документ, в котором, помимо прочего, говорится о боге “Ваал-Цефона и всех богах Тахпанхеса”). Город, упоминаемый в рассказе об Исходе, должен был иметь храм этого бога.

Путь, которым израильтяне шли через Синай, не вполне ясен, тем более, что у ученых нет единства и в вопросе о том, где именно находится гора Синай (или гора Хорив) [7]. Обычно считают, что ее следует искать среди сложенных из гранита гор на юге Синайского полуострова, где находились древние медные рудники и разработки бирюзы, куда египтяне регулярно отправляли свои экспедиции. Многие ученые считают, что гора Синай должна находиться в древней земле Мадиамской, к юго-востоку от аравийской Идумеи [8], считая, что в XIX главе книги Исхода речь идет о вулканической активности, которая, в данном регионе возможна только в этих землях. Однако, с тем же успехом, речь могла идти и о буре, разыгравшейся в горах. Помимо прочего, следует заметить, что в Ветхом завете Богоявления зачастую уподобляются грозным природным феноменам, вследствие чего описания такого рода не могут использоваться в качестве основания для определения местонахождения того или иного места. Согласно Второзаконию (Втор. 1:2), путь от Кадес-Варни до горы Хорив (Синай) занимает одиннадцать дней (вероятно, за такое время проходили этот древний путь паломники). Названия станом, находившихся на этом пути, возможно, сохранены в 33 главе книги Чисел. Именно этим путем мог идти к горе Хорив и Илия (3 Цар. 19:1-8). Традиционное местоположение горы Синай на деле прекрасно согласуется с этим маршрутом. Мало того, если бы таковая традиция не вызвала ни малейших сомнений и не была освящена веками, трудно было бы понять причину того, почему древняя Церковь поместила это священное место в столь труднодоступном и опасном районе. И, наконец, некоторые станы могут быть с определенной вероятностью отождествлены с поселениями, находящимися на пути к южным вершинам Синая: так, Елим (Исх. 15:27; Числ. 33:9) может соответствовать оазису Вади-Гарандел (Wadi Gharandel) в 63 милях от Суэца; Дофка (Числ. 33:12) — египетскому горнорудному центру Шерабит-эль-Хадем, поскольку это название переводится как “плавильня”; Рефидим (Исх. 17:1; Числ. 33:14) можно отождествить с Вади-Рефайид и так далее.

Согласно преданию израильтян, Моисей женился на дочери мадиамского священника, названного в одном источнике Иофором, в другом — Рагуилом (Исх. 2:16; 18:1). Члены семьи сына Рагуила Ховава впоследствии стали израильтянами (Числ. 10:29; Суд. 4:11). Это семейство, называлось “Кенейнами” или, иначе, “кузнецами.” К востоку и к юго-востоку от залива Акаба, в лежащей к югу от Мертвого моря долине Арава и в районе горы Синай находились медные рудники. В древности эти рудники разрабатывались куда интенсивнее, чем сегодня, обеспечивая благосостояние жителей Мадиамских земель и Синая. К 1500 году до Р.Х. полукочевое племя кузнецов, живших на Синайском полуострове, уже использовало древнейший из всех известных нам алфавитов, созданный и разработанный хананеями, жившими в Сирии, и впоследствии позаимствованный у них израильтянами и греками. Кузнецы Синая и Мадиама, скорее всего, были состоятельными людьми, имевшими тесные коммерческие связи как с Египтом, так и с Палестиной. Предположение же о том, что Иегова первоначально был племенным богом Кенейн или обитателей земли Мадиамской, представляется крайне сомнительным.

Описания переносной палатки или скинии, которой в лагере израильтян отводилось особое место, а также Ковчега Завета, находившегося внутри скинии, были сделаны более поздними авторами, принадлежавшими к духовному сословию. Тем не менее, преимущество использование акации (“дерева ситтим”), материи из козьей шерсти, бараньих кож и овчинных шкур при построении скинии свидетельствует о кочевой жизни израильтян и, вероятно, об достоверности указанной традиции. У древних арабов, живших во времена до пророка Магомета, существовали особые переносные палатки, считавшиеся

ими священными. Известно, что даже в наше время у некоторых арабских племен или кланов сохранились подобные переносные объекты, функции которых подобны функциям Ковчега. Члены таких кланов считают, что в этой палатке живет сам Аллах, и поэтому видят в ней залог своих побед (см. Числ. 10:35).

Данные переписи, представленные в Числ. 1 и Числ. 26, которые, возможно, являются разными вариантами одного списка, свидетельствуют о том, что в Исходе и в странствиях принимало участие примерно шестьсот тысяч лиц мужского пола. Если же мы будем считать женщин и детей, то общая численность евреев, вышедших из Египта, составит от двух до трех миллионов человек. Синайский полуостров вряд ли мог бы вместить такое число людей. Куда более разумной представляется другая оценка, в соответствии с которой их было от трех до пяти тысяч. Численность армии Рамсеса II в битве при Кадеше составляла около 20.000 воинов. Естественно, такая армия вряд ли могла бы представлять угрозу для шестисоттысячной армии израильтян. Впрочем, вполне возможно, что здесь приведены данные переписи, проведенной в более позднюю эпоху, например, в период Судей или в правление Давида (2 Цар. 24). Возможно также, что слово “тысяча” здесь имеет какое-то особое военное значение.

Переход в Палестину был совершен через Трансиорданию, на территории которой племена столкнулись с обитателями царств Едома и Моава. Нельсон Глюик (Nelson Glueck) активно занимался исследованием Трансиордании в период между 1930 и 1940 годами. Исследуя древние поселения и определяя их возраст по найденным в них фрагментам керамики, он сумел установить границы древних царств Аммона, Моава и Едома. Помимо прочего он пришел к выводу, что они были основаны не ранее XIII столетия. В течение шести предшествующих столетий эти земли были населены кочевниками, не строившими городов. Затем, совершенно внезапно, в период между 1300 и 1100 гг. до Р.Х. в южной Трансиордании начинают возникать города. Исходя из того, что во времена завоевания царства Моава и Едома уже существовали, мы можем сделать вывод, что Исход не мог произойти ранее XIII столетия до Р.Х. [9]

Деяния Валаама (Числ. 22—24), которого Валак, царь Моавитский, позвал из Пефора, находившегося на Верхнем Евфрате, с тем, чтобы он проклял народ Израиля, можно проиллюстрировать действиями месопотамского прорицателя или *бару* [10]. Вавилоняне разработали сложные методы гадания и предсказания будущего по разного рода знаменами знакам. Во втором тысячелетии до Рождества Христова прорицатели распространились уже всюду, личная печать одного из них была найдена в Беф-Сане (Палестина). История о Валааме написана так, словно нам ведомы правила гадания. Гадание производилось ранним утром, поскольку считалось, что лучшие результаты могут быть получены только до восхода солнца. Процедура повторялась трижды (число три вообще играло крайне важную роль в вавилонской магии). Возможно, причина, побудившая Валаама прекратить “волхование” (Числ. 24:1), состояла в том, что он утратил свой былой авторитет прорицателя. Вследствие этого Валак лишил его обещанного вознаграждения. Вся эта история становится понятной, если мы будем видеть в Валааме вавилонского *бару*.

Завоевание Ханаана.

Из истории завоевания, представленной в книге Иисуса Навина, следует, что оно проходило в долгой и упорной борьбе. Ее успех был обеспечен удачной кампанией, которой руководил сам Иисус Навин. Она имела три фазы: (1) обеспечение плацдарма в центральной холмистой части страны благодаря захвату Иерихона и Гая, а также заключению союза с гаваонитами (Нав. 6—9); (2) “южная” кампания, не коснувшаяся Иерусалима, но

затронувшая все прочие территории, на которых впоследствии жило колено Иудино; (3) кампания в Галилее, в ходе которой, несмотря на ее успех, не было разрушено ни одной крепости кроме Асора (Нав. 11).

Возникает впечатление, что израильтяне подчинили себе всю страну. Однако первая глава книги Судей рисует совершенно иную картину. Земли эти были покорены не в ходе некой единичной военной кампании, которой руководил Иисус Навин, — процесс завоевания был весьма долгим, поскольку израильтянам приходилось воевать с различными племенами. До недавнего времени считалось, что более ранние сведения, представленные в первой главе книги Судей, отличаются большей достоверностью, позднейшие же материалы книги Иисуса Навина страдают явными преувеличениями. Однако подобный взгляд следовало бы признать неправомерным. В самой книге Иисуса Навина говорится, что его военные кампании носили лишь частный характер (Нав. 11:13-22; ср. Суд. 2:20-23; Втор. 7:22), при этом даже приводится список земель, которые так и не были завоеваны израильтянами (Нав. 13). Что же касается первой главы книги Судей, то она представляет собой скорее не цельный восходящий к древности рассказ о завоевании, но собрание разнородных фрагментов, имеющих различную датировку и достоверность.

Археологические данные свидетельствуют о том, что в XIII столетии до Р.Х. израильтяне провели широкую военную кампанию, в ходе которой ими бы разрушен ряд важных хананейских городов-государств, что позволило им поселиться в этой стране (прежде всего, в гористой ее части). XII—XI века прошли в постоянных войнах, о чем свидетельствует то обстоятельство, что все разрытые города были разрушены от одного до четырех раз и при этом между этими разрушениями практически не было выявлено прямого соотношения. Ко времени избрания Саула на царство израильтянами была занята лишь центральная гористая часть страны и часть Трансиордании, поскольку завоеватели не могли овладеть такими крепостями, как Беф-Сан, Фаанах и Мегиддо в долине Ездрилонской, или Дором и Газером, защищавшими путь в горную часть страны (Суд. 1, 27 и далее). Израильтяне не могли воевать с противником и на равнине, поскольку у них не было колесниц (Суд. 1:19; сравни 3 Цар. 20:23).

Завоевание с Исторических Позиций.

Впервые Израиль упоминается в тексте, помещенном на стеле, возведенной в память о победах фараона Мернептаха (около 1210 года до Р.Х.). Под “Израилем” здесь понимается если и не оседлый народ, то определенная группа населения Палестины [11]. Если израильтяне действительно принимали участие в возведении Пифома и Раамсеса (выше мы уже говорили об этом) (Исх. 1:11), какое-то количество их должно было бы жить в Египте и в начальный период правления Рамсеса II (1279—1212). Соответственно, мы в праве предположить, что Исход произошел в первой половине XIII столетия до Р.Х. Земля Ханаана в ту пору номинально считалась египетской провинцией, организованной по системе городов-государств. Каждым городом правил собственный “правитель,” который, помимо прочего, должен был платить подать и обеспечивать рабочей силой строительство дворцовых и культовых сооружений. Наиболее важным из имеющихся в нашем распоряжении источников информации о Ханаане этого периода является серия писем, обнаруженных в архивах дворца фараона Аменхотепа IV (Эхнатон, 1351—1334 гг. до Р.Х.) в Тель-эль-Амарна (Египет). Эти письма были написаны, по большей части, преднеазиатскими правителями и вельможами [12]. Письма, пришедшие из Ханаана, полны противоречивых обвинений и свидетельствуют о хаосе заговоров и контрзаговоров. В

ряде писем содержатся жалобы на *хабиру* или *апиру* (о связи этих понятий с понятием “еврей” см. выше). Прежде считалось, что эти ссылки свидетельствуют о нашествии народов, живших в пустыне, — нашествии, определенным образом связанном с еврейским завоеванием Палестины. Теперь же принято считать, что *апиру* были не завоевателями, а разбойничьими шайками, состоявшими из наемников и представителей угнетенной части населения. Порой тамошние властители называли этим словом правителей соседних областей и их воинов, занимавшихся захватом земель и городов, последние же обращались к фараону, оспаривая законность их правления.

Вторжение израильтян не ассоциируется с амарнским периодом еще и потому, что из девяти городов-государств южной Палестины, упомянутых в 10—12 главах книги Иисуса Навина, только четыре (Газер, Иерусалим, Лахиш и, возможно, Хеврон) существовали до 1375 года до Р.Х. Городская стена Давира (современный Тель-Бейт-Мирсим) была сооружена не ранее конца XIV столетия. Завоевание же происходило в XIII столетии, когда старые города-государства ослабли, и возникло множество мелких новых государств такого рода.

Плацдармами израильтян в Ханаане стали центральные гористые районы западной Палестины и Галаад, находящийся за Иорданом, которые не относились к центрам цивилизации. Особенно любопытным представляется то обстоятельство, что в книге Иисуса Навина ничего не сказано о завоевании центральной Палестины, которая сыграла столь важную роль в истории Израиля. Сам Иисус Навин принимает участие в церемониях, проводившихся в Сихеме, древней столице этой области, куда сходились все колена Израилевы (Нав. 8:30-35; 24). Объяснение этого обстоятельства, по мнению многих ученых, состоит в том, что Сихем в ту пору контролировался евреями, которые либо никогда не бывали в Египте и потому не принимали участия в Исходе, либо вышли из Египта раньше. Они могли мигрировать оттуда вместе с гиксосами и поселиться на этих землях в период изгнания гиксосов из Египта, то есть, около 1550 года до Р.Х. Возникшие впоследствии отлучия Иудеи и Израиля, возможно, объясняются именно этим обстоятельством. Из писем, найденных в Тель-эль-Амарне, известно, что за сто лет до Иисуса Навина областью Сихема владели племена, не выказывавшие особого почтения фараону и его соседям. В письме фараону правитель Лаб’аю (Lab’ayu) приводит древнюю хананейскую поговорку: “даже муравьи кусают того, кто их давит.” Принято считать, что в 34 главе книги Бытия находит отражение традиция взаимоотношений древних евреев с обитателями Сихема, которая могла не измениться и после Пребывания и Исхода. Воспоминание о событии, описанном в 24 главе книги Иисуса Навина, в которой говорится о возобновлении Иисусом завета со всем народом Израиля в городе, который ему не пришлось завоевывать, станет доказательным в том случае, если мы будем исходить из того, что в Сихеме к тому времени уже существовала хананейско-еврейская группа кланов, объединенная заветом и сохранившая память о взаимоотношениях с движением израильтян [13].

Падение Иерихона.

На пути любого завоевателя горной страны, идущего с юга долины Иордана, стоял Иерихон. Согласно еврейской традиции, Бог разрушил городские стены после того, как израильтяне в течение семи дней обходили город кругом (Нав. 6). Интерес археологов к Иерихону был, отчасти, связан именно с этим обстоятельством.

Первыми его раскапывали немецкие ученые Э. Селлин и Ватцингер (Sellin and Watzinger, 1908—1910). Множество открытий было сделано британской экспедицией под

руководством профессора Джона Гарстанга (John Garstang, 1930—1936). Экспедиция установила, что город был основан во времена неолита еще до появления керамики; таким образом, он считается старейшим из всех городов Палестины, раскопанных археологами. Помимо прочего, Гарстанг исследовал городские укрепления разных периодов его истории и, в частности, две каменных стены, датированных им XV веком, после разрушения которых город был предан огню. Образчики позднейшей керамики, найденные Гарстангом в ходе раскопок, позволили ему прийти к выводу, что город был разрушен не позднее 1385 года до Р.Х.

Совместная британо-американская экспедиция под руководством госпожи Кэтлин Кенъон (Kathleen Kenyon, 1952—1958) позволила до известной степени реконструировать историю Иерихона в каменном веке. При этом было установлено, что две стены, датированные Гарстангом XV веком, были возведены в разное время и разрушены на тысячу лет раньше. Процессы же эрозии привели к тому, что от последнего периода жизни города (1500—1200 гг. до Р.Х.) не сохранилось практически ничего. Таким образом, мы ничего не можем сказать ни о времени его падения, ни о способе его захвата израильтянами [14].

Падение Вефиля-Гая.

Согласно библейской истории, первым городом в гористой части страны, взятым израильтянами, был Гай, который Иисус Навин сжег и “обратил в вечные развалины” (Нав. 8:28). Однако раскопки показали, что Гай, хананейский город с мощными стенами и красивым храмом, процветавший в 3200—2400 гг. до Р.Х., был полностью разрушен около 2400 года до Р.Х. и впоследствии оставался необитаемым (впрочем, около 1000 года до Р.Х. в нем жило небольшое количество израильтян). Это означает, что город уже лежал в руинах за тысячу лет до начала Завоевания. Как же следует понимать соответствующий эпизод Библии?

Существует три основные теории: (1) история, объяснявшая происхождение руин, была вымышлена впоследствии; (2) Гай был временно занят обитателями Вефиля, находившегося в полутора милях от него — в этом случае остается совершенно непонятной фигура “царя Гайского” (Нав. 8); (3) история завоевания Вефиля была использована для объяснения происхождения древних “руин” (Гая) [15]. В книге Иисуса Навина отсутствует рассказ о завоевании Вефиля, хотя память о его разрушении сохранилась (Суд. 1:22-26; сравни, Нав. 12:16). Раскопки Вефиля 1934 года, которыми руководил профессор Олбрайт, показали, что город погиб от огня в XIII веке. Уничтоженный завоевателями хананейский город был красив, в нем были замечательные дома с мощеными или заливными полами и водостоками. Город, выстроенный здесь впоследствии, был куда беднее. Два этих города настолько непохожи друг на друга, что мы можем с уверенностью говорить о том, что некогда Вефиль был разрушен израильтянами.

Кампании в Иудее и в Галилее.

В десятой главе книги Иисуса Навина описывается кампания, в ходе которой Иисус Навин завоевал территорию, впоследствии занятую Иудой, обойдя стороной сильные крепости Иерусалим и Газер. Местоположение всех названных здесь городов кроме Македа сегодня можно считать установленным, при этом в ряде случаев имеются и свидетельства того, что такая кампания действительно имела место.

Скажем, развалины Лахиша были найдены на территории современного Тель-эд-Дувейра британской экспедицией под руководством Дж. Л. Старки (1932—1938). Так же

как и Вефиль, этот город был разрушен в XIII столетии. Среди обгорелых развалин была найдена ваза с изображением египетского сборщика налогов, записывающего количество мер зерна, которое должны поставить местные земледельцы в четвертый год правления некоего фараона, имя которого не названо. Египтологи считают, что надпись на вазе могла быть сделана в правление фараона Мернептаха (1212—1202 до Р.Х.). Таким образом, ваза должна относиться к эпохе правления самого Мернептаха или его предшественника, правившего не менее четырех лет (в любом случае ее следует датировать последними двумя десятилетиями XIII столетия). Ваза была разбита при разрушении города и, вероятнее всего, была тогда не слишком старой, соответственно, израильтяне могли захватить город в период с 1220 по 1200 гг. до Р.Х.

Нам сказано о том, что единственным укрепленным городом, разрушенным Иисусом Навином в Галилее, был Асор (Гацор) (Нав. 11, 10—13). Местонахождение этого города было установлено в 1926 году, — он находится в Тель-эль-Кеда, в десяти милях к северу от Галилейского моря, на проходящей через Палестину дороге, ведущей из Египта в Сирию, Переднюю Азию и Месопотамию. Это одно из самых крупных палестинских городищ. К северу от него находится огромная прямоугольная возвышенность, местами защищенная стенами и — с западной стороны — сухим рвом: вероятно, здесь стояли лагерь конница и колесницы гиксосов. Израильская экспедиция под управлением генерала Ядина (1955—1958) обнаружила, что город занимал не только территорию холма, но и это обширное огороженное пространство. Имевший население около 40.000 человек и площадь порядка 175 акров, Асор действительно являлся одним из крупнейших городов Сиро-Палестины (сравни, Нав. 11, 10). Город был разрушен в XIII веке, после чего заселялась только та его часть, которая находилась на холме. Иными словами, если военная кампания Иисуса Навина приходилась на конец бронзового века, мы вполне можем найти и ее материальные свидетельства.

Выводы.

Материальные следы разрушения Вефиля, Лахиша и других городов в XIII столетии свидетельствуют о том, что кампания, подобная той, которая описана в десятой главе книги Иисуса Навина, действительно имела место. Именно в этот период часть народа, ставшего впоследствии народом Израилевым, вошла в пределы Палестины.

Разумеется, существует ряд нерешенных проблем, связанных, прежде всего, с Иерихоном, Гаем и Сихемом [16]. Также существуют известные неувязки библейской хронологии с археологическими данными, согласно которым Исход и Завоевание следует датировать XIII веком. В Третьей книге Царств (3 Цар. 6:1) говорится о том, что Соломон начал строить храм через 480 лет после Исхода, в четвертый год своего царствования, который, согласно последним исследованиям библеистов приходился на 959 год до Р.Х. В этом случае мы должны считать временем Исхода 1439 год. Впрочем, существует предположение, что число 480 получено путем умножения двенадцати традиционных поколений меж Исходом и временами Соломона на сорокалетнюю их “продолжительность.” Если мы примем более реальное значение, равное, в среднем, двадцати пяти годам для одного поколения, то время Исхода придется на третью четверть XIII века до Р.Х., что соответствует археологическим данным.

В Исх. 12, 40 говорится о том, что сыны Израилевы провели в Египте четыреста тридцать лет. Если Исход состоялся в начале XIII века, значит, Иосиф и его семья оказались в Египте около 1700 года до Р.Х., то есть, примерно, в тот период, когда страной

завладели гиксосы. Большинство ученых считает, что они пришли туда именно в это время.

В Суд. 11:26 Иеффай говорит царю Аммонитскому о том, что Израиль живет на территории Трансиордании триста лет. Если Иеффай жил в XI столетии до Р.Х., значит, завоевание Трансиордании произошло в XIV веке. Впрочем, возможно, что число 300 получено на основе хронологии самой книги Судей, поскольку при сложении времен правления последовательно сменявшихся друг друга судей и периодов притеснений вплоть до Иеффая, мы получаем значение 319. Эта хронология представляется достаточно условной, поскольку некоторые периоды притеснений совпадали с временем правления тех или иных судей, а не сменяли их последовательно, как об этом говорится в книге.

Примечания.

1. В Египте в последние годы найдены древнейшие семитские надписи, выполненные алфавитным письмом. Это граффити, высеченные на скалах в пустыне к западу от Нила (Вади эль-Хол), у древней дороги, пролежавшей между Фивами и Абидосом. Их предварительно датируют 1900—1800 гг. до Р.Х. Их оставили, вероятнее всего, выходцы из Сиро-Палестинского региона перебравшиеся в Египет в эпоху Среднего царства (высказывались даже предположения, что и алфавит, как таковой, был впервые создан в Египте, а не в Ханаане или на Синае, как считалось прежде). О проживавших в Египте задолго до гиксосского нашествия (около 1650 г. до н. э.) сиро-палестинцах говорят и другие источники. Один из папирусов Среднего царства упоминает некоего Беби, “командира азиатов” — военачальника, командовавшего контингентом наемников из Ханаана. Египтолог Чарльз Элинг высказал предположение, что и прибытие Иосифа в Египет следует отнести к более раннему, чем гиксосское завоевание, времени (между 2000—1700 гг. до н. э.) — пример Беби свидетельствует о том, что иноземное происхождение не являлось в эпоху Среднего царства препятствием для продвижения по службе.

2. М. Биетак высказал предположение, что одна небольшая усадьба (10 x 12 м) рядом с первоначальным поселением в Аварисе—Раамсесе, которое существовало в эпоху XII—XIV династий, могла принадлежать Иосифу и его семейству — ее планировка действительно напоминает планировку палестинских жилых домов II тыс. до Р.Х.; 20% найденной в усадьбе керамики — аналогии палестинской, эпохи Средней Бронзы. Находившийся неподалеку могильник содержал погребения выходцев из Ханаана — примерно в половине мужских погребений найдено оружие распространенных в Палестине типов (бронзовые наконечники копий, боевые топоры, кинжалы). Примерно в 80 м. от «усадьбы Иосифа» обнаружена гробница, принадлежавшая какому-то высокопоставленному чиновнику азиатского происхождения. Гробница разграблена, мумия погребенного отсутствует, но в ней сохранились обломки крупной, в полтора человеческих роста, известняковой статуи, изображавшей желтокожего азиата с типичной для жителей Ханаана, как их представляли тогда в Египте, грибовидной прической. Статуя явно была разбита преднамеренно (Bietak 1996, S. 21). Тело Иосифа, который умер в Египте в возрасте 110 лет, как сказано в Быт. 50. 26, было набальзамировано и уложено в гроб. Останки же его, согласно его завещанию, были вывезены из Египта в Землю Обетованную во время Исхода (Исх. 13. 19).

3. Если открытая у Авариса—Раамсеса гробница действительно принадлежала Иосифу (что доказать, к сожалению, невозможно — ни одной надписи в ней не сохранилось, кроме знака «чужеземец» на обломке плеча разбитой статуи), то его прибытие в Египет должно было предшествовать вторжению гиксосов, по крайней мере, на полстолетия. Можно, конечно, предположить, что тот «новый царь, который не знал Иосифа» (Исх. 1. 8) и потому стал угнетать израильтян, и был первым гиксосским правителем Египта.

4. Город Раамсес — городище Тель эль-Даба в дельте Нила (примерно в 100 км к СВ от Каира), в последние годы (с 1966 г.) исследовался австрийским археологом Манфредом Биетаком. Это был царский город, получивший свое имя при Раамсесе II. Основан же он был гораздо раньше, в эпоху Среднего царства; первоначальное его имя — Ровати, «Врата Двух Дорог», затем, при XIV династии, он был переименован в Аварис — это же имя он носил и в период гиксосского владычества. В древности мимо него проходил Пелузийский рукав Нила, что давало ему выход к Средиземному морю, через него же шла знаменитая «Дорога Гора», ведущая в Ханаан. Следы пребывания сиро-палестинцев в Ровати прослеживаются начиная с XII династии (около 1850 г. до Р.Х.).

5. Согласно последним хронологическим расчетам, Раамсес II (Усермаатра Сетепенра Раамсес Мериамон, сын Сети I и царицы Туий) взшел на престол в 1279 г. до Р.Х. — E. Wente and C. Van Siclen. *A Chronology of the*

New Kingdom. Studies in Honor of George R. Hughes, January 12, 1977, J. H. Johnson and E. F. Wente, ed., Studies in Ancient Oriental Civilization, 39 (Chicago, The Oriental Institute, 1977), pp. 217-261. Если дата стелы — около 1270 г., то основание Авариса следует относить примерно к 1670 г.

6. Израильский археолог Зеев Герцог сомневается в том, что мы когда либо найдем подлинные свидетельства Исхода или следы странствования израильтян по Синайской пустыне. Египетские тексты, которых от того времени сохранилось достаточно много, не упоминают об этих событиях, зато время от времени сообщают о прибытии в Египет небольших групп кочевников-скотоводов из Азии, особенно в периоды голода и засухи. Они селились на окраине дельты Нила, затем покидали ее и возвращались в Ханаан, когда там складывались более благоприятные для жизни условия. Не исключено, предполагает Герцог, что в основе предания об Исходе лежит возвращение из Египта в Ханаан относительно небольшой группы людей, нескольких семей, но никак не целого многомиллионного народа.

7. Итальянский археолог Эмануэль Анати недавно высказал предположение, что гора Синай находилась в Южном Израиле, а не на Синайском полуострове (Джебель-Муса, Джебель-Сирбал). Он отождествляет ее с горой Карком в Негеве, где он уже в течение 20 лет ведет раскопки. Среди его находок — алтари, жертвенники, каменные ритуальные подставки. Один из каменных предметов имеет форму полумесяца — символа вавилонского лунного бога Сина (от его имени Анати производит и название горы Синай). Путешественник Роберт Корнук, американский писатель Говард Блюм, профессор-библейст Франк Кросс и некоторые археологи-любители локализуют Синай в северо-западной части Саудовской Аравии (Джебель аль-Лауз, либо разные горные вершины на границе с Иорданом). Этот район мало исследован, хотя следы поселений, которые могут быть отнесены ко времени Моисея (вторая половина 2 тыс. до н. э.) здесь отмечены. Раскопки же на Синайском полуострове, проводившиеся в 1967—1982 гг., наоборот, не обнаружили сколь либо заметных следов человеческого пребывания в районе горы Хорив.

8. Древняя страна, граничившая с Израилем, находившаяся на юго-западе современной Иордании — *прим. пер.*

9. Существует несколько систем для определения Библейских дат на основании тех указаний на количество лет, прошедших между различными событиями, которые содержатся в самой Библии (утверждение Моисея в Исходе, 12. 40-41, что сыны Израилевы находились в Египте 430 лет; в 3 Цар. 6. 1 говорится, что прошло 480 лет от Исхода до 4-го года царствования Соломона; от разделения царства до разрушения Иерусалима прошло 390 лет, и т. п.). Приводимые в разных местах Библейского текста данные иногда разнятся. Результатом этого являются «длинные» или «короткие» хронологии того или иного типа. Основная дата, от которой производится отсчет назад, в соответствии с той или иной хронологией, — это 586 г. до Р.Х., дата разрушения Храма Навуходоносором. Наиболее краткая хронология считает 967 г. до Р.Х. датой начала строительства Храма, и, следовательно, 1447 г. до Р.Х. — датой Исхода. Длинная же хронология приводит 1011 г. до Р.Х. в качестве даты строительства Храма и 1548 г. до Р.Х. — как дату Исхода. Краткая хронология предполагает, что Иаков со своими детьми прибыл в Египет в 1662 г. до Р.Х., и, следовательно, Авраам родился приблизительно в 1952 г. до Р.Х. По длинной хронологии Сыны Израиля вошли в Египет в 2014 г. до Р.Х., а Авраам родился в 2304 г. до Р.Х. При дате Исхода 1584 г. до Р.Х. получается, что завоевание Ханаана началось в 1544 г. до Р.Х. Эта дата относится непосредственно к завершению эпохи Средней Бронзы (по археологической периодизации — около 1550 г.). В это время еще существовали все те укрепленные города — Иерихон, Гаваон, Хеврон, Гай, Арад, Лахиш, Асор и Вифлеем — которые упомянуты в книге Иисуса Навина. К концу же эпохи Поздней Бронзы (около 1400 г. до Р.Х. — дата Исхода и завоевание Ханаана по краткой хронологии, или около 1220 г. до Р.Х. — дата, которой придерживаются многие археологи) многие из них давно уже лежали в руинах. Это позволило некоторым ученым (Б. Сеттерфилд) высказать предположение, что завоевание Ханаана израильтянами действительно имело место в XVI, а не в XIII в. до Р.Х. В этом случае, однако, остается неясным, где же были израильтяне в XV—XIV вв. (период Судей, в соответствии с длинной хронологией) — в Ханаане в это время безраздельно господствует Египет, история этого периода хорошо отражена и в официальных хрониках и в дипломатической переписке, но никаких израильтян до конца XIII в. до Р.Х. египетские источники не упоминают, равно как и Библия не отмечает присутствия в это время в Ханаане египетской администрации. Конечно, нельзя быть уверенным в абсолютной точности приводимых в Библии временных сроков. Во времена Патриархов, Исхода, и даже в период Судей официальной историографии у евреев еще не было, исторические же предания если и содержали какие либо указания на значительные временные промежутки, то они выражались, скорее всего, в числе поколений, отделявших одно событие от другого, а не в количестве лет. «Абсолютные даты» Библии — результат осмысления этих преданий историографами более поздних эпох. Можно предположить, конечно, что историческая география книги Иисуса Навина — результат синтеза нескольких традиций. С одной стороны — это предания выходцев из Египта, участников завоевания Ханаана, с другой — традиция той части предков

израильтян, которые не покидали Ханаан, и которые могли помнить о существовавших в нем некогда больших укрепленных городах (кстати, гибель многих городов эпохи Средней Бронзы в XVI—XV вв. до Р.Х. связана, вероятнее всего, не с приходом израильтян, а с восточными походами египетских царей XVIII династии).

10. В 1967 г. в Дейр Алла, в Иордании, была найдена надпись, в которой несколько раз упоминается Ваалам, сын Пеора, тот самый Валаам, который был нанят Валаком, царем Моаба, чтобы проклясть израильтян, собиравшихся войти в Землю Обетованную. Текст состоит из 119 фрагментов штукатурки, исписанной черными и красными чернилами. Он был расположен в одну колонку и содержал не менее 50 строк. Здание рухнуло в результате землетрясения около 760 г. до Р.Х., в царствование Уззии (Озии), когда жил пророк Амос. Нижняя часть текста потерта, очевидно он какое-то время находился на стене до катастрофы. Написан он на арамейском, и начинается словами “Предупреждение из книги Валаама, сына Веора. Он был провидцем богов” (красными чернилами выделены это и другие наиболее важные места). Ссылка на “Книгу Валаама” говорит о том, что это не первоначальный текст, и что он скопирован с какого-то более раннего. Валаам излагает свои видения, говорит о предстоящей неизбежной Божьей каре и вступает в полемику со слушателями. Дейр Ала находится в 25 милях от того места, где стояли лагерем израильтяне (Числ. 22-24) на равнине Моаба, у Иордана, напротив Иерихона (свои обряды Валаам совершал на горе Фегор — евр. Пеор, западнее Есевона, с вершины которой мог видеть стан израильтян). Валаам происходил из “Пефора, который на реке,” из чего обычно делали вывод, что он жил в северо-западной Сирии (возможно, что в тексте следует читать не “Арам,” а “Адам,” город в 7 милях к Ю—З от Дейр Алла). Однако по тексту же получается, что он жил недалеко от того места, где встали израильтяне, т.е. вполне вероятно, что в Дейр Алла (недаром его там почитали). Валаам был специалистом по проклятиям. Проклятиям посвящена и значительная часть найденного текста. Употребляется в надписи и термин *богу—Шаддай*, характерный для Трансиордании.

11. Стела найдена в 1896 г. Флиндерсом Питри в заупокойном храме Мернептаха в Фивах. Питри рассказывает, как он вместе со Шпигельбергом разбирал эту надпись. Стела лежала на боку, потребовалось выкопать под ней яму, чтобы рассмотреть текст. Слово «Израиль» было отождествлено самим Питри. Надпись содержит хвалебную оду Мернептаху и краткое описание его похода в Ханаан около 1210 г. Это самый ранний документ, в котором упомянут Израиль: “Разграблен Ханаан со всем его злом, Аскалон взят, Газер захвачен. Иеноам стал, как будто его и не было, Израиль опустошен, нет его семени.” Последняя фраза — «нет его семени», часто употребляемая в надписях Нового царства, никак не связана с сельским хозяйством, никаких оснований говорить о том, что израильтяне в конце XIII в. были земледельцами, или что египтяне выгоптали их посева, она не дает. Слово *pri*, конечно, могло употребляться и в значении «зерно», но только не в этом контексте; «нет его семени» — стандартная формула «победных» текстов того времени, и означает она только то, что враг Египта повержен, его мужское население уничтожено. При слове “Израиль” стоит детерминатив “народ,” а не “территория, страна.” Речь, таким образом, идет об этнической группе, а не о местности или государственном объединении (см. Hasel, M.G. *Israel in the Merneptah Stela*. Bulletin of the American Schools of Oriental Research 296, 1994, p. 45-61; Bimson, J.J. *Merneptah's Israel and recent Theories of Israelite Origins*. Journal for the Study of the Old Testament 49, 1991, p. 3-29). Зеев Герцог предположил, что именем «Израиль» в надписи обозначено какое-то племенное объединение, обитавшее в возвышенной центральной части Ханаана, в том самом районе, где впоследствии возникло царство Израиль.

12. Выполненный недавно петрографический анализ глиняных клинописных табличек амарнского архива показал, что часть из них действительно является оригиналами писем, присланных в Египет правителями Ханаана, Кипра и других стран (среди них послания правителей Сехема, Асора и Лахиша, с просьбами прислать подкрепления для войны с *хабиру*), а часть — архивными копиями, сделанными либо в Египте, на египетской глине, либо в египетском административном центре в Газе.

13. Сихем был довольно крупным укрепленным городом уже в эпоху Средней Бронзы. Обследованы его стены, пристроенные к ним «казармы», храм с вытянутым залом, кровля которого поддерживалась двумя рядами колонн. Перед входом в храм был устроен жертвенник и стоял вертикальный камень. Дж. Э. Райт (1964) предполагает связь этого камня с текстом Библии, согласно которому Иисус Навин, после обращения к собранным в Сихем коленам Израилевым, “взял большой камень и положил его там под дубом, который подле святилища Господня» (Нав. 24:26-27).

14. Вопрос о достоверности предания о взятии Иерихона войском Иисуса Навина по-прежнему служит предметом дискуссии. Итальянские археологи, Лоренцо Нигро и Николо Марчетти, продолжившие раскопки Иерихона в 1997 г., утверждают, что они не нашли там никаких следов разрушений, которые можно было бы связать с приходом израильтян. Джон Гарстанг, исследовавший Иерихон в 1930—1936 гг., пришел к выводу, что город был уничтожен около 1400 г. до Р.Х. — в то время большинство исследователей датировали

Исход именно этим временем. К западу от городища Гарстанг обнаружил обширный некрополь. Египетские скарабеи (около 160 экземпляров, большинство из них гиксосского периода), входившие в погребальный инвентарь, позволили ему датировать самые поздние погребения временем правления Аменхотепа III (1388—1351). Кэтлин Кеньон, изучавшая городище в 1952—1958 гг., пересмотрела некоторые выводы Гарстанга. Она установила, в частности, что одна из раскопанных им стен крепости рухнула еще в конце III тысячелетия до Р.Х., и что некоторые из тех слоев разрушения, которые Гарстанг относил к началу XIV в. следует датировать первой четвертью — серединой XVI в. до Р.Х. (время изгнания гиксосов из Египта). В XIV в., после долгого периода запустения, Иерихон возродился, его стены были восстановлены, но через несколько десятилетий он был разрушен вновь, на этот раз, похоже, окончательно (верхние, наиболее поздние слои городища полностью размыты, поэтому ничего определенного о последней стадии существования города сказать нельзя). К. Кеньон датирует этот последний период обживания в пределах 1375—1300 гг. Таким образом, и Гарстанг, и Кеньон обнаружили в Иерихоне метровый слой пепла, разрушенные стены, множество наполненных зерном сосудов в жилых домах — свидетельство того, что пожар и разрушения имели место вскоре после жатвы. Очень многие детали в описании Иерихона в книге Иисуса Навина, вплоть до пристроенных к северному участку оборонительной стены жилых домов, действительно подтверждаются археологическими данными — они явно записаны “со слов очевидца.” Однако последние слои разрушений и пожаров датируются концом XIV в. до Р.Х., что, как уже говорилось, противоречит современным взглядам на возможную дату исхода — около 1200 г. до Р.Х. Остается предположить, что некоторые эпизоды, включенные в историю завоевания Ханаана, на самом деле относятся к более раннему времени и могут быть связаны с мятежами *хабиру* в XIV в. до Р.Х. Упоминание о нападении *хабиру* на Иерихон содержится в одном из документов амарнского архива. Часть *хабиру*, среди которых было много семитов, впоследствии могли войти в состав израильского народа и принести с собой воспоминания о штурме Иерихона и других городов Ханаана. Со временем эти рассказы слились в единую повесть о завоевании, где разновременные события перепутались окончательно, и в таком виде вошли в официальные хроники.

15. С руинами Гая до недавнего времени отождествляли городище эт-Тель, расположенное в 2 км к ЮВ от современного арабского поселка Бейтин. Раскопки на городище проводили в 1933—1935 гг. Джудит Маркет-Краузе и в 1968—1972 — Дж. Каллавей. Они установили, что город возник здесь около 3100 г. и просуществовал примерно до 2250 г. до Р.Х., когда он был полностью разрушен. В эпоху завоевания никакого поселения здесь не было. В дальнейшем незначительные следы обитания прослеживаются здесь только с 1200 по 1050 гг. до Р.Х., что опять таки не согласуется с традицией — библейский Гай был населен в царскую эпоху, потомки его прежних жителей вернулись на это место после вавилонского плена (Эзр. 2. 28; Неем. 7. 32). Такие явные несоответствия заставляют предположить, что отождествление Гая с городищем эт-Тель неверно. Недавно Д. П. Ливингстон предложил новую локализацию древнего Гая, отождествив его, с другим городищем — холмом Кирбет Нисья. Раскопки, проведенные там в 1970—1980-е гг. выявили наличие следов поселения эпохи Средней и Поздней Бронзы и ахеменидского времени (D. Livingstone, *The Location of Biblical Bethel and Ai reconsidered*, The Westminster Theological Journal, 33, 1970, p. 20-44.).

16. В одних случаях археологические свидетельства противоречат библейским повествованиям — например, о разгроме Арада (Числ. 21. 3; 33. 40), победе израильтян над аморреями в Трансиордании (Числ. 21. 21-32), над хананеями у Хеврона, Иармуфа (Нав 10. 5) и пр., в других — подтверждают их (взятие Лахиша, Асора, Вефиля), хотя и с существенными археологическими коррекциями, не позволяющими говорить о едином сокрушительном вторжении. Гораздо реальнее затяжная серия региональных войн против конкретных хананейских городов. Эти локальные столкновения израильтян с хананеями преобразованы в повествовании Иисуса Навина в версию единого нашествия, отразившую сложный процесс, в ходе которого ряд ослабленных трехсотлетним египетским господством хананейских городов перешел под господство новой, хотя и родственной им, израильской этнической группы (Н. Мерперт, 2000, с. 228).

4. Период Судей.

В течение XIII—XII веков до Р.Х. на Ближнем Востоке произошел ряд событий, ознаменовавших собой завершение “бронзового” и начало “железного” века. Хотя медь и бронза по-прежнему оставались самыми распространенными металлами, железо стало оказывать

существенное влияние на развитие архитектуры, судостроения, оружия и, особенно, сельского хозяйства.

Этими событиями стала серия нашествий и общий упадок государственной власти в Египте, Месопотамии и Передней Азии, вследствие чего впервые за несколько столетий Сиро-Палестина стала относительно независимой. Варварские нашествия положили конец переднеазиатской хеттской империи и вынудили многих хеттов бежать или скрываться в северной Сирии. В течение двух столетий они определяли политическую жизнь и в скором времени стали играть доминирующую роль и в культурной жизни этих земель. К середине XII столетия египетское правительство уже утратило контроль над Палестиной и южной Сирией. За исключением краткого периода при Тиглатпаласаре I (примерно, 1116—1078 г. до Р.Х.), Ассирия также не могла сохранять контроль над обширными владениями. В то же самое время Палестина то и дело подвергалась набегам чужеземцев. Царства Едома, Моава, Сигона и Ога возникли в Трансиордании в XIII столетии. Последние два были захвачены израильтянами, перешедшими затем через Иордан и овладевшими большей частью центрального хребта Палестины. В течение XII века восточная Сирия была занята арамеями (или “сирийцами” по англ. Библии). Аммонитяне, вероятно, перешли через Иордан примерно в тот же период. Так называемые “народы моря,” выходцы из Эгеиды, разрушили множество городов на побережье Сиро-Палестины, включая Угарит (Рас-Шамра), Сидон и Тир, после чего предприняли неудачный набег на Египет. Большая их группа, называемая пеласгами (филистимлянами), овладела побережьем Средиземного моря от Иопии до Газы. Впоследствии их именем был назван не только этот регион (Philistia), но и вся страна (Палестина) [1]. У них было пять основных городов: Газа, Аскалон (Ашкелон), Азот (Ашдод), Екрон и Геф (Гат), которые управлялись независимыми “правителями” или, на эгейский манер, “тиранами,” при необходимости действовавшими сообща. В египетской истории о путешествии Унамона упоминаются “цикелы” (*Tjikal*, возможно, выходцы из Сицилии, названные в “Одиссее” Гомера “сикулами”), еще одна группа “народов моря,” поселившаяся в Доре, главном городе на равнине Шарона, около 1100 г. до Р.Х.

Хананеи продолжали контролировать морское побережье к западу от Ливанских гор и ряд городов Палестины, из которых их постепенно вытесняли завоеватели. В это же время на севере появилось новое государство со столицей в Тире, которое в X столетии благодаря успешной торговле стало быстро разрастаться. Появились его колонии на Кипре, стали снаряжаться торговые экспедиции в западное Средиземноморье; в IX веке в Сардинии уже существовала его колония, занимавшаяся разработкой рудников (возможно, она носила название Фарсис — Таршиш), о чем свидетельствуют хананейские тексты, найденные на этом острове. Греки назвали новое государство Финикией и около 800 года до Р.Х. заимствовали у финикийцев их алфавит [2].

Период Судей в Израиле.

В XII—XI столетиях Израиль укрепляет свои позиции в центральной гористой части Палестины, при этом ему приходится раз за разом отражать нашествия иноплеменников и воевать с уцелевшими городами-государствами хананеев. Археологические данные свидетельствуют о том, что это был период анархии, когда не существовало сильной централизованной власти, способной обеспечить мир и порядок. Так, Вефиль за эти два столетия разрушался четыре раза. Около 1050 года до Р.Х. были разрушены многие города израильтян (вероятнее всего, это сделали филистимляне). Мегиддо страдал от постоянных

набегов со времени разрушения его мощных хананейских укреплений в конце XII столетия до времени его полной перестройки Давидом и Соломоном в X столетии [3] .

Политическая организация израильтян в этот период поразительно отличается от организации окружающих его народов. Если Едом, Моав и Аммон были монархиями, а хананейские города (Иерусалим, Газер, Мегиддо, Таанах, Беф-Сан) сохраняли структуру городов-государств, в каждом из которых существовал свой царь, то Израиль являл собой достаточно условную конфедерацию племен, объединенных не некоей центральной политической фигурой, но религиозными узами или “заветом,” материальным символом которого являлся Ковчег Завета, находившийся в главном святилище в Силоме. Когда израильтянам нужно было защитить себя, они выбирали из своих рядов лидера. В особых же случаях, когда внешняя угроза была слишком серьезной, как в ситуации с филистимлянами, централизованное управление государством становилось подлинной необходимостью. Исследователи отмечали [4] , что существуют определенные параллели между племенной организацией некоторых средиземноморских земель и Израиля, центром жизни которого являлось главное святилище. Классические авторы сообщают нам о существовании ряда подобных амфикистий в Греции и Италии, некоторые из которых должны были состоять именно из двенадцати племен. Одной из их основных особенностей являлось наличие общего для всех племен святилища. Религиозные узы обеспечивали и их политическое единство. Другие чрезвычайно значимые исследования завета израильтян принадлежат Иоганну Педерсену [5] , интерпретировавшему его в свете схожих сакральных договоров современных бедуинов Аравии, и, в особенности, профессору Джорджу Менденхоллу [6] , открывшему замечательные параллели в “международных” договорах государств Западной Азии второго тысячелетия до Рождества Христова.

Существует два типа договоров такого рода: паритетный договор между равными сторонами и договор о сюзеренитете, заключаемый правителем и вассалом. Именно договоры второго типа являют собой поразительную параллель завету израильтян, поскольку сюзерен здесь наделяется едва ли не такими же правами, как Бог Израиля. В этих договорах можно выделить шесть характерных элементов:

(1) Идентификация Великого Правителя: “Так говорит Х, Великий Правитель...” Подобные пассажи перекликаются с рядом оборотов Ветхого Завета, в которых Бог говорит от первого лица: “Я Господь, Бог твой...” (Исх. 20:1-2) или “так говорит Господь Бог Израилев” (Нав. 24:2).

(2) Детальное представление истории взаимоотношений Великого Правителя и вассала, в которой делается особый акцент на великодушии первого. В Ветхом Завете закону также предшествует историческое описание благодеяний Бога своему народу (смотрите, в особенности, описание церемонии возобновления завета в Нав. 24:2-13).

(3) Условия договора, являющиеся описанием обязанностей вассала. Помимо прочего здесь всегда присутствует запрет вассалу поддерживать какие-либо отношения с чужеземными властями, что напоминает первую заповедь, данную Израилю, запрещающую обращение к другим богам (Исх. 20:3; ср. Исх. 34:13; Нав. 24:14). Великий Правитель не вмешивается во взаимоотношения вассального царя со своим народом. Подобным же образом, в Израиле десять заповедей определяют религиозные обязанности, но предоставляют достаточно широкие гражданские права. Условия, определяющие нормы гражданского права, которые мы находим, к примеру, в “Книге Завета” (Исх. 21-23), изначально являлись положениями закона, сведенными воедино с целью их кодификации и

устранения различий соответствующих норм у разных колен. Лишь впоследствии этот свод законов стал основой для создания определенной морали.

(4) Пункт, в соответствии с которым документ должен публично зачитываться в святилище вассала через определенные промежутки времени. С чем-то подобным мы встречаемся и в Израиле (Нав. 24:26; Втор. 31:9-13).

(5) Призывание богов участвующих сторон в свидетели. В Израиле подобное призывание, естественно, отсутствовало.

(6) Благо и зло, связанные с соблюдением или нарушением завета. Мы не знаем, содержали ли подобные же формулы древнейшие заветы израильтян, что же касается “Книги Завета,” 26 главы книги Левит и законов, представленных во Второзаконии (Втор. 27-28), то здесь они содержатся явно (ср. Нав. 8:34).

Соответственно, представляется весьма вероятным, что вероисповедание израильтян заимствовало некоторые элементы из договоров такого рода. Верность Господу, оказывающему им всяческие благодеяния и заключившему с ними особый договор, воспринималась как добродетель, измена же ему и любого рода непослушание считались грехом. В этом случае становится понятной и причина того, почему в религиозном лексиконе израильтян присутствует столь большое количество слов из области права.

История ковчега израильтян в Силоме в период Судей может быть восстановлена по ветхозаветным текстам и результатам раскопок, произведенных датскими учеными в 1926 и 1929 годах. После завершения завоевательной кампании скиния была перенесена туда из Галгала (Нав. 18:1). В первой половине XI столетия роль священника выполнялась Илием, Самуил же учился у него (1 Цар. 1 и далее). Около 1050 года до Р.Х. после поражения, нанесенного израильтянам филистимлянами при Авен-Езере (1 Цар. 4), Силом пришел в упадок (Иер. 7:12; Иер. 26:6). Это подтверждается и результатами раскопок. В течение последующих тридцати лет Израилю приходилось терпеть над собой власть филистимлян, скиния же все это время находилась в Кириаф-Иариме, вызывая страх и филистимлян и израильтян.

Археологические Свидетельства о Филистимлянах.

В городах филистимлян на южном побережье найдено большое количество характерной керамики. Качественная хорошо обожженная глина, специфические формы и роспись (особенно, спирали и птицы) легко узнаваемы. Подобные же модели широко распространены в греческом мире, выходцами из которого, как известно, и были филистимляне. Свидетельством экономического владычества филистимлян над Израилем в ту пору, когда Саул стал царем, являются 19-22 стихи 13 главы Первой книги Царств.

“Кузнецов не было во всей земле Израильской; ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сделали меча или копья. И должны были ходить все израильтяне к филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки, и цена была *ним* (2/3 шекеля) за сошники и за топоры, и одна треть шекеля за отточку кирки и доводку стрекала (или набойку рукояти?) [7] -, когда сделается щербина на острие у сошников, и у заступов, и у вил, и у топоров, или нужно рожон поправить. Потому во время войны Михмасской не было ни меча, ни копья у всего народа, бывшего с Саулом и Ионафаном...”

Значение стиха 21 до недавнего времени оставалось неясным, прежде всего, потому, что нам не было известно значение слова “*ним*” (*rim*). В ходе раскопок были найдены маленькие разновесы, на которых было написано это слово, что позволило должным образом понять и весь стих, хотя перевод названий некоторых сельскохозяйственных орудий

следует признать достаточно условным. Нам сообщается о том, что филистимляне осуществляли такой контроль над израильтянами, что не позволяли им иметь кузнецов в своих землях, боясь, что те начнут ковать оружие. По этой причине земледельцы, которым нужно было отточить свои орудия, вынуждены были обращаться к филистимлянам, взимавших с них непомерную плату.

Данный пассаж, возможно, позволяет прийти и к выводам иного рода. С 4000 года до Рождества Христова обычным металлом, из которого изготавливались инструменты и оружие, являлась медь или менее пластичная бронза (медь, смешанная с оловом). До 1200 г. до Р.Х. железо использовалось сравнительно редко. Вероятно, хетты всячески старались сохранить в тайне достаточно хитроумный секрет его выплавки. Известное отставание израильтян в сфере строительства, сельского хозяйства и военного дела во многом было обусловлено отсутствием у них этого важного металла (Нав. 17:16; Суд. 1:19). Мы находим изделия из железа в захоронениях филистимлян, первым же железным орудием, найденным в горной части страны, является сошник из крепости Саула в Гиве (около 1010 г. до Р.Х.). Мы вполне можем предположить, что железо было принесено в Палестину филистимлянами, ставшими “монополистами” на рынке железа и внимательно охранявшими профессиональные секреты его производства. Власть филистимлян рухнула только с появлением первых царей Израиля — Саула и Давида, после чего сюда пришло и железо, появление которого вызвало подлинную экономическую революцию.

Города Хананеев.

Таким образом, в период Судей филистимляне являлись самыми опасными врагами Израиля. Не случайно так воспеваются подвиги Самсона и Давида, боровшегося с Голиафом. Однако у израильтян существовали и другие враги, к числу которых относились и мадианитяне или аравийцы, вторгшиеся в северную Палестину по долине Изрееля и впоследствии разбитые Гедеоном. Нашествие мадианитян особенно интересно тем, что в данном случае, насколько нам известно, впервые широко использовались верблюды. Древние изображения и документы свидетельствуют о том, что верблюды, столь обычные ныне для Ближнего Востока, были одомашнены в сколько-нибудь широких масштабах лишь к этому времени, причиной чего может быть дурной характер этих животных. Древние кочевники с их ослами, овцами и козами всегда держались возле воды. С приручением же верблюдов кочевники смогли преодолевать большие расстояния и жить в таких районах, где обычные пастухи попросту не смогли бы существовать.

Серьезными врагами оставались и хананеи, которые продолжали сопротивляться израильтянам. К 1200 г. до Р.Х. они утратили свою власть над большей частью горных районов, однако сильные города, находившиеся в равнинных районах страны, где могли использоваться колесницы, смогли продержаться еще какое-то время. Типичными в этом смысле городами были Мегиддо и Беф-Сан на севере страны. Царский хананейский дворец в Мегиддо, относящийся к началу XII века, отличался куда большим совершенством, чем любые постройки богатых израильтян более поздних времен (по всей вероятности, он не уступал своим размахом и значением дворцу Соломона). При раскопках было найдено большое количество изделий из золота, слоновой кости и алебаstra, что свидетельствует о богатстве и культуре царя хананеев. Хананеи были весьма искусны в резьбе по кости. Ею инкрустировались шкатулки, мебель и кедровые стены “гостиных.” Что было причиной разрушения города в третьей четверти XII столетия точно неизвестно. Вероятно, битва при Мегиддо, описываемая в песни Деворы (Суд. 5), произошла в период после разруше-

ния и прежде восстановления города. В таком случае, становится понятно, почему полем битвы назван Таанах, находящийся в четырех милях к юго-востоку, который в ту пору действительно являлся ближайшим городом (Суд. 5:19).

Беф-Сан был еще одной хорошо укрепленной крепостью, находившейся в долине Иордана к востоку от Мегиддо и защищавшей долину Изрееля, которая шла от Иордана к великой Эздрелонской долине. В течение трех столетий египтяне пытались контролировать этот район, охраняя подступы к нему. На деле, Эздрелон являлся одной из личных житниц фараона. В начале XII столетия Рамсес III, пытаясь восстановить империю в прежних пределах, перестроил Беф-Сан и превратил его в хорошо укрепленный форпост, однако уже в третьей четверти XII столетия египтяне утратили контроль над Палестиной. В XI веке Беф-Сан вновь был перестроен, и сделали это, по всей видимости, филистимляне. Городские капища (1 Цар. 31:10; 1 Пар. 10:10) исследовались специалистами, занимавшимися изучением ханаанской религии. Результаты раскопок свидетельствуют о том, что израильтяне окончательно завладели этим городом в X столетии, вероятно, в правление Давида.

Первые Пророки.

В 1 Цар. 10, 5 мы впервые слышим об организованной группе “пророков,” людей, впадающих в характерные состояния экстаза (ср. Чис. 11:24-29). Разумеется, мы не склонны считать экстаз феноменом, характерным исключительно для израильтян, — с подобными же проявлениями мы встречаемся и в других религиях. Вполне возможно, что его появление в Израиле было обусловлено чужеземным влиянием. В египетской истории Унамона (около 1100 г. до Р.Х.) автор рассказывает о том, как принц финикийского города Библа “устроил приношение своим богам, после чего бог вошел в одного из его юношей, ставшего одержимым.” Нас извещают о том, что египетский иероглиф, соответствующий слову “одержимый,” изображает фигуру человека, испытывающего нечто вроде эпилептического припадка. Похоже, что царь Библа воспринял это событие, как знак того, что египетский бог Амон действительно пришел в город.

Впрочем, в Израиле экстаз не считался главным или определяющим признаком пророчествующего духа. Пророк рассматривался, прежде всего, как Божий вестник, призванный сообщить миру некую весть, и потому он обычно начинал свои слова с формулы “Так говорит Господь.” Когда его начинали бесчестить, он мог сказать в ответ лишь: “Господь послал меня к вам” (Иер. 26:2-15; Иер. 28:15). До недавнего времени считалось, что такого рода пророки существовали только в Израиле. Однако, в архивах Мари, города находившегося в верхнем течении Евфрата, археологами были обнаружены тексты 1700 г. до Р.Х., в которых сообщается о феноменах подобного же рода [8]. В письмах сановников, адресованных царю Мари, время от времени говорится о том, что к ним от того или от иного бога явился человек, принесший весть для царя. Он утверждает, что его направил сюда с этой вестью сам бог. В трех письмах речь идет о посланиях бога Дагона из города Терки (то есть, бога, обителище или святилище которого находилось в городе, носящем название Терка). В одном из них описывается видение, в котором Дагон дарует царю победу над враждебными вениаминитами, но требует, чтобы царь послал к нему гонцов, которые поведали бы ему о том, что происходит в его царстве. В другом письме царя призывают принести жертву духу его предшественника. В третьем Дагон приказывает царю через своего вестника совершить эту жертву в четырнадцатый день следующего месяца.

Более любопытным представляется четвертое письмо, в котором бог Адад города Калласу требует от царя принесения в жертву определенных животных мужского пола. Бог сообщает царю через своих посредников, что это именно он, Владыка Калласу, возвел царя на трон его предков и даровал ему дворец. Для того чтобы царь не забывал о совершении жертвоприношения, он говорит ему: “Я — Властитель Трона, земли и города. Все что я даю, я могу забрать обратно! Если же он будет приносить мне жертвы, я буду дарить ему трон за трон, дом за домом, удел за уделом, город за городом; все земли к востоку и к западу я дам ему.” Царский сановник, передавший это послание царю, добавляет, что об этом ему сказали особые люди, называемые *апи́лу* (*apilu*) бога. Сановник пишет, что он передавал царю послания мужчин и женщин *апи́лу* и прежде, — в ту пору, когда он жил в Мари. *Апи́лум* (*apilum*) бога Адада города Халаба передал царю послание бога, в котором последний дарует ему всю землю от востока и до запада.”

Подавляющее большинство месопотамских текстов божественных откровений принадлежит к категории прорицаний. Гадатели определяли сущность происходящего в божественном мире разными способами, например, рассматривая печень жертвенного животного или следя за затмениями, положением светил и так далее. На деле, в каждом подразделении армии Мари существовали свои предсказатели. В текстах же, о которых шла речь выше, речь идет о функционерах другого типа. Это люди, получившие послание из уст самого бога и призванные возвестить его пред другими. Весть приходит по наитию свыше, нисходит на вестника. Имя *апи́лум*, данное такому вестнику, очевидно, имеет основой глагол со значением “отвечать.” Этот глагол, так же как и соответствующее ему ветхозаветное понятие может использоваться и в том случае, когда речь идет об откровении божества, данном тому, кто обращается к нему (1 Цар. 14:37; 1 Цар. 28:6-15). *Апи́лум* — “респондент,” находящийся в общении с божеством.

В текстах Мари речь идет о феномене, подобном пророчеству, к которому вне всяких сомнений восходит последнее. В Ветхом Завете имеется масса примеров пророческого рассмотрения божественных знамений (напр. 1 Цар. 27—36; 1 Цар. 15; 2 Цар. 7:2 Цар. 12; 3 Цар. 11:29; 3 Цар. 14:1). И, тем не менее, нельзя не заметить чрезвычайного отличия откровений Бога Израилева — особенно тех, которые изрекались великими пророками — от прорицаний различных богов, обращенных к царю Мари. В прорицаниях Мари формальная функция *апи́лума* аналогична функции пророка, однако здесь контекст и содержание откровений страдают явной ограниченностью. Боги, главным образом, пытаются привлечь внимание царя к себе, к своим храмам и жертвам. Здесь обещания соседствуют с угрозами, причем все зависит единственно от того, дарует или нет царь потребные материальные блага. Многие израильские пророки, вне всяких сомнений, также входили в детальное рассмотрение материальных вопросов, однако величайшие из них являли собою харизматические инструменты Бога, изъявлявшие единственно Его намерения и действия в истории.

Примечания.

1. Многие современные палестинцы считают, что они являются потомками не сравнительно недавних переселенцев из Аравии, а происходят либо от древних филистимлян, одного из эгейских «народов моря», заселивших побережье Ханаана в XIII—XII вв. до Р.Х., либо от древних хананеев, исконных обитателей Святой Земли. Среди радикально настроенных палестинских мусульман эти теории не пользуются особой популярностью — такое родство с «язычниками» их не устраивает. Что касается исторических филистимлян, то надежных свидетельств их родства с современными палестинцами пока не найдено. Зато генетические исследования подтверждают весьма близкое родство и наличие общих предков у современных ближневосточных

арабов и у евреев. Примерно 70% обследованных евреев и более 50% проживающих в странах Восточного Средиземноморья арабов унаследовали специфический набор Y-хромосом, характерный для древнейших обитателей Палестины, хананеев.

2. Так называемый прото-хананейский алфавит (предшественник финикийского) возник под влиянием египетской письменности. В ней уже существовали знаки, служившие для обозначения как отдельных согласных, так и групп согласных. В прото-хананейском алфавите каждый знак обозначал только один согласный, что создало новую систему письма. Месопотамской клинописи прото-хананейский алфавит ничем не обязан, хотя в течение короткого периода, около 1400 г. до Р.Х., он был использован в Угарите для записи текстов на глиняных табличках, для чего был превращен в род клинописи — только алфавитной, а не слоговой. Когда и где греки впервые познакомились с финикийской письменностью, точно не известно, но это произошло до VIII в. до Р.Х. Материковая Греция получила алфавит с о. Эвбея, а эвбейские торговцы, в свою очередь, заимствовали его в IX в. до Р.Х. с Крита или Кипра, но уже не непосредственно от финикийцев, а от населявших эти острова греков (ранний эвбейский вариант греческого алфавита отличается от финикийского). Не исключено, что наиболее ранний (критский) вариант греческого алфавита возник под влиянием хананейской письменности не позже 1100 г. до Р.Х. (Joseph Naveh, *Some Semitic Epigraphical Considerations on the Antiquity of the Greek Alphabet*, *American Journal of Archaeology*, 77, 1973, pp. 1-8.)

3. В последнее время археологами «минималистами» высказывались сомнения относительно датировки укреплений Мегиддо временем Давида и Соломона — теперь их предлагают датировать IX в. до Р.Х.

4. M. Noth, *Das System der zwölf Staemme Israels* (Stuttgart, 1930); A. Alt, *Die Staatenbildung der Israeliten in Palaestina* (Leipzig, 1930).

5. Johannes Pedersen, *Israel I—II* (Copenhagen and London, 1926), Introduction and Part II; *Der Eid bei den Semiten* (Strasbourg, 1914).

6. George E. Mendenhall, *BA*, XVII, No. 3 (September 1954); воспроизведено в *Law and Covenant in Israel and the Ancient Near East*.

7. Так в авторском тексте звучит стих 21 — *прим. пер.*

8. A. Lods, in *Studies in Old Testament Prophecy*, ed. H.H. Rowley (Edinburgh, 1950), pp. 103—110; *Archives Royales de Mari*, ed A. Parot et G. Dossin, II (Paris, 1950), Letter No. 90; III (Paris, 1948), Letter No. 40; M.Noht, *BJRL*, 32 (1950), pp. 194—206.

5. Золотой Век.

Величайшим и замечательнейшим периодом истории Израиля было время до и после 1000 года до Р.Х. Именно в этот период жили Саул, Давид и Соломон, создавшие израильское государство, которое стремительно обрело немалую силу и значимость. В течение жизни двух поколений группа племен, связанных вместе религиозным заветом, независимость которых, во многом, определялась действиями их самопроизвольно возникавших харизматических лидеров, превратилась в сильный единый народ. Народ, бедствовавший вплоть до этого времени, неожиданно стал материально обеспеченным и даже богатым.

Существует немало археологических свидетельств, говорящих о принятии “нового курса” и процветании государства в этот период. После падения Силома около 1050 года Израиль оказался в очень бедственном положении, когда гарнизоны филистимлян закрепились в горной части страны (см., к примеру, 1 Цар. 10:5; 13:3), а евреи стали служить в филистимской армии (1 Цар. 14:21). Величайшая заслуга Саула состояла в том, что он смог изгнать филистимлян с гор. Давид же настолько ослабил их позиции и уменьшил их владения, что они уже никогда не рассматривались израильтянами в качестве серьезного врага. Превосходная керамика филистимлян с ее грациозными лебедями и изящными формами уже не изготавливалась. Материальная культура долин стала все больше походить на культуру гор, что указывало на смещение центра политической и экономической жизни.

Мы можем составить определенное представление о жизни израильского земледельца в этот период по небольшой дощечке из мягкого известняка, найденной среди руин Газера в 1908 году. Вероятно, она использовалась для упражнений неким школьником, жившим в правление царя Соломона в X веке, — на дощечке видны следы повторявшегося несколько раз соскабливания старых писем. Последний текст остался цел. В нем ритмически перечисляются сельскохозяйственные сезоны, что, возможно, должно служить целям их запоминания (нечто вроде английского “Thirty days hath September...”). Согласно древнееврейскому календарю год начинался в середине сентября. Первые два месяца (сентябрь—ноябрь) уходили на сбор урожая маслин; следующие два (ноябрь—январь) на посев зерновых; следующие два (январь—март) на посадку поздних культур. Лен собирался в марте—апреле; ячмень — в апреле—мае; пшеница — в мае—июне. Два месяца июнь—август, согласно календарю, были посвящены подрезке виноградников, хотя мы также знаем о том, что в это же время земледельцы занимались молотью. В последний месяц (август—сентябрь) земледельцы занимались сбором летних плодов: фиг, винограда и гранатов.

Саул (около 1020-1000 г. до Р.Х.).

Единственные прямые археологические свидетельства о времени правления Саула были обнаружены в ходе раскопок его столицы в Гиве. Здесь были найдены развалины его дворца. Город этот находился в трех милях к северу от Иерусалима, на холме, стоящем у дороги, которая идет на север, к Вефилю, Силому и Сихему. Город, стоявший на этом холме, был заложен около 1200 года до Р.Х., и уничтожен столетием позже, возможно, в результате межплеменной междоусобицы (ср. Суд, 20) [1]. Крепость-дворец, выстроенная Саулом на развалинах древней деревни, как и все лучшие здания того времени, имела не менее двух этажей. Семья Саула жила на втором этаже. Крепость была окружена двойной стеной, сложенной из грубо отесанных камней, пространство между которыми заполнялось мелкими камнями и осколками. По углам стояли мощные башни, с которых защитники крепости могли стрелять из лука и бросать камни в неприятеля. Подобная резиденция вряд ли пришлась бы по вкусу монархам Египта, Сирии или Месопотамии, однако ее простота вполне подходила по духу Саулу, который был, прежде всего, воином и харизматическим героем, но никак не богатым, образованным и космополитичным сановником. Находки, сделанные в крепости, также свидетельствуют о простоте жизни ее обитателей. Помимо прочего, здесь были обнаружены два наиболее характерных для того времени вида оружия — бронзовые наконечники стрел и камни для пращи. Железный носок лемеха, оселок, керамика, прялки, жернова для перемалывания зерна и большие кувшины для хранения зерна, вина и масла — вот что обычно удавалось найти в домах израильтян. Керамика чисто функциональна и практически лишена каких-либо украшений. Найдено также большое количество грубых закопченных горшков для готовки пищи, небольших мисок и тарелок. Самыми изящными изделиями были небольшие черные полированные кувшинчики для благовоний и масла и кувшины розового или желтовато-коричневого цвета, которые в ряде случаев украшались круговыми полосками красного или коричневого цвета.

Несмотря на всю мощь этой крепости, она была уничтожена при жизни Саула, и произошло это, вероятно, перед битвой при Михмесе, описываемой в 1 Цар. 13-14. Как бы то ни было, она была едва ли не тут же восстановлена, правда, на сей раз, стены ее были уже не столь массивными и аккуратными. Мы не знаем того, что происходило с ним после

окончательного поражения и смерти Саула на горе Гелвуе (1 Цар. 31). Крепость была разрушена вновь, и не менее чем через столетие израильтяне построили на ее месте небольшой, но хорошо укрепленный форт.

Давид (около 1000-961 гг. до Р.Х.).

Подобно Саулу и ранним судьям Давид был помазан на царство не потому, что он обладал наследственным правом на трон, но потому, что сумел продемонстрировать обладание особыми дарами или *харизмой*, полученной им непосредственно от Бога. Таким образом, он стал последним харизматическим героем в Израиле, ибо в конце его правления иерусалимский трон стал наследственным [2] .

Рост Израиля при Сауле и Давиде сопровождался ростом военной силы. Давиду удалось набрать собственный отряд верных ему профессиональных воинов. Впоследствии в этом его личном воинстве появился и иностранный контингент: *хелефеи* и *фелефеи* (2 Цар. 8:18), возможно, критяне и филистимляне, и, уж, во всяком случае, выходцы из Эгеиды, предки которых пришли в Палестину двумя столетиями ранее. Входили в него и шестьсот воинов из филистимского города Гефа, которыми командовал некто Еффей (2 Цар. 15:18). Эта армия, во многом, обеспечила успех ряда военных кампаний Давида, поскольку ему не могли противостоять воинства других племен, состоявшие из менее опытных воинов. О победах Давида говорится, прежде всего, в восьмой главе Второй книги Царств. Мы знаем, что он начал с захвата таких хананейских городов, как Беф-Сан и Иерусалим, которые держались до этих самых пор. Затем он подчинил себе филистимлян, моавитян, аммонитян и идумеев, обложив их тяжелой данью и заставив их заниматься подневольным трудом. Самым замечательным представляется его покорение великого арамейского (в английской Библии “Сирийского”) государства, главными городами которого были Дамаск и Сова. В результате, Израиль стал самым сильным из всех небольших государств на пространстве меж Евфратом и Египтом.

Меж прародителями арамеев и израильтян существовало близкое этническое родство (мы говорили об этом во 2-ой главе). Арамеи захватили северную оконечность Плодородного Полумесяца во втором тысячелетии до Рождества Христова, а к тому времени, когда Израиль укрепил свои позиции в Ханаане, проникли и на юг, образовали одно из сильнейших своих государств в районе Дамаска и вскоре стали главнейшими торговцами Западной Азии. Два фрагмента из надписей царей Ассирии сообщают нам о том, что в правление современника Давида Ашшур-раби II арамеи захватили территорию в верхнем течении Евфрата, которая в течение столетия была частью Ассирийской империи. Отсюда следует, что это завоевание должно было произойти до поражения Давида и победы над арамейским царем Адраазаром. По иронии судьбы, победа Давида, возможно, спасла Ассирийскую империю в период ее слабости от орд арамеев. В любом случае, это ассирийское свидетельство лишний раз говорит нам о силе армии Давида.

Недавно представленные данные свидетельствуют о том, что Давид мог использовать египетскую систему правления в качестве модели при создании собственного правительства. Существует два списка сановников Давида (2 Цар. 8:16-18; 2 Цар. 20:23-26), вероятно, относящиеся к различным периодам его правления. Особый интерес представляют должности “дееписателя” и “писца.” Функции “дееписателя” состояли, в основном, в ведении архивов и хроник, однако, судя по контексту, данная позиция была куда как более важной. Используемое в тексте еврейское слово является точным эквивалентом титула

египетского царского вестника, управлявшего всеми дворцовыми церемониями и являвшегося посредником между царем, сановниками и народом.

Должность “писца” также соответствует аналогичной египетской должности. Писец занимается как внутренней, так и внешней перепиской, а также выполняет обязанности личного и государственного секретаря. Переписчики, очевидно, не знали, как звучало имя писца Давида, вследствие чего оно явно было искажено (Суса — Sheva, 2 Цар. 20:25). Вероятно, писца звали Шоша (Shausha) или Шиша (Shisha). В любом случае, это имя было египетским. Представляется вполне возможным, что Давид пригласил на эту должность именно египтянина. Любопытным представляется то обстоятельство, что два сына этого писца стали писцами у Соломона, причем одного из них звали Елихорефом. Реконструкция исходного еврейского имени представляется затруднительной, существующие же версии Ветхого Завета позволяют предположить, что оно читалось как “Элихаф” (Eliphah), то есть, “Мой бог — Хаф (Haph)” (или египетский бог Апис). Если это так, то мы можем практически не сомневаться в том, что писец Давида был египтянином.

Со времен Соломона мы находим при каждом дворе сановника, титул которого звучит как “начальник над домом царским” или “начальник дворца” (3 Цар. 4:6; 18:3; 4 Цар. 18:18). Эта должность соответствует египетскому визирю или первому вельможе, должность которого некогда занимал и Иосиф (Быт. 41:40). Нам достаточно детально рассказывается о том, в чем состояли обязанности египетского сановника. Каждое утро он предстал перед царем, отчитывался перед ним и получал от него наставления. После посещения хранителя казны он открывал двери дворца (и, соответственно, различных государственных учреждений), с чего и начинался его рабочий день. Все важные документы скреплялись его печатью. Он руководил всеми имевшимися службами, занимавшимися отправлением правосудия, организацией общественных работ, финансами, армией и так далее. В Израиле, как и в Египте первый вельможа носил особые одеяния, правил вместо царя при отсутствии или болезни последнего, а в одном месте даже назван “отцом” народа (Ис. 22:21).

“Тридцатью вождями” (2 Цар. 23:13, 24), вероятно, назывался почетный отряд или легион, который мог состоять из достаточно произвольного числа воинов, совершивших те или иные подвиги. Недавно было замечено, что подобная же организация существовала и в Египте, откуда Давид мог позаимствовать эту идею.

“Град Давидов.”

Когда Давид стал правителем северного Израиля и Иудеи, он столкнулся с проблемой выбора нейтральной столицы. Он решил завладеть Иерусалимом, городом на границе меж севером и югом, который все еще находился в руках группы хананеев, именовавшихся иевусеями. Поскольку город был захвачен войском Давида, он стал его личным уделом и был переименован в “Город Давидов” (2 Цар. 5:9). Нам говорится о том, что он укрепил стены города, используя труд финикийских рабочих, построил себе дворец, перестроил Скинию и перенес Ковчег Завета в Иерусалим, вследствие чего с этого времени Иерусалим стал не только политическим, но и религиозным центром этих земель.

Город находится на небольшом плато, расположенном на горном сложном из известняковых пород хребте, проходящем через центральную часть Палестины, на высоте около 2500 футов над уровнем моря. От плато на юг отходят два ответвления, разделенные долиной, называвшейся во времена римского владычества Тиропеонской (Тургороеон). Восточный холм носил название Офел (смотрите, примечание 11 к Мих. 4, 8 (the hill =Heb.

Ophel) в тексте Revised Version, 1884, или соответствующее примечание в Толковой Библии (*А ты, башня стада, холм (ophel) дочери Сиона*)), западный же холм впоследствии стал называться Сионом. К западу и к югу находится долина Енномова, являвшаяся местом свалки и ставшая в новозаветные времена синонимом Ада (Геенны), возможно, потому, что здесь постоянно горел огонь. Восточнее находится отделяющая Офел от Елеонской (Масличной) горы Кедронская долина, где находится Гион (Gihon) или Источник Пресвятой Девы, основной источник воды для жителей Иерусалима. Название Гион можно перевести как “фонтан.” Вода здесь идет не непрерывным ровным потоком, но, вероятно, сначала накапливается в каком-то подземном резервуаре и лишь затем вырывается наружу, частота же ее выплескивания зависит от времени года. Несколько южнее, там, где сходятся Кедронская и Енномова долина, находится еще один источник, называемый Рогель (En-Rogel), где Адония, желавший стать царем, устроил великий пир в ту пору, когда Давид был уже в преклонном возрасте (3 Цар. 1). Этот источник находился вне города и потому не защищался подобно Гиону.

С 1867 года начались интенсивные раскопки Иерусалима, в ходе которых археологам удалось обнаружить множество предметов, относящихся к различным периодам истории города. Нам известно, что люди жили на этом месте уже за три тысячи лет до Рождества Христова, само же название “Иерусалим” появляется в египетских текстах уже около 1900 г. до Р.Х. Тем не менее, здесь отсутствует сколько-нибудь выраженная структура “теля,” то есть, холма, сложенного из напластований культурного слоя. Объяснить это обстоятельство можно тем, что древние развалины и старые останки были убраны из города и сброшены со склонов за сто—двести лет до Рождества Христова. Иудейский историк Иосиф Флавий сообщает нам о том, что сирийская крепость, построенная там в начале второго столетия была сравнена с землей иудейским патриотом Симоном (братом Иуды Маккавея) около 140 г. до Р.Х., при этом за три года был срыт даже холм, на котором некогда стояла крепость. На склонах горы Офел, на месте ветхозаветного города находят большое количество каменных обломков, смешанных с фрагментами керамики и другими предметами, датируемыми как третьим столетием, так и третьим тысячелетием до Р.Х.

Приводимыми выше причинами и объясняется то, что в Иерусалиме не было совершено ни одного сколько-нибудь значимого открытия, которое однозначно относилось бы к периоду правления Давида и Соломона. Мы знаем, где они жили и что они строили, однако практически все постройки кроме городских укреплений, были разрушены. Впрочем, даже сложный лабиринт укреплений горы Офел вряд ли может быть распутан и датирован с достаточной уверенностью. Сохранилась часть первого укрепления, некогда защищавшего холм. Внешняя часть стены с обеих сторон сложена из тесаного камня, который порой имеет достаточно крупные размеры. Кладка имеет нерегулярный характер, пространство между камнями заполнено мелкими камнями и каменной крошкой. Пространство между лицевыми поверхностями стены заполнено каменными блоками. Дополнительная защита обеспечивается бастионами и башнями, сооруженными в самых слабых местах укрепления. Эта система укреплений именуется “иевусейской,” поскольку, как полагают, она была сооружена не израильтянами, но народом, жившим в Иерусалиме до них. В нескольких местах стена восстанавливалась, и эти восстановленные ее фрагменты часто называют “Давидовыми” и “Соломоновыми,” однако, к сожалению, подобное их наименование является достаточно произвольным, поскольку мы не располагаем данными, необходимыми для их более или менее точной датировки.

В течение всей истории города особое внимание обращалось на источник Гион. Об этом красноречиво свидетельствует сложная система туннелей, находящихся поблизости. Одна из ранних попыток провести воду поближе к людям, жившим за городскими стенами, выражалась в прокладке по склону холма длинного акведука, шедшего от Гиона к западной окраине города и заканчивавшегося бассейном, называвшимся “старым прудом” (Ис. 22:11), который находился у входа в Тиропеонскую долину, внутри стен города. Если мы будем считать, что под “верхним прудом” в тексте Писания понимается сам Гионский источник, то, вероятно, именно здесь, в начале этого акведука, Исаия встретил Ахаза (Ис. 7:3). В другом месте (Ис. 8:6) Исаия говорит о “текущих тихо” по этому акведуку водах Силоама (Силоамский источник находится несколько ниже и заимствует воду из источника Пресвятой Девы) и уподобляет их Божьему попечению об Израиле. Этот водопровод отчасти идет по подземным туннелям, отчасти поверху. Соответственно, во время осады он не мог обеспечивать жителей города водой. По этой причине Езекия перекрыл его еще до 701 года до Р.Х. и выстроил вместо него другой туннель (смотрите Главу VII). К этому времени первый акведук, вне всяких сомнений, уже считался старым, однако — так же как и в случае с укреплениями — мы не можем определенным образом датировать его.

Соломон во всей Его Славе (961-922 гг. до Р.Х.).

При Давиде царство обрело силу, славою же своею оно было обязано Соломону. Давид всегда оставался воином, Соломон же хотел стать богатым, светским, культурным правителем и потому желал, чтобы о “провинциальном” народе услышал весь “цивилизированный” мир. К сожалению, мы очень мало знаем как о нем самом, так и о событиях его жизни. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют нам судить о строительстве и торговле в период его царствования. Он возвел вокруг Иерусалима новые укрепления, построил дворец, административные здания и Храм. Кроме того, он строил по всей стране “города для запасов” и “города для колесниц, и города для конницы” (3 Цар. 9:19). Он был богатым торговцем, покупавшим и продававшим коней и колесницы: «Коней же царю Соломону приводили из Египта и из Кувы; царские купцы покупали их из Кувы за деньги. Колесница из Египта получаема и доставляема была за шестьсот сиклей серебра, а конь за сто пятьдесят. Таким же образом они руками своими доставляли все это царям Хеттейским и царям Аморрейским» (3 Цар. 10:28-29).

Далее говорится о том, что, установив контроль над всей арабской и африканской торговлей, Соломон при помощи финикийцев выстроил флот, базировавшийся в Ецион-Гавере, в северо-восточном заливе Красного моря к югу от Едома. Этот флот совершал плавания на юг, в Эфиопию и в арабский Йемен, раз в три года и привозил оттуда золото, серебро, слоновую кость и два вида обезьян (а не павлинов, о которых говорится в английских переводах Писания) (3 Цар. 9:26; 10:22). [3]

Для того чтобы обеспечить нормальную работу сложной системы дворцовых служб и программу строительства царь счел необходимым ввести регулярную систему сбора налогов не только с покоренных им народов, но и с израильтян. С этой целью он разделил северный Израиль на двенадцать административных округов, границы которых до некоторой степени соответствовали древнему племенному делению страны (3 Цар. 4:7 и далее). В каждом округе он поставил своих “приставников,” одной из основных обязанностей которых являлось наблюдение за тем, чтобы подвластный им регион обеспечивал двор продовольствием на один месяц в году (3 Цар. 4:22-23).

Ряд находок подтверждает подлинность такой районной организации. Так, в Вефсамисе, входившем в число главных городов одного из регионов, в котором некогда жило колено Даново, возможно, удалось обнаружить резиденцию главы региона Бен-Декера (Ben-Deker), пусть раскопки и носили предварительный характер. Поблизости обнаружен высокий фундамент большого здания с толстыми стенами, которое было разделено на три узких вытянутых помещения. Скорее всего, это сооружение использовалось для хранения зерна и других продуктов. Толстые стены и большое расстояние от земли до пола, вероятно, до известной степени, защищали зерно от порчи. Резиденция и зернохранилище, имеющее подобное же устройство, были найдены и в Лахише, в области колена Иудина. Здесь дворец сооружался на платформе, внутренность которой была заполнена землей, и, вероятно, относился к такому же типу построек, что и Милло (“заполнение”?), построенный (“и обстроил кругом от Милло и внутри”) Давидом в Иерусалиме (2 Цар. 5:9). Здания, о которых говорилось выше, возможно, и являлись “городами для запасов,” построенными при Соломоне. Впрочем, здания Вефсамиса и Лахиша строились, скорее всего, еще при Давиде (к такому выводу возможно прийти на основании анализа возраста керамики, найденной среди развалин). Это обстоятельство позволяет объяснить то, почему в Писании ничего не сказано о подобном разделении северного Израиля разделении Иудеи. Причина, скорее всего, состояла не в том, что Соломон более благосклонно относился к Иудее, но в том, что Давид уже произвел необходимую реорганизацию. Единственное детальное описание административных районов Иудеи можно найти в Нав. 15:21-62, хотя в нынешнем своем виде список этот восходит ко времени правления Иосафата в IX столетии. [4]

Великий город Мегиддо, находящийся в северной Ездрилонской долине, представляет собой наиболее замечательный из всех раскопанных донныне образчиков строительства, ведшегося при Соломоне. Вероятно, вначале на холме стоял только хорошо укрепленный дворец, окруженный стеной, конструкция которой характерна для Израиля, хотя, возможно, она была позаимствована израильтянами у финикийцев. Через каждые три—четыре фута возводились прочные столбы, пространство же между ними заполнялось беспорядочно уложенным булыжником. Скорее всего, сооружение это использовалось, во многом, для административных целей.

Было ли оно построено Соломоном или Давидом нам доподлинно неизвестно. В любом случае в скором времени после постройки здание было разрушено и перестроено в соответствии с частью плана, направленного на превращение Мегиддо в хорошо защищенный важный административный центр (3 Цар. 9:15-19). Вокруг холма была возведена новая стена, имевшая только одни хорошо укрепленные ворота, находившиеся в северной ее части. Врата Соломона, раскопанные недавно израильской экспедицией, работавшей в Асоре, выстроены по той же схеме, которая весьма схожа с планом восточных Храмовых врат, описанных в Иез. 40:5-16. За вратами начиналась мощеная улица, ведущая, к массивному сооружению. За стойлами находился мощный внутренний двор резиденции окружного наместника, представлявшей собой прочное здание, которое, скорее всего, не было одноэтажным. Здесь же высилась башня, с которой он мог заглянуть за городские стены. Другое крупное сооружение находилось в противоположной части города. Перед ним лежала мощеная площадь, в центре которой находился желоб, по которому текла питьевая вода. Судя по отдельным деталям и, прежде всего, по капителям колонн, в создании этих построек принимали участие финикийские зодчие. Эти капители являлись финикийским

применением египетского оригинала, которая впоследствии была позаимствована греками и получила название ионической капители.

Подобные проекты можно было реализовать лишь при условии использования труда наемников. Вначале Соломон превратил всех потомков хананеев в оброчных работников (3 Цар. 9:21). Затем он стал набирать вольных израильтян для службы в армии и для производства работ (3 Цар. 5:13 и далее; 9:22), что породило недовольство, особенно усилившееся к концу его правления.

Палестинская Металлургия.

Совершенно неожиданный аспект торговой деятельности Соломона был выявлен благодаря исследованиям, произведенным Нельсоном Глюиком (Nelson Glueck) в долине Арава, к югу от Мертвого моря, и в Ецион-Гавере, порте Соломона на Красном море.

Мягкий песчаник восточного берега Арава содержит множество железных и медных жил. Раскопки показали, что в период правления Соломона и в последующие несколько столетий руда здесь добывалась особенно интенсивно, отражением чего, возможно, является вторая часть 9 стиха 8 главы Второзакония. Исследователь занялся изучением груд шлака. Возле некоторых из них были обнаружены огороженные площадки с находящимися на них развалинами шахтерских домиков и печей, в которых производилась первичная плавка руды. Работали здесь, скорее всего, рабы, а ограды, возможно, возводились лишь для того, чтобы предотвратить их бегство.

Где-то в Ецион-Гавере должны находиться развалины морского порта Соломона (3 Цар. 9:26). Их так и не удалось найти, однако здесь была обнаружена самая крупная на Ближнем Востоке плавильная печь. Она была построена около X века, то есть, скорее всего, в правление Соломона. Ецион-Гавер находится в самом центре естественной аэродинамической трубы, открытой для всех северных ветров и песчаных бурь. Вероятно, именно по этой причине для строительства печи и было выбрано данное место. Воздуховоды плавильной печи были обращены на север, что позволяло плавильщикам обходиться без использования мехов для форсированного поддува. Место это во всех прочих отношениях было достаточно непривлекательным, вследствие чего мы вправе предположить, что труд невольников использовался и здесь.

Храм Соломона.

Особое внимание Соломон уделял Иерусалиму, где им были построены дворец, храм и правительственные здания. Завоеванный Давидом иевусейский город, располагавшийся на горе Офел, был слишком мал для Соломона. Он разровнял большой участок земли, находившийся севернее, и включил его в состав города, обведя его стеной. Именно там он и приступил к своим трудам, в которых деятельное участие принимали финикийские мастера. С той поры и по сей день эта земля почитается как самое святое место на свете.

Самым известным из архитектурных чудес Иерусалима был Храм. Делалось множество попыток его реконструкции, однако до последнего времени ученые не располагали необходимыми для этого археологическими данными. Сегодня ситуация заметно изменилась, поскольку был сделан целый ряд открытий, имеющих непосредственное отношение к этой проблеме.

Мы вправе предположить, что Храм строился скорее по финикийским, а не по египетским или месопотамским канонам, поскольку в Третьей книге Царств нам сообщается о том, что Соломон прибег к материальной и к технической помощи Хирама, царя Тирско-

го. К сожалению, нам мало что известно о храмовом искусстве и архитектуре Финикии этого периода, поскольку данный период изучен археологами явно недостаточно. Единственным храмом, принадлежащим к той же эпохе царей Израиля (1000—600 гг. до Р.Х.), найденным в Сирии или в Палестине, является небольшой храм царей Хаттины (VIII век до Р.Х.), обнаруженный в Тель-Тайнате (Сирия). Крайне важным представляется то обстоятельство, что он имел планировку очень схожую с планировкой Храма Соломона.

Храм Соломона был воздвигнут на платформе высотой около 9 футов (Иезек. 41:8). [5] Лестница, состоявшая из десяти ступеней, вела ко входу, по бокам которого находились две свободно стоящие колонны, известные как Иахин и Воаз (3 Цар. 7:21). Вероятно, именами колонн стали первые слова сделанных на них надписей. Их смысл и значение остаются неясными, хотя существует множество разнообразных соответствующих предположений.

Внутренность Храма была разделена на три части. За притвором или *уламом* находилась святилище, “Святое” или *Гэкал*. В святилище имелось несколько окон (3 Цар. 6:4), находившихся под самым потолком. Устройство окон финикийцы, вероятно, заимствовали у египтян. Пол храма был покрыт кипарисовыми досками, а стены обложены досками из кедра; подобная практика неизвестная жителям Месопотамии была характерна скорее для севера. Плоская крыша здания поддерживалась огромными кедровыми бревнами. Стены и двери были украшены изображениями пальм и распускающихся цветов, а также цепей и херувимов, вырезанных на дереве и обложенных золотом (3 Цар. 6:35; 2 Пар. 3:5; Иез. 41:18 и далее). Эти резные изображения, вероятно, были исполнены в финикийской манере; собрания финикийской резьбы по кости (судя по которым, финикийцы находились под сильным египетским влиянием) позволяют нам судить, как они могли выглядеть. В этом помещении находилась священная утварь: золотые светильники, стол для хлебов предложения и небольшой алтарь из кедра, инкрустированного (или обложенного?) золотом. Этот алтарь находился непосредственно перед лестницей, которая вела в следующее помещение. Подобная особенность была характерна и для хананейских храмов: алтарь или стол располагался непосредственно перед лестницей, которая вела вверх, к располагавшемуся выше “Святому Святым,” где находилось изваяние божества, и воскуривались жертвенные благовония.

Третьим помещением было “Святейшее” или “Святое Святым.” Это помещение именовалась *Давир* или “оракул,” ибо оно считалось обиталищем Бога. Окон в нем не было. Здесь стояли два “обложенных” золотом херувима из масличного дерева высотой в пятнадцать футов. Крылья херувимов были распростерты словно для полета. Крылья, обращенные наружу, касались стен, обращенные внутрь касались друг друга в центре помещения. По всей вероятности, Кивот Завета находился именно здесь — под сенью крыл херувимов (3 Цар. 8:6).

Какими были эти херувимы? Почему их изваяния были помещены в Святом Святым и занимали столь видное место в резных изображениях, которыми были украшены стены и двери? К первому столетию по Р.Х. их природа уже была забыта. Иосиф Флавий пишет о том, что “никто уже не помнит, какими они были.” В одном мы можем быть уверены: они, наверняка, нисколько не походили на милостивых ренессансных крылатых младенцев, заимствованных, возможно, из греко-римского искусства. Многие ученые считают, что это были гигантские крылатые быки, столь популярные в Месопотамии, однако последние совершенно не характерны для данного региона. Если мы будем пользоваться

методом исключения, то приходим к выводу, что образом херувима мог быть, единственно, образ крылатого сфинкса, то есть, крылатого льва с головой человека. Именно это крылатое существо наиболее характерно для финикийского искусства.

Почему же здесь использовалось именно это изображение? Среди прочих предметов из слоновой кости, найденных в Мегиддо, была и табличка, датируемая ориентировочно 1200 г. до Р.Х., с изображением хананейского царя, восседающего на троне, поддерживаемом двумя херувимами. Другие хананейские цари также изображены сидящими на таких же тронах. Подобным же образом о Боге Израилевом часто говорится как о “восседающем на херувимах.” В официальной религии Израиля изображение Бога было запрещено законом, и потому считалось, что он незримым образом восседает в Святом Святых на этих двух огромных гибридных существах.

Религиозное значение херувимов достаточно неясно. В одном из фрагментов древнего гимна есть такие слова: “и воссел на Херувимов, и полетел, и понесся на крыльях ветра” (2 Цар. 22:11; Пс. 17:11; сравните, Иез. 10:20). По всей видимости, в религии Израиля, так же как и в других ближневосточных религиях подобные крылатые существа рассматривались в качестве своеобразных подручных божества, помогавших ему переноситься с места на место. Можно вспомнить о том, что в Быт. 3:24 херувим был поставлен на востоке от рая, чтобы охранять путь к Древу Жизни. Именно этой концепции соответствуют изображения херувимов и пальмовых ветвей, вырезанные на стенах и дверях Храма. В финикийском искусстве два херувима, обращенные лицами к дереву, являются достаточно обычным мотивом.

С северной и с южной стороны здания имелись двери, за которыми находились лестницы, ведущие к двум верхним этажам. На каждом из трех этажей имелся целый ряд маленьких боковых комнаток, перекрытия которых поддерживались горизонтальными уступами основной несущей стены Храма, благодаря чему верхние этажи были на полтора фута шире нижних. Видимо, эти комнаты предназначались для хранения храмовых сокровищ.

Во внутреннем дворе, находившемся перед Храмом, стояли большой алтарь для приношения всесожжений и медное море. Судя по описанию, приведенному в Иез. 43:13-17, общий вид алтаря напоминал вавилонскую культовую башню (зиккурат). Он состоял из трех ступеней, причем нижние две ступени были на полтора фута шире, чем верхние. Верхняя платформа являлась печью для приношения всесожжений. Она называлась словом *харел* (*harel*), что, возможно, переводилось как “Божья гора” и восходило к аккадскому понятию, которым обозначался как подземный мир, так и космическая гора, на которой, как считалось, жили боги. Лестница, находившаяся с восточной стороны, вела к алтарной печи.

Медным морем называлась огромная чаша, имевшая диаметр 15 футов и высоту 7,5 футов. Она была отлита из бронзы толщиной около 3 дюймов с украшенными орнаментом краями (3 Цар. 7:23 и далее). Она стояла на спинах двенадцати литых волов, сгруппированных по трое и обращенных головами в направлении основных сторон света. Эта бронзовая чаша должна была весить около 25—30 тонн, то есть, имела массу, сравнимую с массой колокола собора св. Павла в Лондоне (17,5 тонн). Море и опоры были отлиты на глинистых берегах Иордана неподалеку от того места, где Иавок впадает в Иордан (1 Цар. 7:13 и далее, 46).

Далее нам сообщается о том, что море служило для омовения священников (2 Пар. 4:6). Но почему же эта чаша именуется “морем”? Иудейский историк Иосиф Фла-

вий считает, что причиной этого стали его размеры. Однако представляется более вероятным, что это название имело символическое значение. Море играет важную роль в хананейской и вавилонской мифологии. Вавилоняне видели в нем источник жизни и плодородия, помимо прочего, оно было и обиталищем хананейского Левиафана, дракона хаоса. Соответственно, медное море Соломона подобно херувимам и колоннам использовалось постольку, поскольку издавна фигурировало в мифологии хананеев. Судьба же его была заранее предрешена. Оно содержало в себе слишком большое количество столь ценной в ту пору бронзы. Царь Ахаз заплатил волами дань царю ассирийскому в 734 г. до Р.Х., вавилоняне же разбили чашу и перевезли фрагменты в Вавилон после захвата Иерусалима в 587 году до Р.Х. (4 Цар. 16:17; 25:13).

Теологическое Значение Храма.

В древнем политеистическом мире царская власть и храм являлись двумя институтами, связывавшими божественный и человеческий мир воедино. В Египте царя считали воплощением бога Солнца. В Месопотамии он представлялся божественным избранником, управлявшим обществом, или, даже, “приемным сыном” богов. В Израиле к царю относились примерно так же и потому величали его сыном Бога (2 Цар. 7:14; Пс. 2:7).

В Вавилоне одна из основных религиозных функций царя заключалась в проведении ежегодного праздника Нового Года. Центральным моментом этого праздника являлась культовая драма, в которой вновь разыгрывалась и выигрывалась битва творения, вследствие чего, как считалось, мир продлевал свое существование еще на год. В этой драме царь в полном соответствии с принципами симпатической магии исполнял роль царя богов. Он имитировал действия божества и потому не мог не отождествляться с ним, ибо для политеистического сознания подобие мало чем отличается от тождества. В другой культовой церемонии царь отождествлялся с богом дождя и роста, а жрица превращалась в богиню плодородия. Их соитие являло собой союз творческих сил просыпающейся весенней природы. Таким образом, в подобных храмовых церемониях языческий царь отвоёвывал мир у хаоса и обеспечивал его плодородие и возрождение весной и осенью.

Некоторые ученые считают, что новогодний праздник, аналогичный вавилонскому, существовал у израильтян и праздновался их царем в Храме Соломона. В этом празднестве, которым руководили представители династии Давида, врагами Бога являлись не драконы хаоса, но исторические силы, пытавшиеся противостоять Божественной воле. В культовых церемониях их поражение считалось чем-то несомненным и близким или уже состоявшимся. Другие ученые категорически возражают против этого, считая подобные предположения совершенно беспочвенными. В Храме могли совершаться определенные церемонии, где читались псалмы, прославляющие победу Бога над земными противниками, в которых царь из рода Давидова представлялся вершителем Божественной воли (Пс. 2:1-10), однако в этих церемониях не использовались принципы симпатической магии. Все и вся вершилось Богом.

Роль царя и храма в жизни языческих сообществ представляется достаточно ясной. Считалось, что стабильность природы и общества зависит от церемоний, проводимых в храме. Храм являл собой подлинный “дом Божий, (...) врата небесные” (Быт. 28:17) и “основание неба и земли” (имя, данное культовой вавилонской башне). Хотя данный Израиле Синайский завет определял отношения между людьми и Богом, который был неизмеримо выше царя и храма, Храм продолжал называться “домом Бога” и “дворцом” (*хеккал*). Судя по всему, такого понятия как храм на Ближнем Востоке попросту не существо-

вало. Эту роль мог выполнять дом или дворец, в котором обитал божественный владыка, окруженный своими божественными и человеческими слугами. Человеческие слуги или жрецы следили за самим зданием и за принадлежащим ему имуществом, ибо именно они должны были обеспечивать потребности бога. Именно в этом и состоял смысл каждодневных сакральных церемоний. Бога необходимо было питать жертвами, приношениями и возлияниями.

В Израиле же антропоморфной концепции божества был поставлен предел. Великий Господь не обладал физическими потребностями, которые могли бы удовлетворяться людьми (Пс. 49:12-13). Вся система жертвоприношений, пусть внешне она и продолжала напоминать политеистические системы, имела иную цель и иное значение. Она являлась своеобразной угодной Богу формой Его почитания, восхваления, благодарения, приобщения и, в особенности, искупления грехов, при условии, что грехи эти не были проявлением дерзости, своеволия и бунтарских настроений, характерных для ожесточенных и вероломных душ. Подобные таинства вряд ли могли помочь таким душам.

Но как же космический бог, олицетворением которого были небо, буря, солнце или луна, мог поселиться в земном доме? Подобный вопрос мог возникнуть только у людей, руководствующихся в своей жизни логикой, или — как мы увидим впоследствии — у некоторых израильтян, но никак не у политеистов. Древний храм был исполнен космической символики и воспринимался как своеобразный микрокосм, миниатюрная копия космического мира, в котором обитал бог. В силу принципа подобия он в каком-то смысле становился миром, и потому в нем могло поселиться не знающее никаких пределов божество. Свидетельством присутствия божества являлось его изваяние, устанавливаемое в храме. Скульптурное изображение никоим образом не ограничивало его: он мистически присутствовал в своем образе, но при этом оставался той же космической силой, с которой его почитатели могли соприкоснуться как в храме, так и в мире.

Вполне вероятно, что строители Храма Соломона относились к этой проблеме так же, как и носители политеистических культов. Храм был для них “домом Яхве,” который незримо восседал на троне, поддерживаемом херувимами, в непроницаемой тьме Святого Святых. Тем не менее, со временем израильтяне осознали серьезность этой проблемы. В содержащейся во Второзаконии молитве на освящение Храма, приписываемой Соломону, содержится отрицание политеистического взгляда, в согласии с которым Бог может жить на земле подобно человеку. Он обитает на небесах. Храм же носит Его имя и является домом молитвы или обусловленного ею мистического сосредоточения (3 Цар. 8:27-30).

Как понимался смысл и значение Храма храмовыми служителями нам неизвестно. Основой священнической теологии являлась концепция присутствия Бога в Его народе. Это Божественное присутствие было для этого народа благословением и залогом его безопасности. Видение Бога, покидающего Храм, воспринимается Иезекиилем как знак того, что Он решил уничтожить его (Иез. 10—11). Тем не менее, исходя из существовавшей терминологии, мы можем предположить, что священники осознавали эту проблему. Когда речь шла о человеке, то использовался глагол *yashabh* (сидеть, обитать). Если же речь идет о Божественном присутствии в Храме, то употребляется глагол *shakan*, использовавшийся в древности кочевниками и обозначавший “жить в палатке (шатре).” Хотя Бог “обитает” на небесах, тайна его присутствия ведома и земле, поскольку он “живет” (*shakan*) в своем народе.

Примечания.

1. «Гива,» в переводе с древнееврейского, означает «холм». В. Олбрайт датировал следы первоначального поселения на этом месте последней четвертью XIII в. до Р.Х. Это как раз то поселение, которое было уничтожено около 1100 г. (следы пожара), что связывают с войной израильских племен против колена Вениамина. Уже вслед за этим в Гиве была построена крепость Саула, которая по крайней мере два раза тоже подвергалась разрушению.

2. В последние годы некоторые историки-«минималисты» поставили под сомнение историчность предания о правлении Давида. По их мнению, дошедшая до нас редакция VIII в. до Р.Х. едва ли могла сохранить достоверную информацию о событиях начала X в. и служить основой для исторических реконструкций. Даже они, однако, признают, что в основе сохранившегося повествования должны были лежать какие-то реальные события. Ведь все предание о Давиде носит апологетический характер, оно признано оправдать его действия (такие, например, как убийство Абнера, военачальника Саула, убийство его наследника, сотрудничество с филистимлянами и пр.). Другие источники, кроме Библии, никаких упоминаний о Давиде не содержат. Найденный в 1993 на городище Телль Дан фрагмент стелы с арамейской надписью, в которой упоминается «дом Давида» (*bytdwd*) оказался подделкой (ее автор имел весьма слабое представление о нормах арамейской грамматики, поэтому разоблачить подделку удалось довольно легко — см. *David Found at Dan*, *Biblical Archaeology Review* (BAR), March/April 1994 (Order this issue); and Avraham Biran, *More Fragments from “David” Stela Found at Dan*, BAR, September/October 1994.). Правда, египтологом К. Китченом (Ливерпуль) недавно было высказано предположение, что имя Давида все-таки содержится в победной надписи египетского царя Шешонка (библейского Шишака) в храме Амона в Карнаке. Шешонк совершил поход в Палестину около 925 г. до Р.Х. Его надпись содержит более ста связанных с Ханааном топонимов. В числе тех, которые имеют отношение к югу Палестины — *h(y)dbt dwt* — что можно перевести как «высоты Давида».

3. В русской версии также говорится об обезьянах и павлинах. Это же значение (павлины) дано и в Brown-Driver-Briggs (прим. пер.).

4. Frank M. Cross and G. Ernest Wright, *JBL*, LXXXV (1956), pp. 202—226.

5. Для упрощения вычислений мы можем считать, что один локоть состоит примерно из восемнадцати дюймов. Обычный локоть составляет 17,5 дюймов, археологические же исследования показывают, что “мужеский” локоть, которым по свидетельству Иезекииля промерялся Храм, был на ладонь больше и составлял примерно 20,4 дюйма (обычно мера длины ладони принимается равной примерно 4 дюймам — прим. пер.). Последние данные о весах и мерах представлены в работе: R.B.Y. Scott, *Biblical Archaeologist*, Vol. XXII, 2 (May 1959).

6. Разделение и Падение.

Золотой век великих царей закончился в X столетии до Р.Х. Политика Соломона привела к разделению царства. Северный Израиль сохранил за собой название “Израиль” и избрал своим царем Иеровоама, некогда поставленного Соломоном смотрителем над оброчными. В южном царстве, названном “Иудеей,» продолжали править потомки Давида. Границей царств стала северная граница древних владений колена Вениамина, проходившая в 10 милях к северу от Иерусалима. Сильная империя, некогда основанная Давидом, прекратила свое существование. Страна арамеев с центром в Дамаске отделилась от нее и стала независимым государством. Находившееся за Иорданом царство аммонитян со столицей в современном Аммане либо добилось независимости, либо было близко к этому — судя по тому, что ассирийский монарх Салманассар III в 853 г. до Р.Х. упоминает “независимого царя” этой территории (ср. 2 Пар. 20:1). Вскоре Израиль утратил контроль над Моавом к востоку от Мертвого моря и, вероятно, не мог восстановить его до 875 г. до Р.Х., в то время как страна Васан к востоку от Галилейского моря была вскоре захвачена Дамаском. Идумея могла обрести на время независимость от Иудеи (ср. 3 Цар. 11:14-22), хотя уже в первой половине IX столетия до Р.Х. она вновь была под контролем Иерусалима (ср. 3 Цар. 22:47).

Несмотря на политическую нестабильность на севере и постоянные столкновения между севером и югом, при сколько-нибудь благоприятном стечении внешних обстоятельств в стране наступал период процветания. Во всяком случае находки, сделанные в ходе раскопок, свидетельствуют о постепенном росте численности населения и общем повышении уровня жизни. Особенно примечательным в этом смысле представляется то, что дома евреев, живших на землях Ханаана, только в эту пору стали отличаться в лучшую сторону от домов хананейских земледельцев, живших в период общего упадка хананейской культуры, то есть в XIV-XIII вв. до Р.Х.

Материальная культура Палестины в этот период приходит к известному единообразию, последние островки культуры хананеев и филистимлян, живших в равнинной части страны, постепенно тают вследствие экономического засилья жителей горных районов. Следует заметить, что данный период характеризуется тем, что в течение примерно трехсот лет обычаи и культура народа остаются настолько стабильными, что археологам с трудом удастся выявить в нем определенные культурные фазы. Затруднительным становится даже определение возраста керамики. Мы можем датировать найденные блюда, горшки и кувшины IX-VIII или, скажем, VIII-VII вв. до Р.Х., но не более того. Упомянутая стабильность культуры является отражением стабильности жизни и мысли, несмотря на общую политическую неуравновешенность этого периода.

Археология и Политика.

Нам сообщается о том, что Иеровоам “обстроил” Сихем, сделав его новой столицей северного Израиля (3 Цар. 12:25). Поскольку это место в течение примерно тысячи лет являлось главным городом данного района, фраза “обстроил Сихем,” по-видимому, относится к постройке новых городских укреплений. Возможно, ученым удалось обнаружить некоторые из построек, сделанных при Иеровоаме. Помимо прочего, он производил ремонт старой городской стены, один из фрагментов которой был раскопан археологами. Вновь стали использоваться старые городские ворота, выстроенные еще при хананеях, то же самое относится и к Восточным вратам хананеев, где в 1956 г. экспедиции Дру-Маккормика удалось обнаружить свидетельства не особенно существенной перестройки, произведенной Иеровоамом.

Нам говорится о том, что, поскольку Иерусалим стал религиозной столицей Израиля, Иеровоам стал опасаться того, что это обстоятельство может ослабить его власть. Соответственно, он отлил двух золотых тельцов (или, скорее, быков) и выставил их в двух городах — Дане и Вефиле. Им был установлен новый культ — теперь народ должен был ходить не в Иерусалим, а к этим капищам (3 Цар. 12:26 и далее).

Ко времени Иеровоама или его ближайших преемников может быть отнесено активное строительство в Дане, где были сооружены грандиозные ворота и церемониальная дорога, ведущая к вершине телля, образовавшегося на месте города среднего бронзового века. Город был четко распланирован. Его окружали массивные оборонительные стены, за ними находились общественные здания и многочисленные жилые дома, стоявшие по сторонам улиц с галечным покрытием. Золотой телец, воздвигнутый Иеровоамом в Дане, конечно, не сохранился, но остатки храма конца X в. до Р.Х., где он был установлен, были недавно обнаружены израильскими археологами. От него сохранилась каменная платформа шириной около 20 м, так называемая “бама,” или “высокое место” (Лев. 26:30, 89). При раскопках найдены такие явно культовые объекты, как светильники с семью носиками, подставки для курильниц, котел, наполненный костями животных, глиняные и фаянсовые

антропоморфные фигурки, пифосы с изображениями змей (в древнем Израиле они ассоциировались с культом Ваала). Это место для “капища на высоте” (3 Цар. 12:31), вероятно, было выбрано Иеровоамом не только потому, что оно расположено вблизи источника, одного из истоков реки Иордан, но и потому, что оно издревле было связано с какими-то местными культами. Неподалеку от святилища были найдены фрагменты нескольких статуэток в египетском стиле, которые можно датировать II тыс. до Р.Х. Святилище расширялось и перестраивалось в IX в. до Р.Х. (ко времени правления Ахава можно отнести еще одну, почти квадратную платформу “бама” 20 на 21 м, небольшой четырехрогий базальтовый алтарь и обломки еще одного алтаря) и в первой половине VIII в. до Р.Х., в царствование Иеровоама II. Оно, очевидно, продолжало функционировать и в эллинистический период, что подтверждается находкой (в 1977 г. в нескольких метрах от него) греко-арамейской надписи-биллингвы, упоминающей “Бога Дана” (начало I в. до Р.Х.). У внешней городской стены, разрушенной в 733/32 г. до Р.Х. Тиглатпаласаром III, найдены под ее остатками следы еще одного святилища: пять каменных столбов (маццеба), сосуды, лампы-семисвечники и кости жертвенных животных (овец и коз). Такие же святилища-маццеба имелись и в других частях города¹.

Как же следует интерпретировать этих тельцов? Были ли они идолами, представляющими Бога Израиля? Позднейшие религиозные лидеры интерпретировали их именно таким образом — во всяком случае, они считали, что эти литые изображения толкают людей на путь язычества. Впрочем, представляется маловероятным, чтобы Иеровоам сознательно пытался отвратить народ от Бога Израиля. Народы, жившие по соседству, привыкли представлять своих богов стоящими на спинах животных или восседающими на тронах, которые несут животные. Вторая концепция была использована Соломоном при строительстве Иерусалимского храма. Иеровоам же, вероятно, склонялся к первой концепции: золотой телец представлялся ему пьедесталом, на котором стоял незримый бог. Впрочем, народ наверняка поклонялся именно тому, что он видел, то есть самому тельцу, тем более что в сознании хананеев культ Эля и Ваала часто связывался именно с образом быка.

Первое со времени правления Саула несчастье постигло оба царства около 918 г. до Р.Х. В книгах Царств о нем говорится очень немногое: “На пятом году царствования Ровоамова, Сусаким, царь Египетский, вышел против Иерусалима и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского. Все взял; взял и золотые щиты, которые сделал Соломон” (3 Цар. 14:25-26).

Этот царь Египта придавал названной кампании гораздо большее значение. На стенах большого храма в Карнаке в Верхнем Египте сохранилось его резное изображение: он крушит своих соседей в присутствии бога Амона и богини, которые ведут к нему пленников, выстроенных в десять рядов. Каждый пленник символизирует определенный город или некую местность, название которых указывается ниже. На основании этих названий мы можем составить впечатление о размахе военной кампании. Судя по библейским записям, египетское нашествие ограничилось Иудеей, на деле же пострадала, вероятно, едва ли не вся Палестина, ибо в названный список входят названия городов Ездрилонской долины, Трансиордании, горных районов Израиля и даже Идумеи. Сусаким пытался восстановить некогда великую Египетскую империю в прежних пределах, а поскольку его воины были выходцами из Ливии и Нубии (сам он был уроженцем Ливии), нетрудно представить, сколь опустошительными были их походы (ср. 2 Пар. 12:2 и далее).

Результаты раскопок свидетельствуют о большом размахе и серьезности этой кампании. Так, в Мегиддо был обнаружен в 1926 г. фрагмент монумента или стелы, воздвигнутой египетским царем (на нем сохранилось его имя). Известно, что большое количество городов было, по крайней мере хотя бы частично, разрушено египтянами, и среди них: Давир, Тель-Джеме (Jorda?) к югу от Газы и даже огромная плавильня Соломона в Ецион-Гавере. Мощные укрепления, открытые в Шарухене (современный Тель-эль-Фара), к юго-востоку от Газы, если они действительно построены при Сусакиме, свидетельствуют о том, что эта кампания являлась не просто единичным налетом, но оккупацией, в которой принимали участие тысячи рабов. Впрочем, оккупация эта была весьма недолгой. Сусахим умер вскоре после завоевания этих земель, преемники же его были недостаточно энергичны и талантливы (2 Пар. 14:9 и далее).

Сусахим (Шешонк, евр. Шишак) — первый египетский правитель, названный в Библии по имени (все предшествующие египетские цари именуются просто “фараон”). Шешонк I (ок. 950-920 гг. до Р.Х.) — основатель XXI ливийской династии Египта. Трудно сказать, действительно ли целью его похода в Ханаан было восстановление там египетского влияния. Добыча же, захваченная в этом походе (сейчас его датируют примерно 925 г. до Р.Х.), должна была быть огромной. Когда Шешонку наследовал его сын Осоркон I, он пожертвовал храмам несколько тонн золота и серебра, а его внук, Шешонк II, был погребен в серебряном саркофаге — последний был найден в 1939 г. при раскопках в Танисе². В сохранившемся в Карнакском храме Амона списке разгромленных палестинских городов многие, по определению А. Мазара, находились на Негевском плоскогорье. “Целью Шешонка, — заключает он, — могло быть нарушение израильской и финикийской торговли с Южной Аравией и реставрация египетской гегемонии над торговлей... Тем самым предполагается, что египетское вторжение в Негев может рассматриваться как косвенное свидетельство значения негевских поселений в Соломоновом царстве”³.

Династия Амврия (около 876-842 гг. до Р.Х.).⁴

История того, как Амврий стал царем, рассказана в Третьей книге Царств (3 Цар. 16:8 и далее). Династия Амврия снискала себе печальную известность вследствие того, что его сын Ахав женился на Иезавели, дочери Ефваала, жреца Астарты в Тире, который захватил финикийский трон, убив своего предшественника. Содержащаяся в Библии информация о самом Амврии ограничивается семью стихами (3 Цар. 16:21-28), однако стихи эти в сочетании с археологическими данными свидетельствуют о том, что его правление было достаточно успешным. Ассирийцы в ряде случаев говорили об Израиле как о “земле Амврия (Омри)” или о “доме Омри” много позже того, как об этой династии уже никто не помнил.

Большинство свидетельств об этой эпохе предоставляют раскопки Самарии. Сихем, естественную столицу северного Израиля, было сложно защищать. Соответственно, предшественники Амврия избрали своей столицей город Фирцу. Вероятно, Фирца располагалась на месте современного Тель-эль-Фараха, большого кургана в семи милях к северо-востоку от Сихема. Экспедиция под руководством отца Ролана де Во начала его раскопки в 1947 г. и пришла к выводу, что люди жили здесь уже в IV тысячелетии до Р.Х.; в бронзовом же веке здесь стоял большой город, подвергшийся разрушению в начале IX и в VIII вв. до Р.Х. История города в общем соответствует истории Фирцы, однако мы не располагаем информацией для более или менее точного их отождествления.

Амврий объединил свое царство с Финикией. Его новой столицей стала Самария, находившаяся в семи милях к северо-западу от Сихема на дороге к Ездрилому, Галилее и Финикии. Первый археолог, занимавшийся раскопками Палестины, Эдвард Робинсон, говорил: “Трудно было сыскать во всей Палестине столь же удобное, плодородное и красивое место. Все эти особенности выгодно отличали его от Иерусалима”⁵.

Самария была первым городом, построенным самими израильтянами на месте, не заселенном по меньшей мере с III тыс. до Р.Х. Он располагался на возвышавшемся над окружающей долиной холме и господствовал над двумя важнейшими путями: к Финикии и от прибрежной средиземноморской долины к Иордану. Раскопки города охватили часть царского акрополя. Остальной город затронут ими лишь в незначительной мере. Но и эта вскрытая площадь дала возможность заключить, что “степень планирования и строительной активности на акрополе беспрецедентны в архитектурной истории страны, за исключением, может быть, Соломонова строительства в Иерусалиме”⁶. Внутри царской резиденции выделены две строительных фазы. Первую исследователи относят предположительно ко времени Амврия, основателя города. В это время большая часть акрополя была ограждена стеной толщиной до 1,6 м, не имевшей чисто фортификационного характера, но именно ограждавшей царский квартал. Внутри ограды вымощенный битым известняком пол на 4 м превышал уровень окружающих участков. Постройки за стеной разрушены полностью, и лишь следы фундаментов позволяют судить о регулярности и масштабности застройки. Вторую фазу застройки акрополя связывают со строительной деятельностью наследовавшего Амврию его сына Ахава. Верхняя площадка была заметно расширена, а ограждавшая и крепившая ее стена с северной и западной сторон сменена новой оборонительной стеной казематного типа, общая толщина которой на северном участке достигала 10 м. Царская резиденция превратилась в подлинную крепость. Но остатки построек и здесь сохранились очень плохо. План дворца остается неясным. Можно говорить только о наличии большого прямоугольного двора, фланкированного несколькими крыльями. Сохранилось лишь южное крыло, состоящее из прямоугольных комнат, расположенных по сторонам двора. Несмотря на определение лишь отдельных элементов плана, А. Мазар считает его реминисценцией планов дворцов хананейско-финикийской архитектурной традиции. В одной из меньших построек акрополя найден клад резной слоновой кости — самый большой из ее скоплений, известных в железном веке Палестины, чудом сохранившийся после ассирийского разгрома города в 720 г. до Р.Х. Большинство изделий — пластины с низким рельефом. Круглая скульптура встречается значительно реже. Несмотря на ряд египетских сюжетов, основной стиль изображений финикийский, что подтверждается и наличием на нескольких пластинах букв еврейско-финикийского алфавита.

Самария очень сложна для раскопок, поскольку ее столько раз завоевывали как в ветхозаветные, так и в новозаветные времена, а строители эллинистической и римской эпох сооружали на скальном основании столь крупные сооружения, что “израильские” слои были серьезно нарушены, а во многих случаях и совершенно утрачены. Соответственно, находок, относящихся к израильскому периоду, немного, причем обнаруживаются они в хаотическом и разрушенном состоянии. Впрочем, в некоторых случаях угадывается положение отдельных строений и стен, поскольку строители порой не просто возводили их на скальном основании, а предварительно выравнивали последнее или даже проделывали в нем канавки.

“Израильский” период истории города принято делить на пять фаз, датируемых временем с 875 г. до Р.Х., когда город был основан Амврием, и до 721 г. до Р.Х., когда его

разрушили ассирийцы. Период I может приписываться как Амврию, так и Ахаву: Амврий начал строительство города, но, судя по тому, что правление его было непродолжительным, эта работа заканчивалась его сыном Ахавом. Вершина холма, на которой находится большой дворец с внутренним двором, окружена стеной. Ниже построены еще две стены: первая на террасе, находящейся несколько ниже, вторая у основания холма. Работа каменщиков здесь просто превосходна — во всей Палестине не было найдено ничего подобного ей. Городские ворота, находившиеся возле вершины, очевидно, были ориентированы на восток. Возможно, перед ними находился монументальный передний двор с пилястрами, украшенными “прото-ионическими” капителями.

Среди городских развалин найдено немало слоновой кости, которая некогда использовалась для инкрустации шкатулок и мебели. Амос говорит о тех, кто лежит на ложах из слоновой кости (Ам. 6:4; ср., Ам. 3:15), и останки подобного инкрустированного костью ложа действительно были найдены в Арслан-Таше в северной Сирии. Это один из предметов, на которых значится имя Азаила, царя Дамаска в правление Ииуя (около 842-815 гг. до Р.Х.). Из Третьей книги Царств (3 Цар. 22:39) мы узнаем о том, что Ахав построил “дом из слоновой кости,” стены которого, судя по всему, были отделаны изнутри слоновой костью. Возможно, археологам удалось обнаружить останки именно этого строения, поскольку как внутри него, так и поблизости было обнаружено большое количество фрагментов изделий из слоновой кости. Вне всяких сомнений резчиками кости были мастера из Финикии и Дамаска, соответственно, либо в страну ввозились сами изделия, либо приглашались мастера.

Правление Ахава было отмечено непрекращающимися войнами с Дамаском, однако в 854-853 гг. до Р.Х. Ахав вступил в коалицию с Дамаском и с рядом других стран, включая Аммон и, возможно, Египет, пытаясь противостоять ассирийскому царю Салманассару III. В 853 г. до Р.Х. произошло сражение при Каркаре, стоявшем на реке Оронт к северу от Дамаска. По неизвестной причине сражение это вообще не упоминается в Библии, и мы знаем о нем только из документов Салманассара. Последний сообщает нам, что тремя главными царями противника были: Ададезер (Hadadezer) Дамасский, войско которого состояло из 1200 колесниц, 1200 всадников и 20 000 пехотинцев; Ирулени (Irhuleni) Емафский (Hamath) с армией из 700 колесниц, 700 всадников и 10 000 пехотинцев и “Ахав Израильтянин” с 2000 колесниц и с 10 000 пехотинцев. Конь и колесница как орудия войны появились в Израиле при Давиде и Соломоне (2 Цар. 8:4; 3 Цар. 10:26), и у Ахава их было больше, чем у его соседей, хотя Израиль в ту пору еще не использовал для ведения войны конницу. В битве при Каркаре Салманассар одержал убедительную победу. В одном из текстов утверждается, что он убил 14 000 воинов из союзнической армии, перешедшей Оронт по трупам, “когда там еще не было моста.” В другом месте утверждается, что потери неприятеля составили 20 500 или даже 25 000 человек. Ученые склонны считать, что эти цифры явно завышены. В любом случае тяжелые потери должна была понести и его армия, ибо, в противном случае, он смог бы развить эту победу. Его армия снова и снова наведывалась в Сирию, однако так и не смогла взять Дамаск или войти в Палестину.

Не позже чем через три года после битвы при Каркаре Ахав вновь сразился с армией Дамаска, стремясь отвоевать Трансиорданию, однако погиб в сражении. После его смерти, в царствование его сына Иорама (около 849-842 гг. до Р.Х.) Меса (Меша), царь Моавитский, отложился от Израиля (4 Цар. 1:1; 3:4 и далее). В ознаменование этого события Меса воздвиг памятник, именуемый ныне как “Моавитский Камень.” Этот памятник

был найден в столице Моава Дибоне в 1868 г. На нем от лица Месы говорится о том, что Амврий Израильтянин долгое время унижал моавитян, ибо “бог Моава Кемош гневался на свой народ. И сын Амврия говорил подобно ему: “Я смирю Моав.” [Так] говорил он, но превзошел я и его, и дом его, и потому Израиль исчез на веки вечные!”⁷

Известны две надписи царя Мешы. Одна — небольшой фрагмент, другая — стела с описанием его борьбы с Израилем, найденная в 1868 г. миссионером Ф. А. Кляйном (ее датируют приблизительно около 850 г. до Р.Х.). Согласно этому тексту, Моав сорок лет угнетал Израиль — в течение всего царствования Омри (Амврия) и половину царствования его сына. Меша напал на Израиль и сокрушил его навеки. Далее большая часть надписи посвящена городам, которые, по словам Мешы, он забрал у Израиля. Все это он совершил при помощи Кемоша, моавитского божества. Имеются некоторые расхождения между библейским повествованием (4 Цар. 3) и описанием тех же событий в надписи. Библейская версия основное внимание уделяет чудесам, предсказаниям пророка Елисея. Надпись Мешы — также не историческое повествование; она содержит откровенную пропаганду, начиная с легендарного сорокалетнего гнета, от которого Меша избавил свой народ. Меша явно преувеличивает свои успехи. Он делает вид, что не знает даже имен израильских царей, кроме Омри, отца Ахав (возможно, речь идет не о конкретном царе, а о Бет Омри — “доме Омри,” династии царей Израиля — так именуется Израиль в ассирийских документах IX-VIII вв. до Р.Х.). Обе версии сходятся на том, что Меша был царем Моава, платившим дань Израилю, что он отложился от Израиля и что это привело к военному конфликту между государствами, в котором Меша отстаивал свою независимость.

Хронология событий, изложенных в 4 Цар. 3 и в надписи Мешы, реконструируется следующим образом: около 853 г. до Р.Х. умер Ахав, вслед за этим Меша отложился от Израиля. Кампания Иоарама, царя Израиля, и Иосафата, царя Иудеи, против Мешы могла иметь место между 848 и 841 гг. до Р.Х., когда оба они были у власти. Они разбили войско Мешы, но выбить его из крепости Кир Харешеф (Керак) им не удалось (4 Цар. 3:27). Меша, естественно, ничего не говорит о своем поражении и об осаде Кир Харешефа, но сообщает о победах над Израилем и о захвате израильских городов, последовавших, вероятно, после развала израильско-иудейской коалиции. Говоря о разгроме города Нево (городище Хирбет ал Мухайят к северо-западу от Мадабы), он упоминает захваченные им алтари Яхве — самое раннее упоминание Яхве вне Библии. Некоторые из взятых им городов (Нево, Аштароф) Меша “посвятил богу Кемошу” — то есть перебил всех жителей, а города сжег (аналогично тому, как поступили израильтяне с Иерихоном — Нав. 6:17, 21).

Столица Мешы, Дибон (городище Дибан), раскапывалась в 1950-1956 и 1965 гг. Открыты оборонительные стены, ворота, высокий подиум, служивший основанием для царской резиденции, многочисленные резервуары для воды (строительство их упоминается в надписи), фрагмент надписи IX в. до Р.Х., в которой упомянут “храм Кемоша.” Французский ученый Андре Лемер предположил недавно, что плохо сохранившаяся строка 31 надписи содержит упоминание дома Давида. Он реконструирует эту часть текста следующим образом: “И дом [Да]видов обитал в Хоранаиме, и Кемош сказал мне: Иди, сразись против Харанаима. И я пошел и [воевал против города и взял его, и] Кемош возвратил его в дни мои” (строки 31-33)⁸.

Династия Ииуя (около 842-745 гг. до Р.Х.).

О том, что Ииуй воцарился в Израиле в 841 г. до Р.Х., свидетельствуют ассирийские тексты, согласно которым он платил в это время дань Салманассару. Ассирийский

царь на своем “Черном Обелиске” представил первые известные нам изображения израильтян. Его художник изобразил Ииуя, целующего землю пред Салманассаром. За Ииуем стоят израильтяне, несущие дань. Над картиной сделана следующая надпись: “Дань Ииуя, сына Амврия; я получил от него серебро, золото, золотую sarlu-чашу, золотую вазу с заостренным дном, золотые бокалы, золотые ведра, олово, царский жезл (и) деревянную purukhtu”⁹.

После восстания Ииуя Израиль вышел из альянса, заключенного династией Амврия с Финикией и Иудеей, и остался в изоляции. Царство уже не вступало в союз с Дамаском ради совместного противостояния Салманассару. Ассирия не беспокоила Дамаск с 837 по 805 гг. до Р.Х., когда страна была разорена и обложена тяжелой данью преемником Салманассара. В то же самое время Азаил, царь Дамасский, которого ассирийцы презрительно именовали “сыном ничтожества” (то есть простолюдином; ср. 4 Цар. 8:7-15), наносил удар за ударом как Израилю, так и Иудее, пока около 810 г. до Р.Х. Иудея не была обложена тяжелой данью, а Израиль оказался в настолько жалком состоянии, что практически не мог защитить себя (4 Цар. 12:17; 13:23). Вероятно, в этот же период был разрушен и выстроенный Соломоном город Мегиддо. После нашествия Сусакима (около 918 г. до Р.Х.) возникла необходимость в некоторой перестройке Мегиддо и возведении новых городских ворот. Тем не менее основные городские сооружения, включая стойла и дворец правителя, сохранили свое значение. Разрушены они были, скорее всего, Азаилом, и новый город третьего слоя был построен по совершенно новому плану.

В Самарии останки датировать намного сложнее. Период II в истории этой столицы израильтян отмечен возведением новых укреплений, заменивших собой внутреннюю стену Амврия-Ахава, защищавшую вершину холма. С северной, западной и, частично, с южной сторон холма была возведена “казематная” стена, представлявшая собою две параллельно идущих стены, соединенных в некоторых местах поперечными стенами. Стиль сооружения не отличался от стиля Периода I Амврия-Ахава. Стена оказалась столь красивой и прочной, что ее использовали, время от времени ремонтируя, в течение нескольких столетий, пока в 150 г. до Р.Х. на ее месте не были возведены “Греческие укрепления,” призванные защитить город от Маккавеев. Судя по всему, строения, появившиеся в этот период, подверглись серьезным разрушениям, соответственно, в Период III произошла серьезная перестройка города, когда, скорее всего, был перестроен и царский дворец. Следует заметить, что, судя по найденной во время раскопок керамике, Периоды I и II были очень близки по времени, Период III также достаточно близок к ним. С другой стороны, последние два израильских периода истории Самарии (IV и V-VI) отделены от первых трех значительным промежутком времени и, вероятно, соответствуют времени перестройки и ремонта городских сооружений незадолго до полного разрушения города ассирийцами в 721 г. до Р.Х. Если предположение археологов о разрушении города в Период III верно, то произведено оно было, скорее всего, Азаилом, царем Дамаска. Если это так, то казематную стену, являвшуюся дополнительным укреплением столицы, мог построить сам Ииуй, хотя полной уверенности в этом у нас нет¹⁰.

В любом случае Израиль достиг пика своего могущества и процветания в правление Иоаса и Иеровоама II (между 801 и 746 гг. до Р.Х.). Период III, в который произошла перестройка царского дворца, вероятно, приходится именно на это время. Захваченными оказались земли самих ассирийских царей, и на западе установился относительный мир. Иеровоам II смог завоевать Дамаск и восстановить древнюю Давидову границу на севере восточной Сирии (4 Цар. 14:25-28).

Именно к этому периоду относятся 63 черепка из Самарии с чернильными надписями на них. Они были обнаружены в 1910 г. среди развалин здания, стоявшего к западу от царского дворца. Содержание документов представляется на первый взгляд не слишком интересным. Типичными являются тексты такого рода: №1: “В десятый год. В Самарию из Бирьяма (Beerham) кувшин старого вина. Пега [сын] Елисея; Узза (Uzza) [сын]..., 1; Элиба (Eliba), 1; Баала (Baala) [сын] Елисея, 1; Иедаия, 1”; № 55: “В десятый год. [Из] виноградника Яху-эли (Yehau-eli). Кувшин хорошего масла”¹¹. Эти черепки, ostraca, оказались квитанциями, регистрировавшими поступления вина и масла в Самарию из различных городов и районов западной части области колена Манассии. Были ли эти поставки данью или же продуктами, собранными на царских землях, остается неясным. Ясно лишь то, что они имели определенное отношение к царской налоговой службе.

В данных документах фигурируют даты, соответствующие 9, 10 и 15 годам правления неведомого царя. Последний, 63-й документ, судя по всему, датирован 17 годом. Именно так и датировались события в Палестине. Из двух царей, правивших в этот период, больше семнадцати лет правил только Иеровоам II (около 786-746 гг. до Р.Х.). Соответственно, черепки скорее всего относятся к 778, 777, 772 и 770 гг. Особое значение им придает то, что в них фигурируют названия поселений и земель той области, о которой имеется очень мало исторических свидетельств. Некоторые из этих названий сохранились и поныне, некоторые соответствуют именам потомков Манассии, представленных в Чис. 26:29-33 и 1 Пар. 7:14-19, таких, как Авиезер, Хогла, Хелек, Ноа, Шехем и Шемида. Это подтверждает высказывавшееся учеными предположение о том, что сыновья и дочери Манассии, представленные в библейских списках, на деле являются названиями кланов, области обитания которых стали известными благодаря этим черепкам.

Более того, представленные в этих документах имена собственные явно относятся к категории библейских, хотя неожиданно большое их число содержит элемент баал (baal) (“господин”). В библейские времена родители часто давали своим детям такие имена, которые по сути были предложениями, начинавшимися или заканчивавшимися именем бога: так, Ионафан означает “данный Яхве,” Обадия — “слуга Яхве” и т. д. В древнем Израиле слово баал (ваал) как титул Яхве было заимствовано у хананеев вместе с другими эпитетами. Однако реакция пророков на употребление этого имени была особенно сильной, поскольку существовала опасность смешения этого титула с именем хананейского бога бури, который обычно именовался именно так (см. Ос. 2:16-17). Свидетельств существования имен с элементом ваал в Иудее VIII-VII вв. до Р.Х. до сих пор не найдено. Тот факт, что они были столь распространены в Самарии, свидетельствует о том, что переворот Ииуя не оказал особого влияния на религиозное сознание многих людей, хотя богом народа вновь был назван Яхве¹².

И, наконец, многие документы указывают на то, что Израиль, подобно другим народам, жившим в ту эпоху, имел систему записи чисел, в которой не использовались их названия. Единичная вертикальная черта означала единицу, две вертикали обозначали двойку, вертикальная и находящаяся слева от нее и пересекающая ее вершину горизонтальная черта — пятерку, две наклонных черты, образующих треугольник с незамкнутым основанием, — десятку. Знаки десятки и пятерки, написанные рядом, соответствовали пятнадцати.

В Иудее в начале VIII столетия до Р.Х. царствовал Узия (Uzziah), известный также как Азария (около 783-742 гг. до Р.Х.). Одно из деяний Азарии, которое может быть проверено на археологическом материале, — это то, что он обстроил Елаф и возвратил его

Иудее (4 Цар. 14:22). Города Елаф и Ецион-Гавер, в котором Соломон построил свою знаменитую медеплавильню, — это одно и то же. Вероятнее всего, он был уничтожен после того, как Идумея в 40-е годы IX столетия до Р.Х. добилась независимости от Иудеи. Отец Узии вновь подчинил себе Идумею, а Узия перестроил плавильню. Археолог Нельсон Глюик не только обнаружил развалины города Узии, но и нашел в нем красивую печать в медной оправе с надписью *lytm* (“принадлежащее Иофаму”) над фигуркой рогатого барана. Обладателем печати мог быть сын Узии, который носил такое имя и стал регентом после того, как его отец заболел проказой. В любом случае владелец печати носил иудейское имя. Елаф и Идумея были потеряны Иудеей в начальный период царствования Ахаза, сына Иофамы, то есть около 734 г. до Р.Х. (4 Цар. 16:6).

Падение Израиля.

В 745-744 гг. до Р.Х. после переворота трон в Ниневии занял новый ассирийский царь, это был Тиглатпаласар III (около 745-727 гг. до Р.Х.). В первые годы своего правления он начал в Сирии широкомасштабную военную кампанию, приступив к завоеванию сиро-палестинских прибрежных земель. Вскоре вся северная Сирия уже находилась у него в руках, восточная же ее часть была превращена в ассирийскую провинцию, управлявшуюся ассирийским правителем из Арпада (4 Цар. 18:34; 19:13).

Иеровоам II, последний израильский великий царь, умер незадолго до начала этих событий (около 746 г. до Р.Х.). Начиная с этого времени мы то и дело слышим о гражданских войнах и переворотах, очевидно связанных с ассирийским давлением. Узия все еще оставался царем Иерусалима, хотя он был болен проказой и потому “жил в отдельном доме” (2 Пар. 26:21). В Сирии Тиглатпаласару противостояла коалиция, возглавлявшаяся неким Азрау (*Azriau*) — Азарией из Яуды (*Yauda*) — Иудеи. Идентификация с Узией представлялась столь маловероятной, что многие ученые стали склоняться к мысли о существовании на севере некой Иудеи, которой правил царь, носивший имя еврейского бога Яхве. Однако мы ничего не знаем о существовании такого царства, тем более, что для него нет места среди известных городов-государств Сирии. По этой причине в последнее время вновь стала рассматриваться версия южной Иудеи, которой правил Узия. Это значит, что в 744-742 гг. до Р.Х. Узия, царь иудейский, был одной из наиболее значимых фигур на всем Ближнем Востоке, являясь, помимо прочего, центральной фигурой в оппозиции Ассирии. Он умер около 742 г. до Р.Х. — с этого времени его имя внезапно перестает фигурировать в ассирийских текстах.

Нам известно, что в 738 г. до Р.Х. некто Менаим (Менахем), царь Израиля, платил дань “Фулу” (имя Тиглатпаласара). Получив тысячу талантов серебра, Фул подтвердил его право на царство (4 Цар. 15:19). Один из текстов Тиглатпаласара подтверждает это свидетельство, содержащееся в Библии. Тиглатпаласар “разбил” Менаима, и потому последний вынужден был “спасаться бегством подобно одинокой птице” и поклониться подножием ног его. Ассириец вернул Менаиму его трон и наложил на него дань “золотом, серебром и льняными тканями, украшенными многоцветными узорами...”

Решающим временем оказались 735-732 годы до Р.Х. Ахаз, царь Иудеи, отказался вступать в коалицию с Дамаском и Израилем, направленную против Ассирии; когда же те решили напасть на него, обратился к Тиглатпаласару (Феглаффелассару) за помощью (4 Цар. 16:7). После того как Ахаз послал ассирийцу дорогой “дар,” ассириец напал на Палестину, захватил всю Галилею и пленил многих людей (4 Цар. 15:29), осадил Дамаск и захватил его царя и множество пленников (4 Цар. 16:9). Тиглатпаласар подтверждает эти

сведения и добавляет несколько деталей. Сначала он захватил долину, на которой жили филистимляне (дошедшие до самой Газы), всю землю Нафтали (Галилею) и Трансиорданию, затем разделался с Дамаском. Далее он сообщает о том, что земли, захваченные у Израиля, были объединены с Ассирией, причем наместниками в них он поставил “своих подданных.” Вследствие этого Израиль превратился в небольшую страну в горах к западу от реки Иордан, в то время как Галилея стала одной из провинций Ассирии. Нам известно, что Тиглатпаласар использовал новую политику переселения основного населения с завоеванных территорий в другие земли и заселения их жителями других районов. Это первый известный случай крупномасштабного переселения народов с целью их подчинения. Скорее всего, именно в это время город Мегиддо (слой III) был разрушен Тиглатпаласаром и затем перестроен как административный центр ассирийской провинции Галилея. В новом городе второго слоя старый город времен Соломона уже не просматривается. Основным сооружением теперь становится огромный дворец (на восточном склоне холма), часть которого расположена над древней крепостной стеной. Вероятно, именно здесь находились резиденция нового ассирийского наместника и казармы для воинства, призванного поддерживать должный порядок на вверенных наместнику территориях.

Город Асор в Галилее также был уничтожен в то же время (4 Цар. 15:29); недавняя израильская экспедиция смогла установить местонахождение этой крепости. На кувшине для вина, найденном среди развалин была обнаружена надпись $lprh$ (“принадлежит Факею [Рекah]”). Поскольку именно так звали царя Израиля, правившего в этот период, кувшин, вероятнее всего, принадлежал царскому дому.

Серия поражений привела Израиль к тому, что в 733 г. до Р.Х. Факей был убит заговорщиками и царем стал Осия (4 Цар. 15:30). Тиглатпаласар считал, что вассальные цари могут назначаться только им самим: “Они свергли своего царя Факея, и я поставил царем над ними Осию.” Ахаз, правивший Иудеей, оставался лояльным и послушным вассалом, и Тиглатпаласар, соответственно, помещает его имя в ряду выплачивающих дань царей западных стран. Филистимляне отвоевали у Ахаза ряд приграничных городов (2 Пар. 28:18), Идумея же смогла сохранить свою независимость и уже никогда не подпадала под контроль Иудеи. Плавильня в Елафе сгорела в огне, и на ее месте идумеями был построен новый город.

Осия, последний царь Израиля, стал вассалом преемника Тиглатпаласара Салманасара V (727-722 гг. до Р.Х.). Не получив вовремя дань (4 Цар. 17:3-4), Салманасар напал на Осия в 724 г. до Р.Х., взял его в плен и взял в осаду Самарию. В 722 г. до Р.Х. Салманасар умер, и Саргон II, его преемник, в конце 722 или в начале 721 г. взял город. Саргон неоднократно хвалится своей победой. В одном из соответствующих текстов мы читаем: “Я осадил и взял город Самарию и вывел из нее 27 290 пленников. Я сформировал из них отряд в 50 колесниц [для войска царя] и заставил остальных исполнять те или иные работы. Над ними был поставлен мой подручный, который следил за тем, чтобы они платили ему дань, которая некогда взималась их прежним царем”¹³.

Саргон, кроме того, потребовал себе в жены дочерей царя Иудеи. Останки двух иудейских принцесс были найдены в 1988 г. иракскими археологами в одной из царских гробниц в древнем ассирийском городе Нимруде. Их имена — Ябаа и Аталия — устанавливаются по надписям на нескольких предметах из погребального инвентаря. Имена, несомненно, иудейские, включающие в качестве одного из компонентов имя Яхве; имя Аталия, кроме того, встречается в Ветхом Завете. Аталия носила титул “супруги Саргона, царя Ассирии.” По-видимому обе принцессы были отданы в жены Саргону II (721-705 гг.

до Р.Х.) их отцами, иудейскими царями Осией и Иофамом, правившими в конце VIII в. до Р.Х.

Тьма сгустилась над независимым Израилем. Через короткое время и часть прибрежной Филистимской долины была преобразована в провинцию Ассирии. Лишь Иудея продолжала сохранять некое подобие независимости.

Примечания.

1 Avraham Biran. Sacred Spaces of Standing Stones, High Places and Cult Objects at Tel Dan, BAR, September/October 1998.

2 .Kenneth A. Kitchen. Where Did Solomon's Wealth Go?, Bible and Spade, Autumn 1994, pp. 108-109.

3 Mazar, 1990, pp. 395-396.

4 Представленная здесь хронология Разделенного Царства в основном заимствована у У. Ф. Олбрайта (W. F. Albright, BASOR, No. 100, December 1945, pp. 16-22). Многие из этих дат являются весьма приблизительными.

5 Biblical Researches in Palestine, II (1841), p. 307.

6 Mazar, 1990, p. 406.

7 ANET, p. 320.

8 A. Lemaire. House of David Restored in Moabite Inscription. Biblical Archaeology Review, 1994, 20/3, p. 30-37.

9 ANET, p. 281.

10 Я использую здесь не датировки археологов, но собственную хронологию древностей Самарии. Технические детали см.: G. Ernest Wright, "Israelite Samaria and Iron Age Chronology," BASOR 155 (October 1959), pp. 13-29.

11 ANET, p. 321.

12 В конце 1997 г. был найден острак с загадочной надписью — текстом расписки в получении трех сиклей серебра "домом Яхве" от "Ашьяху царя." Место находки острака неизвестно. Надпись можно датировать, по начертанию букв, в пределах IX-VII вв. до Р.Х. Возможно, ее следует рассматривать как первое внебиблейское упоминание о Храме Соломона. (Hershel Shanks, Three Shekels for the Lord. BAR, November/December 1997). Естественно, что странный острак, неизвестно каким образом попавший на антикварный рынок, был воспринят многими исследователями как очередная подделка. Царя по имени Ашьяху ('syhw) нет в списках царей Израиля и Иудеи, хотя не исключено, что здесь мы имеем дело с вариантом написания (с перестановкой первого и второго слогов) имени Иоаса, правившего в Самарии на рубеже IX-VIII вв. до Р.Х.

7. Последние Дни Иудеи.

После разрушения Самарии в 721 г. до Р.Х. Иудея сохраняла некоторую независимость еще в течение примерно 125 лет. Отдельные находки, сделанные при раскопках Самарии, свидетельствуют о повторном заселении города; часть керамики, которая считается чужеродной, могла быть принесена сюда приведенными сюда ассирийцами переселенцами из других стран Ближнего Востока (4 Цар. 17:24). Царь Езекия (около 715-687 гг. до Р.Х.) тут же принялся за религиозное объединение севера и юга, которое виделось ему основой для политического их объединения (2 Пар. 29-31). Тем самым он вновь подтвердил притязания династии Давида на всю Палестину. Так и не сумев добиться своих политических целей, он стал лидером коалиции небольших государств и, заручившись поддержкой Египта и Вавилона, выступил против Сеннахирима (Синаххериба), ставшего преемником Саргона в 705 г. до Р.Х. (4 Цар. 18-20). Сеннахирим начал ответную кампанию в 701 г. до Р.Х. Он более подробно рассказывает об этих событиях.

Согласно хроникам Сеннахирима, Езекия вмешался в дела филистимлян с тем, чтобы поддержать тамошних мятежников, и даже заточил в Иерусалиме Пади, царя Екронского, “незаконно, словно тот был врагом.” Затем Сеннахирим говорит о “властном и гордом Езекии,” испугавшемся его и призвавшем на помощь эфиопского царя Египта. Последний послал лучников, колесницы и всадников, “бесчисленное воинство,” однако потерпел сокрушительное поражение, после чего Езекия освободил Пади, вернувшегося на трон Екрона. Сеннахирим продолжает¹:

“Что до Езекии, Иудея, то он не подчинился мне. Я осадил 46 сильных его городов, взял множество небольших деревень в их окрестностях и взял их, используя насыпи и стенобитные орудия. Воины устраивали подкопы и вели саперные работы. Я вывел из них 200 150 человек, молодых и старых, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, бесчисленное множество голов крупного и мелкого рогатого скота. Сам [Езекия] стал пленником Иерусалима, его царской резиденции, подобно птице в клетке. Я окружил его город земляными валами, дабы задерживать тех, кто выходит из врат города. Его города, разграбленные мною, были переданы мною Митинти, царю Азота, Пади, царю Екрона, Силлибелу, царю Газы. Так я уменьшил владения его и вместе с тем обложил его большей данью и катгу-дарами. Езекия, потрясенный моим могуществом и собравший для защиты своей резиденции в Иерусалиме свои лучшие части, оставил город и затем прислал в мой град Ниневию вместе с 30 талантами золота и 800 талантами серебра драгоценные камни, сурьму, большие срезы красного камня, шкатулки, инкрустированные слоновой костью, троны-nimedu (инкрустированные) слоновой костью, слоновью кожу, черное дерево, самшит и (разного рода) сокровища, а также (его собственных) дочерей, наложниц и музыкантов — как мужчин, так и женщин. Дабы доставить дань и выразить свое почтение он прислал своего гонца.”

Нельзя не обратить внимание на то, что Сеннахирим не говорит о завоевании Иерусалима или о бессмысленном разорении городов Иудеи. Вероятно, он осадил большое число крепостей, включая Иерусалим, и разграбил завоеванные города, однако, как только Езекия сдался и согласился выплачивать возложенную на него тяжелую дань, он оставил в покое страну и ее воинство. Согласно 4 Цар. 18:14, Езекия сделал это после того, как ассирийцы заняли Лахис, одну из основных крепостей Иудеи.

Предположение, что Синнахериб совершил не один, а два похода на Иудею, выдвигалось еще Дж. Роулинсоном в 1858 г. Этой же точки зрения придерживались У. Ф. Олбрайт и З. Горн². В основе его лежат явные (или кажущиеся) противоречия в тексте Библии: в 14 году правления Езекии ассирийский царь Синнахериб нападает на укрепленные города Иудеи и захватывает их (4 Цар. 8:13). Езекия покоряется и выражает готовность платить дань. Синнахериб требует 300 талантов серебра и 30 талантов золота, и Езекия вынужден пожертвовать сокровищами Храма, чтобы собрать нужную сумму (4 Цар. 18:15-16). Казалось бы, соглашение достигнуто, Синнахериб получил огромную дань, и ему больше нечего делать в покоренной Иудее. Но далее (4 Цар. 18:17) говорится о том, что ассирийский посланник Рабсак с войском появился под стенами Иерусалима и вновь стал обвинять Езекию в измене, в проегипетских симпатиях и т. п. (“Ныне же на кого ты уповаешь, что отложился от меня?”). Езекия удаляется в Храм для молитвы, и тут пророк Исайя предсказывает ему, что Синнахериб не войдет в Иерусалим и что Господь защитит город. Действительно, Господь в одну ночь поражает 185 000 ассирийских воинов и вынуждает Синнахериба отступить (4 Цар. 19:32-34). Он возвращается в Ниневию, где его убивает один из его сыновей — но это происходит в 681 г. до Р.Х., то есть через 20 лет после

кампании 701 г., что также наводит на мысль, что убийство Синнахериба было связано и по времени, и по обстоятельствам с его возвращением из какого-то другого, более позднего похода.

Библейское повествование о капитуляции Езекии в 701 г. до Р.Х. и о выплате им дани Синнахерибу почти во всех деталях подтверждается ассирийскими анналами (увеличена только сумма полученной дани — до 800 талантов серебра). Но сохранившиеся анналы Синнахериба охватывают только события с 705 по 689 гг. до Р.Х., а описания событий с 688 по 681 гг. до Р.Х. почти полностью утрачены. Езекия, согласно библейской хронологии, умер в 687/6 г. до Р.Х., следовательно, второй поход Синнахериба на Иудею мог иметь место только в 688 или 687 г. до Р.Х. В тексте есть и другие косвенные указания на то, что в 4 Цар. 18:17 речь идет о более поздней кампании против Иудеи. Передав Езекии послание Синнахериба, Рабсак возвращается к царю в Ливну, город, расположенный к северу от Лахиса, — очевидно, что Лахис к тому времени уже пал. Одновременно Синнахериб получает известие, что против него выступил, как союзник Езекии, Тиргак (Тахарка), царь Эфиопии (Нубии, в еврейском тексте — царь Куша). Но Тахарка стал царем Нубии не ранее 690 г. до Р.Х., следовательно, и события, о которых идет речь, не могли происходить раньше этого времени.

Сеннахирим был настолько горд своим завоеванием Лахиса, что это событие было запечатлено на барельефе, выставленном в его дворце в Ниневии, где оно и было найдено около века назад. На барельефе показаны разные стадии осады крепости и завоевания города Сеннахиримом. Рядом с царем сделана такая надпись: “Сеннахирим, царь мира, царь земли Ашшура, восседающий на троне-nimedu, пред которым проходят пленники из Лахиса.”

Лахис являлся одним из главных городов Палестины того времени, превосходя своими размерами Иерусалим и Мегиддо. Город находился на Иудейской низменности (Шефела) и являлся главным звеном в шедшей с севера на юг цепи укреплений, возведенных Ровоамом в конце X столетия до Р.Х. (2 Пар. 11:5-10). Он был раскопан в 1932-1938 гг. британской экспедицией, которой руководил Дж. Л. Старки. В конце настоящей главы, когда речь пойдет об окончательном разрушении Иудеи вавилонянами, мы расскажем и о других важных находках, сделанных этой экспедицией. Когда же мы говорим о 701 г. до Р.Х., особое внимание привлекают две вещи.

Первая из них — городские укрепления. Вершина холма окружена кирпичной стеной. Ниже на расстоянии 50 футов от нее проходит насыпь, обложенная кирпичом и камнем. Обе стены видны достаточно ясно. У основания внешнего укрепления в груде обгорелых обломков была найдена бронзовая оправа нашлемника, некогда крепившаяся к верхушке шлема. На найденном в Лахисе барельефе подобными же нашлемниками украшены шлемы ассирийских лучников, однако остается не известным, в какой армии сражался владелец шлема — в армии Сеннахирима или же в армии Навуходоносора, жившего столетием позже.

Вторая находка не менее интересна. На северо-западном склоне холма была найдена большая могильная яма, связанная с пятью другими ямами меньшего размера. Все эти ямы были заполнены костными останками по меньшей мере 150 человеческих тел. Некоторые кости и черепа несут на себе следы огня; совершенно очевидно, что эти останки были перенесены из какого-то другого места и сброшены в этот могильник уже после того, как тела истлели или сгорели. Над костными останками людей в этой и в соседних ямах находится слой костей животных, и прежде всего свиней! Здесь же обнаружено

большое количество осколков керамики, при этом некоторые чаши и блюда относятся к такому типу сосудов, который очень редко встречается в захоронениях и обычен для развалин жилых домов. Иными словами, это захоронение не являлось обычным кладбищем. Старки предположил, что оно появилось в результате очистки города после осады Сеннахирима, и это объяснение представляется весьма правдоподобным. Оно позволяет объяснить характер останков, следы огня на некоторых костях, а также то обстоятельство, что здесь практически нет останков старых людей. Весьма интересным представляется и то, что по меньшей мере на трех черепках видны следы операции, известной как трепанация. Это первые свидетельства такого рода, найденные в Западной Азии, хотя подобные же находки были сделаны впоследствии в могилах, относящихся к середине бронзового века, в Иерихоне. На двух черепках ясно видны следы пилы, посредством которой удалялся фрагмент кости. Из этого следует, что оба пациента умерли или во время операции или вскоре после нее. На третьем же черепе видны явные следы костной мозоли. Эта находка стала совершенно неожиданным свидетельством необычайной развитости медицины во времена пророка Исаии. находка большого количества свиных костей также стала полной неожиданностью, поскольку израильтянам запрещается есть свинину. Данный запрет не распространялся на соседей израильтян, соответственно, мы можем предположить, что свиньи были пригнаны в Лакис ассирийской армией.

В Иерусалиме единственным свидетельством, непосредственно связанным с нашептанием Сеннахирима, является система обеспечения города водой. В 4 Цар. 20:20 говорится о том, что Езекия “сделал пруд и водопровод и провел воду в город.” В 2 Пар. 32:30 сказано, что он “запер верхний проход вод Гиона и провел их вниз к западной стороне града Давидова.” Эти стихи свидетельствуют о том, что, готовясь к осаде (возможно, речь шла о Сеннахириме), царь решил обеспечить Иерусалим собственным, находящимся в городских стенах, источником воды. Он подготовил новый водоем за городскими укреплениями (Ис. 22:9-11) в юго-западной части города. После этого он прорыл под холмом туннель, по которому поступали в бассейн воды Гиона, и, вероятно, постарался скрыть от нападавших сам Гион. В 1880 г. дети обнаружили в туннеле, на расстоянии примерно 25 футов от Силоама, какую-то надпись. Эта Силоамская надпись в течение многих лет считалась наиболее важным письменным памятником в Палестине, и основанием для датировки всех прочих надписей на еврейском языке являлось сравнение формы их букв с буквами этой надписи, которую стали рассматривать в качестве своеобразного эталона. На стене туннеля было подготовлено специальное плоское поле, однако уцелели лишь нижние шесть строк текста. Они могут быть переведены следующим образом:

“[Когда] (туннель) был пройден. Пробит же он был так: пока еще (использовались) топор(ы), и оставалось пройти три локтя, работники [услышали] голоса, доносившиеся с другой стороны, потому что справа и слева камень прилегал по-разному. Когда же туннель был закончен, и проходчики пробили (толщу) камня, они вышли навстречу друг другу лицо к лицу, топор к топору; и вода потекла из источника к водоему на расстояние 1200 локтей, высота же скалы над их головами составляла сто локтей.”

Строительство Силоамского туннеля и второй линии оборонительных стен Иерусалима, к востоку от города, вероятно, были завершены Езекией незадолго до второго похода Синнахериба на Иудею в 688/7 гг. до Р.Х. В 701 г. до Р.Х., за те несколько месяцев, которые прошли между началом кампании и вторжением ассирийцев в Иудею, он просто не мог осуществить столь обширную строительную программу. Откупившись от Синнахериба в 701 г. до Р.Х. чтобы выиграть время, Езекия восстановил старую стену, заложенную

примерно за тысячелетие до его времени³, обеспечил город водой, пробив Силоамский туннель, засыпал источники вокруг города, построил систему башен для защиты источника Гион. Возведенная при нем внешняя стена была недавно открыта и обследована Райхом и Шукроном⁴.

За долиной к востоку от Гиона и холмом, на котором некогда стоял древний Иерусалим, находится скалистый склон. На нем расположилась современная деревня Сильван, или Силоам. На этом склоне до сих пор сохранилось немало древних могил. Французский археолог Клермон-Ганно в конце XIX столетия открыл могилу, которая существенно отличалась от прочих. Она представляла собой выбранную в скале полость с резным фасадом и прямоугольной дверью с вырезанной на ней надписью. Последняя находилась в столь ужасающем состоянии, что исследователь пришел к мысли, что она была намеренно сбита молотком. Эта надпись, “третий по размерам письменный еврейский памятник и первый известный текст надгробия, относящийся к периоду до Плена,” была расшифрована лишь недавно профессором Н. Авигадом из Еврейского университета (Иерусалим)⁵. Он переводит этот текст так:

1. Это [могила ...] уаһу, начальника дворца. Здесь нет ни серебра, ни золота
2. только [его кости] и кости его наложницы. Да будет проклят тот,
3. кто откроет [эту дверь]!

Стиль этой эпитафии тесно связан с финикийской (или хананейской) традицией, детали же, относящиеся к содержимому могил, имеют ряд параллелей в сирийской традиции, где на надгробиях делались подобные же надписи. Осквернение могил было столь распространенным явлением, что одного проклятия оказывалось недостаточно — к нему присовокуплялось извещение о том, что в склепе нет ничего ценного. Впрочем, в данном случае не сработало ни проклятие, ни указанное извещение — могила, судя по всему, была разграблена еще в древности.

Эта эпитафия может датироваться примерно 700 г. до Р.Х., поскольку по манере написания букв она близка к Силоамской надписи. К сожалению, фрагмент панели, на котором было написано имя строителя могилы, утрачено. Мы знаем единственно то, что имя его заканчивалось на уаһу (AV iah) и что он был важным сановником. Здесь невозможно не вспомнить пассаж из Ис. 22:15 (и далее), где Исайя с негодованием пишет о важном придворном сановнике при дворе Езекии, “Севне, начальнике дворца,” высекавшем себе гроб “на возвышенности,” то есть, возможно, на том же месте, где была найдена и вышеописанная могила. Давно известно, что имя Севна (Shebna) является сокращенной формой имени Шевания (Shebanyahu). Гроб, описанный выше, был ископан еще при жизни своего владельца, в противном случае тот не стал бы писать о том, что здесь же покоятся кости его любимой наложницы. Таким образом, дата, место и текст эпитафии позволяют предположить, что эта могила действительно принадлежала Севне.

Среди находок, сделанных в 1975-1995 гг. при раскопках Кетеф Еном, холма у Енномовой долины к юго-западу от Иерусалима, наибольший интерес представляют пещерные склепы, относящиеся к эпохе первого Храма (VII в. до Р.Х.), содержавшие разнообразный погребальный инвентарь. Один из больших склепов, принадлежавший, по-видимому, какой-то зажиточной семье, в котором были захоронены представители нескольких поколений, оказался почти не тронутым. В нем найдено более тысячи предметов: посуда, наконечники стрел, булавки, стеклянные флаконы, украшения, в том числе золотые и се-

ребряные серьги. Среди находок — два небольших серебряных свитка. Первый, 9,7 на 2,7 см, содержит 18 строк надписи на древнееврейском, цитату из книги Чисел, 6:24-26, благославление произносившееся в Храме во время богослужения. Второй свиток содержит тот же текст в несколько сокращенном варианте. Эти находки примерно на 500 лет старше самых древних сохранившихся ветхозаветных текстов из Кумрана.

Иудея в VII Столетьи до Рождества Христова.

Манассия, сын и преемник Езекии (около 687-642 гг. до Р.Х.), попытался превратить религию Яхве в политеистическую религию. Восприняв религиозное почитание планет и звезд, принесенное в Палестину ассирийскими завоевателями, он стал сооружать алтари для языческих богов прямо во дворах “дома” Яхве. Тем самым он пытался представить языческих богов своеобразным небесным воинством Яхве, связанным с ним посредством небесных и земных храмов.

Ассирийскими императорами в правление Манассии были Асархаддон (681-669 гг. до Р.Х.) и Ашшурбанипал (669-633 гг. до Р.Х.). Они завершили завоевание Египта в 70-60-е гг. того же столетия, и падение Фив, одного из главных городов Верхнего Египта в 663 г. до Р.Х., вспоминалось еврейским пророком Наумом много лет спустя (в Наум. 3:8 город назван “Но-Аммоном”). В документах обоих этих царей поминается Манассия. Асархаддон оставил список двенадцати царей, которые правили средиземноморскими землями, поставившими дерево и камень для строительства его дворца в Ниневии. О Манассии здесь говорится как о Манаси (Manasi), царе Яуди (Yaudi). Ашшурбанипал приводит подобный же список царей, назвав их “принадлежащими мне слугами” и добавив, что он заставил их сопровождать его армию в путешествии по их землям и помогать ему войсками и кораблями. И в том и в другом случае Манассия занимает в списке второе место среди царей Сирии и Палестины, следуя за царем Тира.

В недатированном ассирийском тексте, относящемся к концу VIII или к началу VII в. до Р.Х., говорится о дани царств Аммона, Моава, Иудеи и Идумеи, составлявшей десять мин серебра. Эту дань трудно назвать тяжелой, хотя, разумеется, мы не знаем, как часто она выплачивалась. Согласно современным оценкам, месопотамская мина составляла 60 шекелей, в отличие от сиро-палестинской мины, составлявшей 50 шекелей, и весила примерно 685 г. Таким образом, десять месопотамских серебряных мин эквивалентны (в весовом отношении) 255 серебряным долларам США. Разумеется, покупательная сила этой суммы в ту пору была значительно выше, чем сегодня. Скажем, при последней осаде Иерусалима Иеремия купил поле за 17 шекелей (в русской Библии говорится о семи сиклях серебра и десяти сребрениках) серебра (Иер. 32:9), что эквивалентно весу семи серебряных долларов. С другой стороны, лишь часть дани, которой Сеннахирим обложил Езекию, составляла 800 талантов серебра, что эквивалентно 48 000 мин или весу 122 4000 серебряных долларов.

Между 652 и 647 гг. до Р.Х. произошло восстание, направленное против власти ассирийцев. Оно, возможно, было естественной причиной восстания Манассии, описанного в 2 Пар. 33:11, хотя у нас и нет никакой дополнительной информации о нем. Может быть, этой же возможностью воспользовались арабские племена, жившие в Сирийской пустыне и вторгшиеся в восточную Сирию и в Трансиорданию. В летописях Ашшурбанипала отведено достаточно много места борьбе с арабами, с которыми ему пришлось сразиться в Трансиордании. Замечательный плач о Моаве, представленный в Ис. 15-16, возможно, связан с начавшимся в том же столетии нашествием арабов в Трансиорданию.

Самым замечательным иудейским монархом этого столетия был внук Манассии Иосия (примерно 640-609 гг. до Р.Х.). В 2 Пар. 34:3 говорится о том, что в восьмой год своего царствования (633-632 гг. до Р.Х.) царь “начал прибегать к Богу Давида, отца своего.” Он стал низвергать богов ассирийских правителей и выступать против синкретической политики своего деда. Вероятнее всего, это произошло вскоре после смерти Ашшурбанипала.

Еще более радикальные перемены произошли в период беспорядков, последовавших за смертью преемника Ашшурбанипала Ашшурэтеллиани. Во 2 Пар. 34:3-7 говорится о том, что они пришли на двенадцатый год царствования Иосии (629-628 гг. до Р.Х.) и что в ходе этих реформ уничтожались все языческие алтари и идолы не только в Иудее, но и на многих землях Израиля до самой Галилеи. Подобное уничтожение было бы невыносимо без военного контроля над ассирийскими провинциями Самарии и Мегиддо. Иными словами, Иосия, который, возможно, оставался формальным вассалом Ассирии вновь подтвердил древние претензии Давида на всю Палестину, аннексировав северные ассирийские провинции.

В 628-627 гг. до Р.Х., в тринадцатый год царствования Иосии, Иеремия слышит глас Божий и становится пророком (Иер. 1:2). Его ранние пророчества о северной опасности и пророчества его современника Зефании в прошлом интерпретировались многими учеными как великое нашествие орд скифов из Армении и с юга России. Это предположение основывается исключительно на непроверенном утверждении Геродота, греческого историка V в. до Р.Х., о том, что скифы наводнили Переднюю Азию в этот период и владели ею “двадцать восемь лет, оставив после себя руины”⁶. То, что скифы, чьи земли граничили с северными пределами Ассирии, действительно представляли собой серьезную угрозу для ассирийцев, кажется весьма вероятным, однако при реконструкции истории этого времени на основе археологических свидетельств мы вынуждены признать, что у нас нет оснований говорить о скифском владычестве. В любом случае упадок Ассирии и пробуждение надежд Иудеи, связанное с деяниями Иосии, позволяют понять ранние воззвания Иеремии и Зефании, которым крушение мирового порядка представлялось приметой близости Судного Дня.

Находка древней книги Закона (части Второзакония) в Храме в восемнадцатый год царствования Иосии (около 623-622 г. до Р.Х.) повлекла за собой еще более серьезные религиозные реформы, вследствие которых проведение всех религиозных реформ стало ограничиваться пределами иерусалимского Храма (4 Цар. 22-23). Эти реформы, вероятно, являлись свидетельством окончательного разрыва с Ассирией. Мы знаем, что к 623 г. до Р.Х. Ассирия полностью утратила контроль над Вавилоном, и вавилонский царь Набопаласар усилил свои позиции и стал готовиться к нападению на Ассирию.

В 1923 г. С. Дж. Гэдд, работавший в Британском музее, опубликовал часть Вавилонских хроник. В этом документе представлена детальная — год за годом — история падения Ассирийской империи. Кульминацией этих событий стал 612 год до Р.Х., когда столица страны Ниневия пала под ударами мидян и вавилонян. Ассирийский царь вместе со своей армией отступил в северную Месопотамию. В 609 или в 608 г. до Р.Х. они были окончательно разбиты вавилонянами и мидянами в битве при Харане. Из Вавилонских хроник мы узнаем, что египетский фараон Нехо пришел на помощь к ассирийцам (а не “против царя ассирийского,” как сказано в 4 Цар. 23:29). Иосия выступил против него и был убит им в Мегиддо. Нехо стремился к восстановлению власти Египта в Палестине и в Сирии и потому был заинтересован в том, чтобы Ассирия была своеобразным, пусть и

слабым, — буфером между ним и Вавилоном. Иосия был противником Ассирии и должен был понимать, что в случае контроля Нехо над Сирией и Палестиной вновь созданное государство объединенного Израиля не сможет существовать. Единственная его надежда состояла в том, что он сможет задержать силы Нехо, осадившего город, что не позволит тому вовремя прибыть в Харан. Он сумел осуществить свой план, правда, это стоило ему жизни.

Археологическим свидетельством осады Мегиддо, закончившейся гибелью Иосии, является разрушение города, руины которого составляют второй слой данной площадки. После битвы между Нехо и Иосией Мегиддо уже никогда не играл сколько-нибудь значимой роли. В течение двух с половиной столетий он оставался небольшой и, вероятно, лишённой укреплений деревушкой. В IV столетии до Р.Х. это место было окончательно покинуто людьми.

Навуходоносор.

Фараон Нехо сохранял контроль над Сирией и Палестиной до той поры, пока Навуходоносор, царь Вавилонии, не нанес ему сокрушительного поражения в битве при Каркемише (северная Сирия) в 605 г. до Р.Х. В последующие годы вавилонское воинство дошло до границ Египта, положив конец влиянию Нехо на Ближний Восток. Правивший в ту пору Иудеей Иоаким тут же сделался подвластным Навуходоносору, хотя уже через три года и отложился от него (4 Цар. 24:1). Царь же, владевший соседними землями, сдаваться отказался. Об этом мы узнаем из арамейского письма, найденного в египетском местечке Саккара в 1942 г. и опубликованного в 1948 г. Письмо начинается с приветствия, за которым, согласно реконструкции г. Л. Гинзберга⁷, следует такой текст:

“Сие [написано мною моему господину с тем, чтобы известить тебя о том, что воинство] царя Вавилонского дошло до самого Афека и приступило к [...] взятого ими. [...] Ибо Владыке Царств Фараону ведомо, что [твой] слуга [не сможет устоять в одиночку пред царем Вавилона. Пусть же он соблаговолит] послать мне подкрепление, [ибо слуга твой всегда хранил верность своему господину] и помнит твое благорасположение, земли же эти [принадлежат моему господину. Если же ими завладеет царь Вавилона, он поставит] над ними своего наместника и [...]”

Иными словами, армия Навуходоносора дошла до Афека (современный Рас-эль-Айн к северо-востоку от Иоппии). Адон, отправивший это письмо, судя по всему, являлся властителем города, находящегося несколько южнее, вероятно одного из пяти главных городов филистимлян (Газа, Аскалон, Азот, Екрон и Геф). Скорее всего, он правил Аскалоном. То, что Аскалон был взят Навуходоносором, подтверждается словами Иеремии (Иер. 47:5-7), а также тем, что в вавилонских табличках, появившихся десятилетием позже, среди прочих пленников, живущих в Вавилоне, упомянуты два наследных принца Аскалона, а также аскалонские мастера и мореплаватели.

Это письмо представляет особый интерес и по другой причине. Это один из древнейших известных арамейских папирусов и первое свидетельство того, что арамейский язык сменил аккадский в качестве языка международной дипломатии. Нам известно, что арамейский язык являлся официальным языком Персидской империи и что уже в 700 г. до Р.Х. высокопоставленные лица могли говорить по-арамейски (4 Цар. 18:26) и использовать этот язык для делового общения. Тем не менее до находки этого письма никто не мог и предположить, что смена аккадского арамейским в сфере дипломатии могла произойти столь рано.

В 599 г. до Р.Х. Иоаким, царь Иудеи, восстал против Навуходоносора, который сумел отомстить ему уже в следующем году. Не прошло и десяти лет, как Иудея, которой правил Седекия, вновь отложилась от царя Вавилонского. На сей раз (произошло это в 589-587 гг. до Р.Х.) Навуходоносор полностью опустошил страну, после чего в ней практически пресеклись и жизнь, и торговля. Наиболее явственные следы двух нашествий несут на себе руины двух иудейских крепостей, защищавших горную страну. Это Давир и Лахис. В Давире в 598 г. до Р.Х. вавилонская армия, похоже, разрушила как городские ворота, так и крепость, находившуюся в центре, основная же часть города, вероятнее всего, не подвергалась разрушению. Однако при втором вторжении город был уничтожен уже полностью, здания и укрепления сожжены, после чего место это уже никогда не заселялось людьми. То же самое произошло и с Лахисом. В 598 г. до Р.Х. были разрушены городские укрепления, ворота и дворцовая цитадель, а в 589-588 гг. — и весь город. Люди стали вновь селиться на этом месте только полтора столетия спустя.

В уцелевших документах Навуходоносор ничего не говорит об этих событиях. Возможно, причиной этого являлось то, что вавилоняне не имели склонности бахвалиться своими военными победами подобно ассирийцам. Они предпочитали описывать свое служение богам, заключавшееся в строительстве и ремонте храмов и в иной деятельности подобного рода. Помимо Библии, нашим основным источником информации о новой Вавилонской империи являются Вавилонские хроники, официальный документ, в котором год за годом записывались основные события, происходившие в империи. В 1956 г. Д. Дж. Уайзман из Британского Музея объявил об открытии еще четырех табличек Хроник. Они представляют особый интерес постольку, поскольку здесь мы находим первое, помимо библейского, описание захвата Иерусалима Навуходоносором в 598-597 гг. до Р.Х.; вся прочая информация, относящаяся к периоду между 626 и 594 гг., представлена с пробелом в шесть лет.

Особый интерес в этих недавно открытых текстах представляет содержащаяся в них информация о том, что в 605 г. до Р.Х. Навуходоносор не просто победил египтянина Нехо в битве при Каркемише, но буквально уничтожил все войско фараона едва ли не до последнего человека. Тем не менее он не воспользовался своим преимуществом немедленно, поскольку в это время в Вавилоне умер его отец, и он вынужден был вернуться в столицу для коронации. До настоящего времени ничего не было известно и о битве с египтянами в 601 г. до Р.Х., в которой Навуходоносор потерпел поражение. Вероятно, накануне этого сражения царь Аскалона и отправил фараону письмо на арамейском языке, в котором просил его о помощи. Сведения об этом поражении Навуходоносора делают понятной причину того, почему иудейский царь Иоаким так быстро вышел из повиновения. Нам сообщается также, что Навуходоносор в седьмой год своего правления повел свою армию в страну Хатти (Сиро Палестина) и осадил Иерусалим. Он завладел городом во второй день двенадцатого месяца седьмого года (середина марта 597 г. до Р.Х.) и пленил царя. Эти сведения не только подтверждают библейский рассказ, но и позволяют задать более надежное основание для хронологии рассматриваемого периода. В соответствии с ними последняя осада Иерусалима (4 Цар. 25:1-7; ср. Иер. 52:28-29) должна была прийтись на период с декабря-января 589-588 по июль-август 587 г. до Р.Х. Датами двух захватов Иерусалима вавилонянами сегодня считаются 597 и 587 гг. до Р.Х.

В 1939 г. доктор Эрнст Ф. Вайднер, работавший тогда в Берлине, представил несколько из едва ли не трехсот табличек, найденных задолго до этого среди развалин сводчатого сооружения, которое, предположительно, являлось основанием Висячих Садов

Семирамиды (Вавилона). В табличках отражена выдача правительством пайков масла и зерна пленникам и работникам из разных стран, жившим в Вавилоне между 595 и 570 гг. до Р.Х. Среди прочих лиц в этом списке присутствуют Иокин (Yaukin) или Иоаким, царь Иудеи, пять наследных принцев и другие жители Иудеи, здесь же мы видим наследных принцев Аскалона, мореходов, музыкантов, корабельщиков, ремесленников, дрессировщиков лошадей и обезьян из Египта, Финикии, Малой Азии и Ирана. Один из документов, в которых упомянут Иоаким, датирован 592 г. до Р.Х.

Эти записи свидетельствуют о том, что Иоаким содержался как заложник, гарантировавший надлежащее поведение пленных иудеев, то есть считался их подлинным правителем. Его дядя Седекия, которого Навуходоносор посадил на трон в Иерусалиме, считался кем-то вроде регента. Вне всяких сомнений, многие иудеи считали Иоакима своим настоящим царем, который мог в любой момент вернуться на родину (Иер. 28-29). Соответственно, нет ничего удивительного в том, что в родословной Мессии присутствует именно он (Матф. 1:11-12), а не Седекия.

Еще одним подтверждением статуса Иоакима в Вавилоне является открытие в Палестине трех рукояток кувшинов с клеймением “Принадлежит Елиакиму, управляющему Иоакима.” Две рукоятки были найдены в Давире и одна в Вефсамисе. Все клеймения делались одной и той же печатью. Это свидетельствует о том, что между 598 и 587 гг. до Р.Х. лицо, носившее имя Елиаким, исполняло функции управляющего царской собственностью (в то время как сам царь Иоаким находился в плену) и следило за тем, чтобы этой собственностью не завладел Седекия.

Самым значительным единичным открытием, относящимся к последним дням существования Иудеи, стала находка “писем из Лахиса.” Восемнадцать черепков, на которых торопливо набросаны некие записи и списки, были найдены Старки в 1935 г. в обгоревших развалинах караульного помещения, находившемся возле городских ворот. В 1938 г. были найдены еще три черепка: один на дороге и два в помещении возле дворца. Большая часть букв находится в плохом состоянии, разобрать возможно не более трети из них. Олбрайт пишет: “Поскольку эти письма составляют единственный известный нам корпус документов на классическом иврите, они не только проливают определенный свет на время Иеремии, но и обладают необычайной филологической значимостью”⁸.

Большую часть этих текстов составляют письма, написанные неким Ошаией Яошу, командиру иудейского войска в Лахисе. Ошаия, судя по всему, командовал отрядом, стоявшим к северу от Лахиса, откуда можно было увидеть сигналы, подающиеся из Азеки, города, охранявшего долину Эла в Шефела. В Письме IV он пишет: “Так пусть же (мой господин) знает, что мы ждем сигналов из Лахиса, согласно разъяснениям, данным моим господином, ибо мы не можем увидеть Азеку.” В Иер. 34:7 говорится о том, что Лахис и Азека оставались единственными укрепленными городами Иудеи, которые не были взяты неприятелем. Слова Ошаии о том, что его люди не могут увидеть Азеку, возможно, свидетельствуют о том, что город был уже взят и потому не подавал сигналов. Судя по буквам, письмо могло быть написано осенью 589 (или 588) года до Р.Х. В Письме XX имеются слова “в девятый год” (правления царя Седекии). Именно в этом году Навуходоносор приступил к захвату Иудеи (4 Цар. 25:1).

Одной из причин того, что Иудея решила выступить против Навуходоносора, стала обещанная ей Египтом поддержка. Возможно, об этой египетской помощи и говорит Ошаия в Письме III: “И твоему слуге было доложено следующее: “Командир войска Кониа, сын Элнафана, прибыл с тем, чтобы отправиться в Египет; он послал Одавии, сыну

Ахиджы, дабы он получил от него...” Ошаия продолжает: “Что касается письма Товии, слуги царя, который явился к Шаллуму, сыну Яддуи, через пророка со словами “Берегись!,” то твой слуга послал его моему господину.” Разумеется, мы ничего не знаем о пророке, выступавшем в роли носителя письма, однако из документов явствует, что важные послания имели достаточно широкое хождение, и в этом смысле представляется особенно интересным детальное объяснение Ошаией того, как он получил письмо, которое намеревался переслать дальше. В Письме XVI вновь говорится о “пророке,” однако сохранилось лишь окончание его имени *ahu* (AV *iah*). Его принято отождествлять с Урией (Иер. 26:20) или с Иеремией, однако следует помнить о том, что подобное же окончание наверняка имели и имена многих других пророков.

В Письме VI некие князья обвиняются в “ослаблении” рук воинов и всего народа, слово в слово повторяя обвинения, выдвинутые теми же князьями против Иеремии (Иер. 38:4): “Моему господину Яошу: Да ниспошлет же Яхве доброе здравие моему господину на это время. Кто твой слуга, (как не) пес, посланный господином с письмом царя и письмами князей со словами: “Молю тебя, прочти их!” Знай, слова князей исполнены отнюдь не добра, ибо ослабляют наши руки и [замедляют] руки тех, кто наслышан о них [... Теперь же], мой господин, вы можете обратиться с ними со словами: “Как вы [посмели] говорить подобное в [самом] Иерусалиме? Делающие так, берегитесь царя и дома его!” [И], пока жив Яхве, твой Бог, не будет знать покоя [твой] слуга, прочитавший сии письма...” В Иерусалиме не сохранилось каких-либо археологических свидетельств разрушений, произведенных вавилонянами. Тем не менее мы можем не сомневаться в том, что разорение было ничуть не меньшим, чем об этом говорится в книге Плач Иеремии. О жестокости нападавших свидетельствуют не только материалы раскопок Лахиса, Давира и Вефсамиса, но и то обстоятельство, что многие города опустели именно в это время, причем многие из них уже никогда не заселялись людьми. Что до страны, то она вновь наполнилась людьми и достигла относительного процветания только через два столетия.

Примечания.

1 ANET, p. 288.

2 Siegfried H. Horn. Did Sennacherib Campaign Once or Twice Against Hezekiah? Andrews University Seminary Studies, 4, 1966, pp. 1-28; см также William H. Shea. Sennacherib's Second Palestinian Campaign. Journal of Biblical Literature, 104, 1985, pp. 401-418.

3 Kathleen M. Kenyon, Royal Cities of the Old Testament. New York: Schocken Books, 1971, pp. 24-32; Hershel Shanks. The City of David After Five Years of Digging. BAR, November/December 1985, pp. 22-38.

4 Ronny Reich, Eli Shukron. Light at the End of the Tunnel. BAR, January/February 1999.

5 Israel Exploration Journal, III (1953), pp. 137-152.

6 Геродот, I, 104-106.

7 BASOR, No. 111 (1948), pp. 24-27.

8 ANET, p. 322. Перевод, приводимый ниже, также взят из этого источника.

8. После Изгнания.

Археологические свидетельства о жизни еврейского сообщества, постепенно складывавшегося в VI и в последующих веках, менее многочисленны. Соответственно, в этой главе мы представим не только основные открытия, имеющие отношение к этому периоду исто-

рии, но и дадим краткий обзор ряда предметов, которые проливают свет на религиозную литературу, принявшую в этот период свой окончательный вид.

Палестинское Общество в VI-IV вв. до Р.Х.

Навуходоносор нанес Иудее такой урон, что страна стала вновь заселяться лишь много лет спустя. На деле процесс обретения страной своего прежнего благосостояния был крайне медленным и растянулся на целых три столетия, причем новое иудейское государство с центром в Иерусалиме занимало лишь сравнительно небольшую часть прежнего.

В четырех городах к северу от Иерусалима найдены свидетельства продолжающейся оккупации страны в VI столетии до Р.Х. Эти данные соответствуют выводам, к которым можно прийти на основании содержащихся в Четвертой книге Царств свидетельств о том, что Навуходоносора интересовали прежде всего Иудея и Иерусалим, но никак не пустынные земли, лежавшие к северу от них. Это города Тель-эн-Насва (Tell en-Nasbeh — Мицфа?), Вефиль, Самария и Мегиддо. Сделанные в них находки, относящиеся к рассматриваемому периоду, не представляют особого интереса и не свидетельствуют о наличии в них сколько-нибудь развитой экономики.

Расположенное в 12 км к северо-западу от Иерусалима на невысоком плато, городище Телль эль-Насва отождествляется с библейским Мицфе колена Вениаминова (Нав. 18:26). Отождествляли его также с Беерофом и Гаваоном. Последние, однако, в отличие от Телль эль-Насва, были населены в эпоху поздней бронзы. На Телль эль-Насва жизнь прекратилась в конце эпохи ранней бронзы, возобновилась же она только полторы тысячи лет спустя, в начале раннего железного века (в XII в. до Р.Х.).

Часть самарийского холма, похоже, была сознательно покрыта слоем почвы, принесенной сюда с соседних склонов с тем, чтобы разбить здесь сад или виноградник. Вефиль был разрушен и покинут жителями где-то около 500 г. до Р.Х., однако мы не знаем, кто именно разрушил этот город. Впоследствии, в период римского владычества, Вефиль был отстроен вновь. Тель-эн-Насва и Мегиддо были разрушены и оставлены людьми уже в IV в. до Р.Х. Самария, возможно, представляет собой единственное из всех исследованных археологами мест, в котором люди продолжали жить как после падения Иерусалима, так и в межзаветный¹ и в новозаветный период.

Самаритяне — жители северной части Палестины, родственные евреям по языку и культуре. Их религия — одно из ответвлений раннего иудаизма. Иосиф Флавий писал, что самаритяне произошли от смешения евреев, живших в разгромленном в 721 г. до Р.Х. ассирийцами Северном царстве, с переселенцами, перемещенными туда из других частей ассирийского государства, в том числе из южной Месопотамии. С древнейших времен самаритяне считали своей главной святыней гору Гаризим рядом с древним Сихемом, а не Иерусалим, центр иудейского культа; себя же они называли израильтянами, не признавая таковыми соседей-иудеев. Иосиф Флавий сообщает, что в конце IV в. до Р.Х. самаритяне построили на горе Гаризим храм, который впоследствии был разрушен иудейским царем Иоанном Гирканом (134-104 гг. до Р.Х.). Это окончательно отделило самаритян от иудеев и их культа. Самаритяне почитали Тору — их версия несколько отличалась от иудейской, в частности тем, что в ней особое внимание уделялось почитанию горы Гаризим; их первосвященники ежегодно совершали пасхальное жертвоприношение на этой горе в соответствии с инструкциями, данными в книге Исхода. Одной из наиболее почитаемых сама-

ритянских святынь был список Торы, сделанный, по преданию, правнуком Аарона через 13 лет после прихода евреев в Землю Обетованную.

В Средние века самаритяне подвергались преследованиям, сперва со стороны христиан, затем — мусульман. В настоящее время их осталось не более нескольких сотен. Их древние книги в основном утрачены, и представления об их верованиях и культовой практике можно составить только по тому, что писали об этом ранние отцы Церкви или по археологическим находкам.

Древнейшая самаритянская синагога (рубеж III-II вв. до Р.Х.) найдена не в Палестине, а на о. Делосе². В Палестине они существовали не только в Самарии, но и за ее пределами — например, синагога III в. до Р.Х. в Шаалвиме, к северо-западу от Иерусалима. Синагоги в Самарии стали изучать только с 1990 г. Наиболее известная из них — Эль-Кирбе (IV в. до Р.Х.) рядом с древней столицей Самарии. Архитектура и мозаичные украшения иудейских и самаритянских синагог первых веков от Рождества Христова очень похожи. Основное различие в том, что самаритянские синагоги обращены фасадом к горе Гаризим, в то время как иудейские — к Иерусалиму.

Нет ничего удивительного в том, что наши познания о периоде после Плена и о межзаветном периоде носят фрагментарный характер. Сам этот факт является красноречивым свидетельством того, сколь трудной и бедной была жизнь крайне малочисленного населения страны в этот период.

Новое иудейское сообщество, сложившееся в VI-V вв. до Р.Х., жило на небольшой территории, которая простиралась с севера на юг вдоль хребта менее чем на 25 миль — от местечка несколькими милями севернее Иерусалима до Беф-Цура, находившегося к северу от Хеврона. Население страны в 440 г. до Р.Х. составляло менее 50 000 (Неем. 7:66 и далее), окружали же ее враждебные ей соседи. Своим возникновением она была обязана тому обстоятельству, что персидский царь Кир стал проводить по отношению к поработленным народам совершенно новую политику. В документе, который должен был писаться в Вавилоне после его захвата в 539 г. до Р.Х., Кир описывает как взятие города, так и свои последующие деяния. Он заявляет, что Мардук, повелитель богов Вавилона, разгневался на царя страны Набонида за его злочестие. Последний величается “слабым” человеком, дерзнувшим вмешаться в дела жрецов, читать неустановленные молитвы, нарушить ход сакральных церемоний и забыть о почитании Мардука. Этот бог стал искать по миру “праведного правителя” и, остановив свой выбор на Кире, объявил его правителем мира. Благодаря этому Кир вошел в Вавилон без боя, избавив город от ужасов войны, и тут же решил облегчить народные страдания. Он прибег к политике, обратной политике своих ассирийских и вавилонских предшественников, заключавшейся в депортации народов с их исторической родины. Он обещался “вернуть им [их] родину,” восстановить их святилища и возвратить их некогда поверженных идолов.

Эти сведения позволяют нам лучше узнать обстоятельства возвращения иудеев из Вавилонского плена. Ездра (1 Езд. 1:2-4 и 6:3-5) дважды сообщает об указе Кира, разрешающем возвращение евреев на свою родину и восстановление Храма в Иерусалиме. Второй (арамейский) вариант обычно рассматривается более достоверным, чем первый (еврейский); впрочем, некоторые исследователи подвергают сомнению подлинность обоих отрывков. Недавно два документа были подвергнуты тщательному изучению в свете наших сегодняшних познаний о том, какими были в древнем мире — и, прежде всего, в Персидской империи — царские указы. Исследования эти показали, что у нас нет оснований сомневаться в их аутентичности. Второй фрагмент прямо назван словом *dikrona*, кото-

рое принято в арамейском языке как официальный термин для обозначения меморандума, фиксирующего устный приказ царя или иного официального лица, требующий выполнения. Такие указы должны были читаться единственно ответственными за их выполнение чиновниками, после чего передавались в правительственные архивы. Согласно Езр. 6, указ был обнаружен в Экбатанах, во дворце, который Кир занимал в первое лето своего царствования (538 г. до Р.Х.) и который впоследствии стал зданием правительственного архива. Еврейский документ (Езр. 1:2-4) носит совершенно иной характер. Это царское воззвание, которое должно зачитываться перед иудеями, живущими во всех концах империи. Если официальные письма и документы составлялись преимущественно на арамейском, то устное воззвание с необходимостью должно было составляться на языке того народа, к которому оно было обращено.

Некоторые исследователи ставили под сомнение подлинность этого текста на том основании, что Кир вряд ли стал бы обращаться к евреям как человек, поклоняющийся Богу Израиля: “Все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме.” Тем не менее он всегда прибегал именно к такой тактике. Мы уже отмечали, что в вавилонском тексте царь говорит о Мардуке примерно так же, как в этом указе он говорит о Яхве.

В VI столетии до Р.Х. политическими лидерами новой Иудеи были потомки дома Давидова, и многие евреи мечтали о восстановлении государства, которым правила бы династия Давида. Однако этим надеждам так и не суждено было сбыться: хотя внутренние дела провинции Иудеи решались первосвященником, всеми вопросами ее внешней политики ведал правитель, назначавшийся персидским двором. Самым известным из этих правителей был Неемия, иудейский мирянин³, ставший сановником при дворе Артаксеркса I (465-424 гг. до Р.Х.) и исполнявший свои обязанности в Иерусалиме в третьей четверти V столетия до Р.Х. С этого времени и по IV век провинция имела статус полуавтономного теократического государства, подобного Иераполису в северной Сирии, имевшего право собирать налоги и чеканить собственные монеты.

Четыре группы клейм рукояток кувшинов V-IV вв. до Р.Х. с надписями “Иудея,” “Иерусалим” и msh (Mozah?) свидетельствуют об автономии в решении фискальных вопросов и о стремлении провинции и ее столицы к упорядочиванию деловой жизни и сбора налогов. Именно с этой целью некоторые гончары клеймили кувшины, имевшие заданную емкость. Во второй половине V и в IV столетии до Р.Х. в Иудее появились монеты с еврейскими буквами. На некоторых из них мы читаем название провинции: Yehud. Существование подобных монет свидетельствует о том, что провинция Иудея пользовалась достаточно широкой автономией, включавшей право чеканить собственные монеты.

Изгнанники в Месопотамии и в Египте.

Пророк Иезекииль во время Вавилонского плена жил в городе Тель-Авив (Tel-abib) на реке Ховар или в его окрестностях. Эта река, называвшаяся вавилонянами Кавар, на деле являлась не чем иным, как одним из основных ирригационных каналов. Мы не знаем, где именно находился этот город, название же его явно восходит к вавилонскому til-abubu, или “Курган Потопа.” В то время многим городам давались названия, начинавшиеся с til (еврейское tel), поскольку тогда стали вновь заселяться старые, давно покинутые курганы и холмы.

Одним из вавилонских городов, в котором, судя по материалам раскопок, существовала еврейская колония, был Ниппур (Nippur), находившийся к юго-востоку от Вави-

лона. Здесь ученым удалось обнаружить архивы крупной вавилонской фирмы банкиров и брокеров V в. до Р.Х. Большое количество еврейских имен свидетельствует о том, что многие выходцы из Иудеи поселились именно в этом районе; в то время как часть евреев, вернувшихся из плена, пыталась заново отстроить Иерусалим, другие евреи, оставшиеся в Вавилонии, процветали. Множество чаш с еврейскими письменами свидетельствует о том, что еврейская колония существовала в Ниппуре в течение нескольких столетий.

Свидетельством наличия еврейских поселений в Египте являются Элефантинские папирусы, обнаруженные на одном из островов Нила. В V столетии до Р.Х. на Элефантине, который в ту пору был крепостью и носил название Йев, находилась еврейская колония, построившая там храм, и стоял еврейский гарнизон. Мы знаем из недавно опубликованных писем⁴, что персидский сатрап и правитель Египта Аршам (Арсамес) уезжал из Египта в Вавилон и в Сузы в 410-408 гг. до Р.Х. и что в этот период в Египте происходили какие-то беспорядки. Один из Элефантинских папирусов является копией письма, отправленного священниками еврейского храма в Йеве некому Багою, правителю Иудеи. В письме они оповещают его о разрушении храма и просят о помощи в его восстановлении. Письмо написано в 407 г. до Р.Х., в нем говорится о том, что в июле 410 г. до Р.Х., когда Арсамес покинул Египет, священники местного египетского храма сговорились с “негодяем” по имени Видаранаг, решив разрушить и сжечь соперничавший с ними еврейский храм. Это было достаточно старое и почитаемое здание, построенное “еще во дни царства Египетского,” до того как сын Кира Камбиз завоевал страну, то есть еще до 525 г. до Р.Х. Еврейские священники сетуют и на то, что их письмо к первосвященнику Иерусалимского храма Иоханану (Неем. 12:22-23) осталось без ответа. Подобные же письма были посланы ими Делаии и Шелемии, сыновьям Санабаллата, правителя Самарии.

Недатированный меморандум свидетельствует о том, что отправители письма получили ответы и от Делаии, и от Багоя, советовавших направить данную петицию непосредственно Арсамесу. Копия этой петиции была получена обратно и подписана пятью евреями, заявившими, что они являются владельцами всей собственности, находящейся в крепости. Здесь же говорится о том, что приношение в жертву животных не будет совершаться до той поры, пока не будет получено разрешение на восстановление храма, производиться же будет лишь “воскурение благовоний и жертвенное приношение еды и [питья]”⁵. Нам не известно, почему еврейское сообщество Элефантины стало настаивать на невозможности приношения животных жертв в отсутствие храма. Возможно, евреям рекомендовали включить этот пункт с тем, чтобы не вызывать недовольства у Иерусалима и у советника по делам евреев при дворе Арсамеса. Так называемый “Пасхальный папирус” (“Passover Papyrus”), написанный несколько ранее, в 419 г. до Р.Х., является посланием именно такого советника, направленным еврейской общине. Арсамес приказывает, чтобы при праздновании Пасхи в Йеве соблюдались определенные условия. Эти условия удовлетворяют требованиям закона, заданного в Пятикнижии, из чего можно заключить, что приказ Арсамеса являлся попыткой обеспечения единообразия еврейских религиозных обрядов, на котором настаивало иерусалимское священство. Как бы то ни было, из документов, хранящихся ныне в Бруклинском Музее⁶, явствует, что храм действительно был восстановлен, то есть компромисс, на который пошла еврейская община Элефантины, оказался оправданным.

Сам факт, что в Египте существовал еврейский храм, свидетельствует о наличии еврейских культов, которые, вне всяких сомнений, рассматривались иерусалимскими священниками как еретические. После реформы царя Иосии, проведенной в 622 г. до Р.Х., за-

конное совершение животной жертвы могло происходить только на алтаре Иерусалимского храма. Еще одно свидетельство еретического характера мы находим в другом папирусе, где представлен список жертвователей храму и приносимых ими пожертвований. В итоговом расчете одна часть пожертвований отходит Яху (Yahu — так называли Бога Израиля местные евреи), другая — божеству с именем Ишумвешел (Ishumbethel), третья — божеству, носящему имя Анатвешел (Anathbethel)⁷. Второе из этих имен переводится как “имя дома Бога.” Третье же имя либо соотносится с хананейской богиней плодородия Анат (Anath), либо переводится как “знак дома Бога.” В другом документе упоминается имя Anath-Yahu. Соответственно, мы вправе предположить, что bethel здесь используется как божественное именование, эквивалентное Yahu. Существует еще один документ, в котором говорится уже о Herembethel, что можно перевести как “святость дома Бога.”

Возможная интерпретация этих божественных имен вызвала немало споров среди ученых. Одна точка зрения состоит в том, что, хотя евреи Элефантины почитали Яху как своего национального бога, они под влиянием соседей стали поклоняться также хананейским и арамейским божествам. Впрочем, представляется куда более вероятным, что эти евреи персонифицировали отдельные качества или аспекты Яхве. Подобная практика была присуща в определенный период и языческим верованиям — особенно в тех случаях, когда речь шла о Слове, исходящем из уст божества. Так или иначе, евреи Элефантины создали под влиянием язычества весьма спорный тип еврейской веры.

Мы уже говорили о том, что в 410 г. до Р.Х., когда был разрушен египетский храм, иерусалимским первосвященником был Иоханан. Неемия же вернулся в Иерусалим около 445 г. до Р.Х., когда первосвященником был Елияшив (Неем. 3:1). Его преемниками были Иоиада, Иоханан и Иаддуя (Неем. 12:22). Когда Ездра вернулся в Иерусалим, он отправился в жилище Иоханана (или Иехоханана), чтобы объявить о сборе всех евреев на общее провинциальное собрание (1 Езд. 10:6-8). Многие исследователи считают, что Иоханан в ту пору был первосвященником, поскольку лишь от первосвященника могла исходить подобная директива. Тем не менее, как мы видели, Иоханан появился после Неемии, и, если бы Иоханан в Езд. 10:6-8 был первосвященником, Ездра был бы последователем, а не предшественником Неемии, как о том повествует летописец. Соответственно (здесь учитывается и ряд иных соображений), большинство ученых склоняется к мысли, что Ездра действительно пришел в Иерусалим в 7 году правления царя Артаксеркса (1 Езд. 7:7), но не Первого (458 г. до Р.Х.), а Второго (389 г. до Р.Х.), или, во всяком случае, после 432 г. до Р.Х., то есть в конце правления Артаксеркса I.

Эти документы позволили куда лучше узнать арамейский язык V столетия до Р.Х., официальный язык Персидской империи, на котором тогда говорило большинство жителей Вавилона и Египта. До того как они были открыты, арамейские фрагменты книги Ездры (1 Езд. 4:8-6:18; 7:12-26), в которые входили переложения, передававшие смысл официальных документов персидских властей, не могли получить должной оценки, поскольку не подкреплялись иными, современными им свидетельствами. Теперь же нам известно, что арамейский язык Ездры полностью совпадает с арамейским языком того времени, правительственные же документы имеют ряд особенностей, которые обычно ассоциируются именно с персидским режимом.

Палестина в Эллинистическую Эпоху.

Персидская империя была завоевана Александром Великим в 333-331 гг. до Р.Х., однако смерть правителя в 323 г. до Р.Х. так и не позволила осуществиться его мечтам об

объединении востока и запада в единое братство, основой которого должна была стать греческая культура. Империя была поделена на части его полководцами, Палестина же стала пограничным государством между Сирией, которой правила династия Селевкидов, и Египтом Птолемеев. На протяжении всего III столетия (до 198 г. до Р.Х.) она находилась под контролем Египта. Затем страна была захвачена Селевкидами, которые пытались объединить ее с Сирией, насаждая в ней эллинистическую культуру со смешанной греко-сирийской религией и греческими языком, литературой, спортом и платьем. Эти тенденции достигли пика в правление Антиоха VI, или Епифана (175-163 гг. до Р.Х.), попытавшегося уничтожить иудаизм и превратить Храм в место почитания языческого Зевса. Это привело к еврейскому восстанию Маккавеев — и II столетие до Р.Х. обратилось в сплошную кровавую бойню. Период еврейской независимости закончился в 63 г. до Р.Х., когда римлянам удалось взять страну под свой контроль.

Основной археологический материал, относящийся к этому периоду, по большей части был получен в четырех городах. Первый из них, Мариса — ветхозаветная Мареша, современная Тель-Сандахана, — занял место Лахиса как главного города Идумеи и стал наглядным свидетельством процесса эллинизации. Подобно греческим городам, Мариса была хорошо спланирована, улицы пересекались под прямыми углами, образуя регулярные кварталы; прямоугольная рыночная площадь, или агора, находившаяся возле городских ворот, была открыта с одной стороны и аккуратно застроена по трем сторонам торговыми лавками.

Вторым по значимости городом в этот период являлся Беф-Цур, находившийся к северу от Хеврона, где во время маккавейских войн II столетия до Р.Х. разыгралось несколько сражений. Крепость была построена там, по всей видимости, в персидский период, когда отношения между Иудеей и Идумеей стали достаточно напряженными. Она была перестроена в гораздо более сложное сооружение Иудой Маккавеем между 165 и 163 гг. до Р.Х., став аванпостом еврейского сопротивления сирийцам. Тем не менее она была захвачена и, вероятно, разрушена и перестроена по греческому плану языческим полководцем Вакхидом в 161 г. до Р.Х.

Начиная с III столетия до Р.Х. Самария становится чисто языческим городом с преимущественно иностранным населением. Примерно во времена Александра Великого древние израильские укрепления были подправлены и усилены, при этом к ним было добавлено несколько красивых круглых башен. Около 150 г. до Р.Х. вокруг вершины холма была возведена новая стена, которая, судя по всему, призвана была защитить город от Маккавеев. Были найдены также развалины небольшого храма, датированного ориентировочно III столетием до Р.Х. и разрушенного, скорее всего, около 108 г. до Р.Х. Иоанном Гирканом, захватившим и уничтожившим главный город самарян Сихем.

И, наконец, крупный город Газер, находившийся в предгорьях к юго-востоку от Иоппии, был укреплен Маккавеями около 140 г. до Р.Х. Судя по всему, в этот период в городе жило много евреев; на скалах вокруг города была отмечена еврейскими и арамейскими письменами легендарная “Граница Газера,” которой, вероятно, помечалась предельно допустимая протяженность субботнего перехода.

Культурные перемены, происшедшие после разрушения Иерусалима, были столь значительными, что о том времени, когда Израиль контролировал всю страну, уже практически ничто не напоминало. Претерпели существенные изменения и обычные предметы, такие, как лампы, посуда и украшения. Архитектура стремительно эллинизируется, страна наполняется иностранцами, некоторые из них становятся знаменитыми философами и

учеными. Раскол произошел и в еврейском сообществе — многие евреи нисколько не симпатизировали Маккавеям. Рассеяние евреев по миру продолжалось. В III--II вв. до Р.Х. в Александрии, тогдашнем интеллектуальном центре мира, был выполнен перевод еврейской Библии на греческий язык (Септуагинта). Палестина стала своеобразным местом между Азией и Египтом и, тем самым, местом скрещения всех дорог тогдашнего мира, о чем наглядно свидетельствуют археологические находки.

Ветхий Завет.

В рассматриваемый в данной главе период истории книги Ветхого Завета практически приняли такой вид, какой они имеют и сегодня. Возникла и идея канона священных книг, хотя его точные границы еще не были определены. Считается, что Пятикнижие было завершено при жизни Ездры; работы Летописца начала IV столетия до Р.Х. завершили историческую часть Писания. К IV столетию практически приняли свой окончательный вид канон пророков, а также книги Притч, Иова и Псалтирь. Ко времени Александра Великого мы можем отнести только книги Екклесиаста и Есфири, а также Песнь Песней и книгу пророка Даниила.

Вклад археологии в изучение литературы Ветхого Завета был трояким. (1) Археологические изыскания позволили обнаружить некие литературные параллели и задать исторический фон эпохи. (2) Ученые нашли в ходе раскопок разного рода письменные памятники, по которым мы можем восстановить историю еврейского языка и письменности. (3) Археологам удалось обнаружить древние библейские манускрипты, революционизировавшие библеистику.

Языческие народы этого периода не создали литературы, которую можно было бы хотя бы в малой степени уподобить историческим и пророческим писаниям Ветхого Завета. С другой стороны, исследование древней поэзии, особенно хананейских табличек из Рас-Шамры, внесло неоценимый вклад в изучение еврейских поэтических форм, словаря и аллюзий. Материалы этого исследования, рассматриваемые совместно со свидетельствами иного рода, способствовали исчезновению тенденции, которая некогда была характерной для ряда ученых, датировать большинство псалмов периодом после Плена или даже периодом Маккавеев.

Книга Притч обладает куда большей близостью к языческой литературе, чем любая другая книга Ветхого Завета. Гномическая литература является одной из самых распространенных и древних литературных форм. Нам давно известны египетские гномические произведения, которые порой оказываются весьма близкими к материалу книги Притч. Так, существует давнее предположение о связи между египетской мудростью Амен-емопета и Притч. 22: 17-24:22, хотя степень этой зависимости с трудом поддается определению.

Книга Иова не имеет сколько-нибудь близких параллелей ни по форме, ни по стилю, ни по своей глубине. Тем не менее ее тема, то есть тема страдающего праведника, является весьма древней. Нам известно несколько месопотамских произведений, посвященных этой проблеме, самым знаменитым из которых является *Ludlul bel Nemeqi* (“Восславлю владыку мудрости”). Недавно в архивах Ниппура был обнаружен еще более древний шумерский текст, посвященный той же теме, правда, он страдает отрывочностью и не опубликован поныне.

Книга Екклесиаста, судя по языку и содержанию, может датироваться III столетием до Р.Х., однако до сих пор не удалось найти ей какие-то реальные археологические парал-

лели. Нам известны исполненные скепсиса более ранние египетские и месопотамские поэмы, однако на дух Екклесиаста могла повлиять и греческая атмосфера, которой в определенный период был проникнута интеллектуальная жизнь Ближнего Востока.

Песнь Песней является собранием любовной лирики, составленным, возможно, в персидский период, о чем может свидетельствовать наличие в этой книге персидских слов. Однако сами песни имеют намного больший возраст и, вполне вероятно, восходят к египетской и хананейской поэзии. Ближайшие параллели мы находим в Египте 1300-1000 гг. до Р.Х. Здесь, так же, как и в библейской книге, песни попеременно звучат из уст влюбленного и возлюбленной, называющих друг друга “братом” и “сестрой.” Тем не менее географические аллюзии в Песнях свидетельствуют о том, что их авторами были израильтяне. Археологические открытия, сделанные в Египте, всего лишь засвидетельствовали существование там такого же литературного жанра, к которому относится и книга, написанная израильтянами.

Если цель и время написания книги пророка Даниила давно известны, то дата и исходный тип книги Есфири так и не получили каких-либо археологических подтверждений. Книга эта напоминает апокрифические книги Товита и Иудифи, датируемые 3м и 2м вв. до Р.Х., хотя она могла быть написана и несколько ранее, скажем, где-то около 300 г. до Р.Х.

Обсуждение роли археологии при реконструкции истории еврейского языка и письменности мы полностью опускаем, в силу специфичности этой темы. До 1925 г. лицам, изучавшим еврейский, обычно читался курс арабского, как самого значимого родственного языка. Знание арабского языка и поныне считается важным для лучшего усвоения словарных единиц и глагольной системы, однако сегодня студентам читается гораздо более серьезный курс северо-центральных семитских языков, поскольку ученым удалось реконструировать ранние стадии еврейского языка по древним источникам. Это стало возможным благодаря исследованию еврейских, арамейских и финикийских текстов и, особенно, благодаря исследованию угаритского языка, на котором написаны хананейские религиозные тексты, найденные в Рас-Шамра. Эволюцию еврейской письменности теперь можно отследить начиная с 1500 г. до Р.Х. и по сей день. Соответственно, специалист может датировать документы на основе особенностей их написания.

Открытие Ветхозаветных Манускриптов.

Еврейские рукописи Ветхого Завета, используемые большинством современных ученых, написаны не ранее X в. от Р.Х. Два неполных текста еврейской Библии, датируемых IX в., хранятся в Лондоне и в Каире. Самая древняя рукопись находится во владении самаритянской секты в Наблусе (Палестина) и датируется 655-656 гг. До 1947 г. названные тексты были древнейшими известными рукописями еврейского Ветхого Завета, за исключением Nash Papyrus. Последний документ, умещающийся на одном листе и датируемый I в. до Р.Х., был найден в Египте. Этот документ, использовавшийся при обучении или при проведении религиозных церемоний, содержит текст Десяти Заповедей и Shema (Втор. 6:4-5).

Поскольку средневековые еврейские рукописи представляют только одну традицию прочтения текста, текстуальный анализ Ветхого Завета можно было производить только при использовании переводов, в особенности Септуагинты. Codex Vaticanus и Codex Sinaiticus (IV в. от Р.Х.) существенно старше существующих еврейских манускриптов. Среди библейских папирусов, найденных в Египте, имеются и отдельные части Вет-

хого Завета на греческом языке, написанные во II-III вв. Были опубликованы и небольшие фрагменты Второзакония на греческом языке, датируемые примерно 100 г. до Р.Х.

Тем не менее возможность использования этих версий для исправления еврейского текста представлялась сомнительной, поскольку разночтения могли быть обусловлены как текстуальными отличиями, так и вольностью перевода.

Обнаружение свитков Мертвого моря, первые из которых были найдены в 1947 г., радикально изменило положение дел в библейской текстологии. Весной 1947 г. арабский пастух случайно обнаружил в пещере, находившейся в горах к северо-западу от Мертвого моря, ряд пергаментных свитков. На эти свитки впоследствии обратили внимание Американская Школа Восточных Исследований (American School of Oriental Research) и Иерусалимский Еврейский Университет (Hebrew University). Ученые и бедуины устремились на поиски новых рукописей, и бедуинам сопутствовал куда больший успех. Важные находки были сделаны в одиннадцати пещерах Кумрана, при этом самое большое количество фрагментов рукописей было обнаружено в Пещере 4 в 1952 г. Были открыты фрагментарные останки библиотеки ессеев, еврейской секты, приверженцы которой, предположительно, перебрались в эти места во II в. до Р.Х., но были вынуждены уйти отсюда около 68 г. от Р.Х., после того как римляне осадили и разрушили их центр. Их верования, религиозные обычаи и возможное влияние на Новый Завет будут обсуждаться в следующей главе. Здесь же мы лишь заметим, что все найденные тексты написаны не позднее 68 г. от Р.Х. В пещерах Вади Мураббат (Wadi Murabba`at), к югу от Кумрана, были обнаружены рукописи, написанные несколько позже — главным образом, во время второго еврейского восстания в 132-135 гг.

Большинство фрагментов является частями неких отличных от Библии произведений, которые в большинстве своем оставались неизвестными до настоящего времени. Комментарии на Исаию, Псалтирь и ряд книг малых пророков являются свидетельством интенсивного изучения Писания, что способствовало написанию разного рода богословских и апокалиптических трудов.

Библейские манускрипты легко узнаются по аккуратному “книжному” почерку и по качеству и цвету пергамента. Здесь представлены все книги Ветхого Завета кроме книги Есфири. Самыми распространенными книгами оказались Второзаконие, Исаия и Псалтирь — их обнаружено не менее чем по десять копий. Палеографический анализ, посредством которого удалось проследить за эволюцией написания букв, позволил расположить найденные фрагменты в определенной последовательности. Ученые, занимающиеся исследованием этих фрагментов, полагают, что текст Первой книги Царств (4QSamb) и один из текстов Иеремии (4QJera) должны датироваться примерно 200 г. до Р.Х. и могут составлять часть первоначальной библиотеки, принесенной ессеями в Кумран. Фрагменты книги Екклесиаста относятся к середине II столетия до Р.Х.: тот факт, что они написаны “книжным” почерком на пергаменте, используемом для других библейских текстов, может означать, что точка зрения некоторых ученых, в согласии с которой книга Екклесиаста была написана лишь около 200 г. до Р.Х., представляется весьма сомнительной. Полный список Исаии (1Q Isaa) может быть датирован приметно 100 г. до Р.Х., другая рукопись Исаии (1QIsab) написана, скорее всего, в конце I столетия до Р.Х., что также говорит о том, что книга Исаии приняла свой окончательный вид задолго до II столетия. Впрочем, аналогичные аргументы нельзя прилагать к книге пророка Даниила: существование трех копий, одна из которых (из 1Q) относится к началу I столетия до Р.Х., то есть к тому же веку, когда была написана эта книга, свидетельствует, скорее, о том значении, которое придава-

лось ей членами секты. Другим библейским манускриптом, столь же близким по времени написания, является только один из фрагментов (Rylands fragment) Евангелия от Иоанна.

Значение фрагментов, найденных в Пещере 4, состоит прежде всего в том, что здесь, так или иначе, представлен текст всех библейских книг. Большинство найденных здесь фрагментов не имеет сколько-нибудь значительных расхождений с еврейским текстом, некоторые же из них поразительно близки к тексту Септуагинты, что может свидетельствовать о том, что греческий перевод действительно основывался на одной из еврейских традиций чтения текста, употреблявшейся в Палестине во время жизни Иисуса Христа и в предшествующий период. Например, один из наиболее важных свитков является копией Первой и Второй книг Царств, написанной незадолго до Рождества Христова или вскоре после него (4QSam^a), в которой сохранились фрагменты почти всех глав. Давно считается, что еврейский текст Первой и Второй книг Царств серьезно испорчен, в то время как греческий перевод во многих случаях представляется куда более достоверным. Указанный кумранский свиток очень близок к греческому варианту текста, отклонения же от последнего порой представляют собой еще более ясный текст. Если бы текст этих книг сохранился целиком, он, вероятно, стал бы самым надежным из всех существующих ныне вариантов книг Царств. Даже в своем настоящем виде эти фрагменты позволяют исправить еврейский текст во множестве мест и придать ему куда большую достоверность.

Таким образом, кумранские находки обладают чрезвычайной значимостью, ибо они позволяют ученым покинуть пределы стандартного еврейского текста Библии и перенестись в то время, когда еще существовали иные варианты прочтения библейского текста.

Примечания.

1 Период времени между написанием последнего (канонического) ветхозаветного текста и появлением Нового Завета, примерно с 200 г. до Р.Х. по 100 г. от Р.Х. — Прим. пер.

2 Phillipe Bruneau. Les Israelites de Delos et la juiverie delienne. Bulletin de Correspondence Hellenique, 106, 1982, pp. 465-504.

3 В Вульгате Неемия ошибочно назван священником. — Прим. пер.

4 G.R. Driver, Aramaic Documents of the Fifth Century B.C. (Oxford, 1954; abridged and revised edition, 1957).

5 ANET, p. 492.

6 E.G. Kraeling, The Brooklyn Museum Aramaic Papyri (New Haven, 1953).

7 ANET, p. 491.

9. Палестина во Времена Христа.

После того как римляне в 63 г. до Р. Х. взяли Палестину под свой контроль, она уже не имела в древние времена статуса независимой державы. Когда в 40 г. до Р.Х. месопотамские парфяне угрожали взятием Иерусалиму, римляне отдали большую часть страны в руки своего ставленника Ирода, правившего страной с 37 по 4 г. до Р.Х. Ирод был иудеянином, однако формально считался евреем, поскольку его народ был насильно “обращен” Иоанном Гирканом в 125 г. до Р.Х. Он был восторженным почитателем греческой культуры, и потому правление его ознаменовалось полной победой эллинизма над более консервативными тенденциями Маккавеев.

Палестина в Год Рождества Христова.

Ирод приступил к замечательному по своим размахам строительству, которое велось по всей стране и было отмечено западными влияниями. Согласно историку Иосифу Флавию, “в царстве его не было такого места, которое не призвано было бы служить восхвалению кесаря”¹. Мы остановим внимание прежде всего на трех городах.

Самария полностью изменила свой облик. Во время Маккавейских войн она лишилась своих защитных сооружений. Около 57-55 гг. до Р.Х. они были восстановлены, однако городу было далеко до его прежней славы. Тем не менее в 37 г. до Р.Х. Ирод женился там на своей возлюбленной Мариамне и семью годами позже город был пожалован ему Августом. Он поселил в нем 6000 своих армейских ветеранов, дал ему имя Севастия (Августа) и укрепил его, с тем чтобы, с одной стороны, упрочить свою власть в стране, с другой — выразить свою признательность и преданность Августу. Стены нового города Ирода шли по нижним склонам холма и охватывали обширное пространство, доходившее в ширину до одного километра. Укрепления были мощными, хотя по тем временам ничего исключительного в них не было. Основные усилия были направлены на строительство замечательного храма в честь Августа. Сохранились и руины другого замечательного сооружения периода правления Ирода: это стадион, построенный на краю долины севернее холма, предусмотрительно обведенный крепостной стеной. Его длина соответствует олимпийскому канону — 600 футов (стадион в малоазийском Милете имеет примерно такую же длину, но ширина его вдвое меньше). Стадион этот использовался в течение нескольких столетий и около 200 г. от Р.Х. был полностью перестроен в коринфском стиле. Он не упоминается в античной литературе как место проведения известных состязаний, хотя мы знаем, что Ирод был ярким поклонником атлетических игр и способствовал их проведению в Кесарии и Иерусалиме. Как пишет Иосиф Флавий, в Кесарии игры проводились каждые пять лет, когда же на их проведение не стало хватать денег, Ирод распорядился обеспечить их необходимым денежным содержанием.

Второй город, который должен быть упомянут в связи с Иродом, это Кесария, находящаяся на побережье между горой Кармел и Иоппией. До Ирода это ничем не примечательное местечко носило название “Стратонова Башня.” После того как царь отстроил Кесарию, она стала одним из самых красивых и значительных городов Палестины. Большую часть времени с 6 по 66 гг. от Р.Х. римская власть избирала этот город своим центром. Здесь рассматривалось дело Павла (Деян. 25:23 и далее)². Во II в. от Р.Х. город стал важным центром христианской церкви.

Настоящие раскопки Кесарии никогда не производились, однако развалины римского города видны и поныне. На ее строительство Ирод потратил двенадцать лет (25-13 гг. до Р.Х.). Благодаря строительству морского мола городская гавань сравнялась своими размерами с афинской. Вкруг главной части города, в которой находились все основные общественные сооружения, была сооружена полукруглая защитная стена. Среди означенных общественных сооружений были храм в честь кесаря с его огромным скульптурным изображением, амфитеатр, театр, стадион и рынок. Развалины театра, амфитеатра и стадиона сохранились и поныне, причем амфитеатр был открыт израильскими археологами, использовавшими методы аэросъемки, совсем недавно³. Когда в 10 г. до Р.Х. город был торжественно “открыт” Иродом, здесь сражались друг с другом и с дикими зверями гладиаторы, здесь же в 70 г. от Р.Х. Титом были замучены в подобных же схватках сотни еврейских пленников.

Иерусалим также может рассматриваться в качестве наглядного примера преобразований, проводившихся Иродом в Палестине. Здесь, помимо прочего, он привел в порядок городские укрепления, построил новый храм для евреев, перестроил цитадель в северо-западной части храмовой зоны, назвав ее “Башней Антонии,” и выстроил для себя замечательный дворец.

Ко времени жизни Иисуса центральная часть города находилась уже не на нижнем холме (Офел) к югу от Храма, где она была в ветхозаветные времена. Теперь она располагалась к северу и к западу от священных пределов. Тиропеонская долина, отделявшая восточную часть города от западной, теперь оказалась частично заполненной мусором. В период Маккавеев евреи окружили мощной крепостной стеной старый город, который во времена Ирода носил название Акра. Иосиф Флавий сообщает нам, что некогда старый город находился выше храмовой территории, когда же Маккавеи выстроили Акру, они срезали холм, заполнив землей долину между ней и Храмом.

В новозаветные времена проблема обороны стала существенно иной, чем во времена Давида. Тогда было достаточно отремонтировать мощные хананейские укрепления нижнего холма. В новозаветные же времена основной проблемой стала защита как восточного, так и западного холмов вместе со стремительно расширявшимися к северу пригородами. Естественной защитой южного и восточного пределов являлись глубокие долины Еннома и Кедрона, которые было несложно укрепить. Север был защищен двумя стенами. Первая уходила в западном направлении примерно от средней части ограды Храма. Вторая начиналась в районе северо-западной оконечности храмовой зоны и, очевидно, сходилась с первой где-то возле нынешних Яффских ворот и крепости, хотя точное их местоположение неизвестно. Если Храм Гроба Господня стоит на месте крестных страданий и захоронения Иисуса, то линия второй стены должна была проходить так, что храм этот оставался за ее пределами. Поскольку подобное направление стены представляется весьма неудовлетворительным в смысле обороны, некоторые ученые полагают, что храм стоит вовсе не на месте смерти Иисуса и что вторая стена замыкала гораздо большую зону, будучи построенной на большей высоте. Около 42 г., в правление Ирода Агриппы, еще дальше к северу началось строительство третьей стены, которая призвана была защищать пригород, называемый Иосифом Безета. Впрочем, стену эту не удалось закончить до начала первого еврейского восстания против Рима в 66 г.

История поисков места казни и захоронения Иисуса может быть вкратце изложена следующим образом. В 313 г. Константин Великий прекратил гонения на христиан. Христианам даровалась свобода вероисповедания, кроме того, Миланский эдикт предусматривал возвращение конфискованного у них имущества — церквей, кладбищ и другой недвижимости (Евсевий, *Eccl. Hist.* 9.9). Гонения кончились, но вражда между христианами и язычниками продолжалась. В Иерусалиме, в то время носившем имя Элия Капитолина, эта вражда проявлялась в особенно острой форме. Население города, священного и для христиан, и для иудеев, выселенных оттуда императором Адрианом, было в основном языческим, многие из этих язычников в прежние годы активно участвовали в антихристианских выступлениях и стали владельцами отобранной у христиан собственности. Иерусалим превратился в один из центров языческого культа: его главными святилищами были храм Юпитера Капитолийского и храм Афродиты-Венеры, построенные при Адриане.

В 314 г. епископом Иерусалимским стал Макарий, человек весьма энергичный, поставивший себе целью истребление языческих культов. Идея поиска места, где был погребен Иисус после распятия, принадлежала именно ему. Точно не известно, почему он

предложил искать его именно там, где ныне стоит Храм Гроба Господня и где в его время стоял храм Венеры. Нет никаких свидетельств, письменных или археологических, что место погребения Спасителя находилось именно там или что во времена апостолов оно как-то особенно почиталось. Не ясно также, каким образом могла сохраниться даже память об этом месте — Иерусалим дважды подвергался разрушению (при Веспасиане в 70 г. и при Адриане, во время иудейского восстания 131-134 гг.), его население было уничтожено или рассеяно, иудеям было запрещено его посещать (кроме как один раз в год), а планировка практически полностью разрушенного города сильно изменилась, когда он был перестроен и переименован Адрианом. Нет указаний и на то, что какими-то определенными сведениями об этом обладала в IV в. и христианская церковь, иначе современники Макария, в их числе и первый историк церкви Евсевий Кессарийский, не подвергали бы сомнению его проект поисков гробницы. Макарий, по-видимому, не представил им каких-либо веских доказательств. Евсевий был знаком и с другой традицией. В *Demonstratio Evangelica* (6.18), труде, написанном им около 303 г., он ничего не говорит о Гробе Господнем и о Голгофе в связи с языческим храмом, но выделяет гору Елеонскую (и Елеонскую пещеру) к востоку от Иерусалима и Святую Церковь Господню на холме, лежащем к западу от него, как места особо почитаемые и христианами, и иудео-христианами. Искусственная пещера, расположенная примерно в 100 м к югу от холма, действительно могла быть погребальным склепом. Она была объектом паломничества⁴, хотя нигде определенно не сказано, что это место погребения Иисуса⁵. Местность вокруг и сама пещера сильно пострадали от пребывания там римских легионеров во время осады 70 г. — осадные работы, по свидетельству Иосифа Флавия, сильно изменили окружающий ландшафт. Евсевий, по-видимому, продолжал сомневаться в подлинности той гробницы, которую нашли впоследствии под основанием языческого храма. Похоже, что и сам Макарий не был уверен в том, что он там что-либо найдет. Так или иначе, в 325 г. на Никейском соборе он добился от императора разрешения на уничтожение языческих храмов ради поисков гробницы.

Евсевий, принявший участие в разрушении языческого капища и в последовавших за этим раскопках, пишет (*Vita Constantini* 3.29), что гробница была обнаружена “вопреки всем ожиданиям” — либо он думал, что она уничтожена язычниками, либо вообще не верил, что она там окажется. Сам Константин в письме к Макарию расценивал эту находку как великое чудо. Примечательно, что мать Константина, св. Елена, давно уже интересовавшаяся “священной археологией,” не принимала участия в раскопках гробницы. Она посетила Иерусалим только в конце 326 г., незадолго до смерти (ей к тому времени исполнилось 80 лет).

Итак, снеся языческий храм, рабочие Макария обнаружили под его фундаментом еврейское кладбище — ряд вырубленных в камне склепов с закрывавшимся каменными плитами входом. Оставалось только установить, которая из них была местом погребения Иисуса. Неизвестно, какими критериями они пользовались, но их выбор остановился на одном склепе с круглой откатывающейся плитой. Такого рода двери были распространены в позднюю римскую и византийскую эпохи, но в период ранней Империи, в I в. от Р.Х., они были редким новшеством, их могли позволить себе только очень богатые семьи. Примерно из 900 гробниц I в., найденных в окрестностях Иерусалима, только четыре имеют откатывающиеся круглые крышки, остальные закрывались обыкновенными квадратными плитами (ср. Матф. 27:60 — “И положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и привалив большой камень к двери гроба, удалился.” Соответствующий грече-

ский глагол имеет значение “прикатывать, приваливать,” хотя и не указывает непременно на то, что прикатываемый или приваливаемый предмет имеет форму колеса или шара. Вероятно, что именно употребление этого глагола в Евангелии определило выбор археологов IV в.). Об этом круглом камне упоминают в одной из своих проповедей и Кирилл Иерусалимский (около 348 г.), и многочисленные паломники, посещавшие гробницу в более позднее время.

Константин велел построить церковь над найденной гробницей. Евсевий и после этого еще не раз поднимал вопрос о ее подлинности. В 326 г. на аудиенции у императора он выступил с докладом на эту тему. Константин внимательно выслушал его, но на его решение сомнения Евсевия никак не повлияли (*Vita Constantini* 4.33). Еще раз Евсевий затронул вопрос о подлинности в 335 г., при освящении церкви Гроба Господня.

Непосредственным результатом открытия гробницы был возросший престиж Макария и епископства Иерусалимского. Настаивая на разрушении языческих святилищ, Макарий рисковал не только своей карьерой и репутацией. Отрицательный результат его раскопок мог бы привести к политическому скандалу, вызвать еще большее озлобление язычников и подорвать престиж христианства и поддерживавшего христиан императора. От первоначальной постройки Храма Гроба Господня в настоящее время мало что сохранилось. То, что можно видеть сейчас, — в основном сооружение эпохи Крестовых походов. Сама же гробница была уничтожена в 1009 г. по приказу безумного халифа Хакима. В настоящее время церковь находится в пределах городских стен, хотя, согласно Евангелиям (Ин. 19:20), казнь и погребение Иисуса свершились вне города. Но современные стены Иерусалима были построены в XVI в. при Сулеймане Великолепном (между 1537 и 1540 гг.), и они, возможно, не везде следовали направлению старых стен. Проведенные в 1963-1964 гг. британскими археологами раскопки у Дамасских ворот показали, что тот участок древней стены, который там находится, был заложен (и не достроен) в 41 г. от Р.Х. при Ироде Агриппе, а где проходила более ранняя северная стена, существовавшая при Пилате, до сих пор неизвестно. Само же наличие на месте Храма Гроба Господня древнего еврейского кладбища говорит о том, что в первой половине I в. весь этот участок находился за пределами города.

Английский археолог Мартин Биддл, изучавший гробницу в течение последних нескольких лет (с 1986 по 1998 г.), опубликовал подробный отчет о своей работе⁶. По его мнению, ничто не противоречит тому, что она могла быть местом погребения Иисуса. К тому времени, когда Ирод стал царем, первая и вторая стены уже существовали. Он укрепил их и воздвиг три большие башни в том месте, где они сходились, тем самым, защитив самые уязвимые места укреплений. Южнее их он воздвиг свой роскошный дворец. В том месте, где вторая стена подходила к ограде Храма, он перестроил крепость Маккавеев и назвал ее Антонией в честь Марка Антония. Иосиф Флавий сообщает, что замок Антония стоит над обрывом высотой 75 футов и что он имеет башни по всем четырем углам, причем юго-восточная башня достаточно высока для того, чтобы видеть все, происходящее в зоне Храма. В Антонии был расквартирован римский легион.

В последнее время в Иерусалиме регулярно производятся раскопки. Впрочем, по большей части они приходились на период до 1930 г., соответственно, при их проведении редко использовались точные стратиграфические методы в сочетании с детальным исследованием фрагментов керамики. Вследствие этого был сделан ряд важных открытий, которые, тем не менее, по большей части, невозможно было соотнести с определенными датировками. Возможно, лучшая с научной точки зрения работа была проведена Джонсом в

1934-1940 гг. в крепости возле Яффских ворот. Именно в этом месте, защищенном тремя Иродовыми башнями, сходились первая и вторая стены. Джонс обнаружил под внутренним двором крепости стену, построенную еще до Ирода, в III или во II столетии до Р.Х., забирающую к югу и усиленную тремя башнями. Фундамент одной из этих башен до сих пор служит основанием существующей “Башни Давида,” которая является одной из трех башен, построенных Иродом.

Положение и примерный план Антонии были установлены благодаря изысканиям французского археолога отца Винсента. Именно в этом месте был заточен Павел после того, как римский тысяченачальник забрал его у возмущенной толпы в Храме (Деян. 21: 27 и далее). Отец Винсент считает, что именно здесь Пилат допрашивал Иисуса (Мк. 15). Уровень древней мостовой в этом месте на 6,5 футов ниже современного ее уровня. Практически единственными останками древних строений, возвышающимися над землей, является так называемая Арка Ессе Ното, названная так потому, что, согласно традиции, именно с этого места Пилат показал собравшейся толпе Иисуса, сказав: “Се, Человек!” (Ин. 19:5). На деле же арка эта не имеет никакого отношения к Башне Антония или к Иисусу. Эту арку, которая некогда была тройной, построил римский император Адриан (117-138 гг.). Она являлась триумфальной аркой, ведущей в новый построенный им город, из которого были изгнаны все евреи.

В Иерусалиме, в верхнем городе, паломникам показывают место, где, по преданию, стоял дом Каиафы и куда привели Иисуса, схваченного на горе Елеонской. Был ли он именно там, теперь установить невозможно. А вот погребение с прахом первосвященника Иосифа Каиафы было случайно обнаружено в 1994 г., когда гусеничный трактор, работавший в районе “Горы злого совещания,” расположенной к югу от Иерусалима (где, по преданию, Каиафа и его приспешники замышляли погубить Иисуса), провалился в фамильный склеп этого первосвященника. Керамический оссуарий Каиафы в настоящее время находится в Музее Израиля в Иерусалиме, на экспозиции, посвященной раннему христианству. Прах Каиафы перезахоронен недалеко от города. Каиафа, ставший первосвященником при поддержке римлян, не пользовался популярностью, почти все члены его семьи были истреблены зилотами в годы иудейского восстания.

Нет уверенности и в достоверности указаний на то место, где стоял дом, в котором происходила Тайная Вечеря (здание у Сионских ворот в Старом Городе, которое показывают туристам — *Soenaculum*, Трапезная, — построено в XIV в. как мемориал). Евангелия не говорят о нем ничего определенного (Мат. 26:22-23; Лук. 22:10-13); похоже, что Иисус с учениками встречали Пасху в гостях у совершенно постороннего человека в одном из домов Иерусалима. В этом нет ничего необычного, поскольку традиция предписывает иудеям угощать в этот день странников и не отказывать в гостеприимстве даже незнакомым людям. *Soenaculum* — “трапезная, верхний этаж” — термин, который св. Иероним употребляет при переводе на латинский двух разных греческих слов: (Марк 14:15; Лук. 22:12, Деян. 1:13) с одинаковым значением “верхняя комната” (в римских городских домах столовая, как правило, находилась на втором этаже). Не ясно, правда, идентичны ли упомянутая в Евангелиях Трапезная Тайной Вечери и то помещение, куда возвратились ученики с горы Елеонской после Вознесения и о котором говорится в Деяниях.

Существующая в настоящее время постройка XIV в., известная как *Soenaculum* или “Церковь Апостолов,” включает в себя некоторые элементы более раннего здания (части стен, ниши, фундамент). Поскольку иудейская традиция связывает с этим же местом погребение царя Давида, часть первого этажа занимает небольшая синагога. Христианский

мемориал включает восстановленную трапезную, место Тайной Вечери, и часовню Св. Духа на втором этаже. Каждый мемориал имеет свой отдельный вход.

Что же касается более раннего здания, стоявшего на этом месте, то и христианская, и иудейская традиция согласны в том, что это была синагога. Вопрос лишь в том, чья синагога — иудейская или иудео-христианская. Епифаний, автор конца IV в., пишет (*De Mensuriis et Ponderibus*, 14), что, когда император Адриан посетил Иерусалим в 131-2 г., на горе Сион стояли маленькая “Церковь Господа” и семь синагог. Христиане издавна считали, что в основании “Трапезной” лежит именно та иудео-христианская синагога, которую Епифаний называл “Церковью Господа” и которая была основана после разрушения Иерусалима вернувшимися из Пеллы около 73 г. беженцами, иудео-христианами. Иудеи считают, что это одна из тех семи иудейских синагог, которые видел Адриан. Одна из них, по свидетельству того же Епифания, еще стояла во времена Константина Великого. Паломник из Бордо (предположительно, иудео-христианин, посетивший Иерусалим около 333 г.) пишет: “На Сионе, в пределах стен, можно видеть место, где был дворец Давида. Здесь было семь синагог, но осталась одна, а остальные были распаханы и засеяны, как сказал пророк Исайя”⁷. Примечательно, что он ничего не говорит о “Церкви Апостолов,” только о месте, связанном с именем Давида.

Трапезная была обследована в 1949 г. Якобом Пинкерфельдом в связи с ремонтом здания, поврежденного артиллерийским снарядом во время войны за независимость. Он пришел к заключению, что первоначальная постройка, ставшая частью так называемой “гробницы Давида,” является иудейской синагогой I в. (присутствует характерная ниша для хранения свитков Торы; здание ориентировано на Храмовую Гору, а не на восток, как более поздние христианские церкви). Его аргументы приняты далеко не всеми, поскольку нет основания предполагать, что культовые сооружения первых христиан, еще не окончательно порвавших с иудейской традицией (если они вообще имели возможность таковые строить), должны были как-то отличаться от обыкновенных синагог того времени.

Вероятнее всего, предание о том, что после разрушения Иерусалима на горе Сион обосновалась какая-то христианская или иудео-христианская община, — не более, чем легенда, как и рассказ Епифания о семи синагогах, увиденных здесь Адрианом. После разрушения Иерусалима на Сионском холме расположился лагерь Десятый легион. Он был выведен оттуда только в конце III в. Естественно, что посторонние на территорию военного лагеря не допускались, и ни о каком строительстве церквей или синагог на горе Сион в то время не могло быть и речи. К тому же и строить было некому — ни одного иудея или христианина (между которыми римляне тогда еще не делали различия) в окрестностях разрушенного города не осталось. Таким образом, синагога, остатки которой стали основанием “Трапезной,” могла быть построена только до первого иудейского восстания, а то здание, которое упоминает паломник из Бордо, — не ранее конца III в., после ухода Десяттого легиона. С начала IV в. Сионский холм вновь стал обживаться, и со временем здесь были возведены все те культовые сооружения, которые, или следы которых, дошли до нашего времени.

Самым впечатляющим открытием, сделанным отцом Винсентом, были камни, которыми был некогда покрыт пол Антонии. Возможно, именно об этом каменном помосте говорит Иоанн (Ин. 19:13). На каменных плитах выцарапано поле для популярной римской игры, в которую, очевидно, играли находившиеся здесь воины.

Особый интерес из всех развалин построек этого периода представляет стена, выстроенная вокруг широкого двора Храма. Она замыкала куда большую площадь, чем преж-

де, поскольку иерусалимское святилище было теперь местом паломничества для евреев всего цивилизованного мира. Для того чтобы обеспечить нужный размер площади, необходимо было выстроить платформу, поддерживаемую колоннами и огромными сводами, над юго-восточной частью склона, круто уходящего здесь вниз. Эти своды, существующие и поныне, принято называть “Соломоновыми стойлами,” поскольку традиция приписывает их именно Соломону. Говорят, что крестonosцы устроили здесь конюшню, и этим объясняется вторая часть названия.

Для поддержки платформы Ирод обвел ее массивной опорной стеной, часть которой сохранилась с западной, южной и юго-восточной сторон ограды. Стена Плача, находящаяся с западной стороны, является наиболее известной ее частью; характер нижних рядов кладки соответствует строительному искусству эпохи Ирода.

Описания Храма сохранились у Иосифа и в Мишне (трактат Middoth). Очевидно, это было величественное сооружение, сравнимое с огромными храмами римского мира. Храм был разграблен и сожжен в 70 г. от Р.Х., когда солдаты Тита уничтожили весь город (ср. Мк. 13:2)⁸. Был найден лишь один камень, состоящий из двух частей, который наверняка имел отношение к Храму. Некогда этот камень был частью ворот, ведущих во внутренний двор Храма. На нем написано по-гречески: “Ни один язычник не может входить в стены Храма. Того, кто нарушит [этот запрет], ждет смертный [приговор], который [и] будет исполнен.”

Общий план Храма определялся традицией и существовавшим святилищем. Ирод мог единственно сделать его выше, дополнить его великолепным портиком и искусно украсить (скажем, его фасад был выложен золотыми пластинами). Вокруг Храма находились окруженные аркадами дворики с замечательными колоннадами. Дефектная колонна, которая так и не была вывезена из каменоломни, в свое время была найдена перед Русским собором к северу от старого города. Ирод не успел завершить строительство этих дворики, оно было завершено всего за шесть лет до того, как был разрушен весь город

Ессеи.

Основными еврейскими сектами в Палестине при жизни Иисуса Христа были саддукеи, фарисеи и ессеи. Саддукеи были аристократическими, консервативными священниками, отвергавшими любую доктрину, которой они не могли найти в Писании, особенно сравнительно новые доктрины воскрешения и будущего воздаяния в аду. Фарисеи были богословами и строгими законниками, принимавшими сложившиеся к тому времени доктрины небес и ада, воскрешения и бессмертия, и делали серьезный акцент на устных интерпретациях Закона Моисея и считали их неотъемлемой частью традиции. Обе эти группы подвергаются в Новом Завете серьезному осуждению, о третьей же группе — ессеях — здесь не сказано ни разу. Иосиф [Флавий] пишет, что они владели общей собственностью, вели достаточно аскетический образ жизни, придерживались высокой морали, которая была “лучше, чем у других людей,” и не приносили жертв в Храме, поскольку “совершали собственные очистительные жертвоприношения”⁹.

Сообщение Плиния о том, что ессеи (или, во всяком случае, их основная колония) жили близ Мертвого моря, позволило отождествить их с группой, которой принадлежали кумранские свитки. Среди свитков имеются документы (прежде всего “Наставление в дисциплине”), содержащие массу неведомых нам прежде сведений об этой секте. Помимо прочего, были произведены раскопки общинного центра в Кирбет-Кумране. На месте иудейской крепости было обнаружено большое поселение, которое возникло в конце II в.

до Р.Х., серьезно пострадало от землетрясения в 31 г. до Р.Х., было восстановлено и, наконец, полностью уничтожено в 68 г. от Р.Х. Десятым римским легионом. После этого до конца I в. здесь существовал лишь военный форт. Открытие скриптория свидетельствовало о том, что в общинном центре ессеи изучали Писание и переписывали свитки для библиотеки. Здесь же у них проходили общие трапезы и моления, жили же они, вероятно, в пещерах, находящихся на соседних склонах.

Из документов мы узнаем о том, что секта была основана во времена Маккавеев неким “Учителем Праведности.” Группа отправилась в пустыню с тем, чтобы “подготовить путь Господу,” считая себя особым сообществом, “соединенным так, [чтобы составить] святая святых и общий дом для Израиля [израильтян], идущих путем совершенства”¹⁰.

Подобно ученикам Иоанна Крестителя и Иисуса, эта группа являла собой своеобразное эсхатологическое сообщество, имевшее особую дисциплину и цель, заключавшуюся в подготовке к последним временам, когда Мессией будет установлено Царство Божие. Они возродили давнюю израильскую концепцию “священной войны,” представленную, главным образом, во Второзаконии, и организовали своеобразную “армию спасения,” отличающуюся жесткой дисциплиной и организацией. Подобно новозаветному сообществу, они, вероятно, избирали из своей среды двенадцать лидеров, число которых, возможно, должно было символизировать число колен Израилевых¹¹. Вся собственность была у них общей (ср. Деян. 4:32-37), главным же в их жизни было совместное изучение Писания и таинство общей трапезы, на которой священник “простирает руку, дабы призвать благословение на начатки хлеба и вина.”

Человек, желавший войти в группу, должен был оставить все прежние связи и пройти определенное обучение. Обрядом посвящения в ессеи было крещение, которое периодически повторялось, дабы избавить членов секты от дурных мыслей и намерений, чему уделялось особое внимание. Ессеи периодически представляли перед старейшинами. Процедура “обличения” ближнего чрезвычайно похожа на то, о чем говорит Иисус (Мф. 18:15-17)¹². Ессеи считали себя следующими “Пути” (ср. Деян. 9:2 — в русской Библии дан перевод “последующих сему учению”), причем одним из имен, которыми они называли свое сообщество, было слово “многие,” созвучное “множеству” в Деян. 4:32; 6:2, 5; 15:12, 30. Таким образом, мы можем говорить о наличии ряда похожих моментов в сообществе ессеев и в ранней иерусалимской церкви.

Ранняя церковь понимала, что многие из преобразований Ветхого Завета исполнились в ходе событий, ставших ее началом. Такой метод интерпретации Писания нельзя назвать раввинистическим, однако он подобен библейским комментариям ессеев, в которых история секты находит подтверждение в предсказаниях Ветхого Завета. Они даже имели подборку выдержек из Писания, в которых шла речь о Мессии, подобную той, которой, как полагают некоторые исследователи, располагал автор Евангелия от Матфея.

Ессеи, возможно, испытывали влияние иранской или зороастрийской религиозной мысли, поскольку мир представлялся им ареной конфликта между силами добра и зла, света и тьмы, истины и лжи¹³. Такого же рода этический дуализм свойствен Новому Завету, в особенности же посланиям Павла (Еф. 2:2; 3:10) и Иоанна. Слова апостола Иоанна о различении духов (1 Ин. 4:6) очень напоминают ессеюскую доктрину двух духов — истины и заблуждения, и “дух истины” (Ин. 14:17; 15:26; 16:13) здесь также не является непосредственной данностью, поскольку “истина,” согласно Иоанну, является чем-то таким, к чему должно прийти, что надлежит сотворить (Ин. 3:21). Иоанн также часто прибегает к

противопоставлению света и тьмы. Эта же особенность взглядов Иоанна характерна и для теологии ессеев.

Впрочем, отличия ессеев и христиан представляются более впечатляющими, чем их общие черты. Члены кумранской секты были консервативными законниками, искавшими спасения в Законе Моисея, предварявшем пришествие Мессии и его царства. Христианское же благовестие не могло быть помещено в “мехи ветхие” Моисеева Закона. Христос желал спасения всем грешникам, но никак не группе избранных последователей. Новая праведность ессеев нисколько не походит на христианское благовестие Божественной любви, точно так же, как фигура Христа совершенно не похожа на “Учителя Праведности” ессеев.

Археология и Евангелия.

Период, охватываемый новозаветной историей, настолько короток, что археология вряд ли способна сыграть в его изучении такую же роль, как в исследовании ветхозаветной истории, охватывающей полторы тысячи лет. Впрочем, был воссоздан общий культурный фон эпохи, в которую жил Иисус Христос. Можно привести также несколько примеров того, как определенный свет был пролит на те или иные исторические и географические детали, содержащиеся в Евангелии.

В Евангелии от Луки говорится о том, что Иисус родился в Вифлееме, поскольку Иосиф и Мария оказались там из-за того, что вынуждены были принять участие в переписи. Эта перепись проводилась по распоряжению цезаря Августа (27 г. до Р.Х. — 14 г. от Р.Х.) в ту пору, когда Квириний правил в Сирии. Считается, что это была первая перепись такого рода (Лк. 2:1-3). Мы располагаем рядом свидетельств проведения такого рода переписей в римский период, начавшихся именно в правление императора Августа. Более того, в одном из египетских папирусов говорится о том, что в 103-104 гг. в Египте проводилась перепись, в основу которой было положено кровное родство, вследствие чего власти обратились к народу с воззванием вернуться на время переписи на родину. Мы располагаем и определенной информацией о Сульпиции Квиринии. Он был римским сенатором, посланным на подавление беспорядков в Малой Азии в 10-7 гг. до Р.Х. Он стал римским правителем в 6-9 гг. от Р.Х., то есть в период проведения переписи, приведшей к еврейскому восстанию в Галилее. Очевидно, перепись эта проводилась уже после рождения Иисуса, поскольку известно, что он родился до смерти Ирода Великого (Лк. 1:5; Мф. 2:1) в 4 г. до Р.Х. Квириний мог быть правителем и в 3-2 гг. до Р.Х., однако и этот возможный период его правления приходится на время после кончины Ирода. Данная хронологическая проблема не решена и поныне.

Годы общественного служения Иисуса пришлись на период правления Тиберия (14-37 гг.), когда Понтий Пилат был правителем Иудеи (26-36 гг.), Ирод Антипа — тетрархом Галилеи и части Трансиордании (4 г. до Р.Х. — 34 г. от Р.Х.), а его брат Филипп — тетрархом земель, лежащих к северу и к востоку от Галилейского моря (4 г. до Р.Х. — 34 г. от Р.Х.). Эти сведения приведены в Лк. 3:1.

Пилат был префектом (римским администратором) Иудеи. Должность префекта Иудеи была введена при императоре Августе в 6 г. от Р.Х. При Клавдии, с 44 г., правитель Иудеи стал называться прокуратором (Пилат, соответственно, прокуратором не был). Префект назначался из римского всаднического сословия и должен был подчиняться легату Сирии (сенатору). О предшественниках Пилата известно немного. Первый из них, Копоний, прославился тем, что отремонтировал храм, поврежденный во время мятежа в конце

правления бездарного иудейского царя Архелая. Он пользовался популярностью среди иудеев, и его именем были названы одни из городских ворот. Пилат такой популярностью не пользовался. В Евангелиях он представлен как фигура нейтральная, не столько злодей, сколько жертва обстоятельств. В процессе над Иисусом он пытается быть объективным, возможно, даже сочувствует ему, но, по слабости характера и из политических соображений, уступает первосвященникам и дает казни свершиться. Филон Александрийский и Иосиф Флавий рисуют несколько иную картину. У них Пилат — администратор, плохо разбирающийся в обстановке, нетерпимый, любящий применять силу, ненавидящий иудеев. Своими действиями, оскорбляющими их религиозные чувства, он постоянно провоцирует их на выступления. Правление Пилата завершилось скандалом. В Самарии его солдаты разогнали религиозную процессию, двигавшуюся к горе Гаризим, культовому центру самаритян. Самаритяне подали жалобу Вителлию, легату Сирии. Пилат вынужден был отправиться в Рим, на суд императора. Он прибыл туда в марте 37 г., когда Тиберий уже скончался. По-видимому, карьера его на этом закончилась. Евсевий пишет (II.7), что в правление Гая (37-41 гг.) Пилат покончил с собой.

Примечательно, что выпущенные в Иудее в правление Пилата медные монеты отражают его пренебрежительное отношение к местным традициям. Его предшественники старались не помещать на монетах изображений, способных оскорбить религиозные чувства иудеев. Изображались чаще всего различные растения, колосья, гроздь винограда, пальма. На выпущенных при Пилате в 29 г. монетах появился первый откровенно языческий символ — ковш для совершения возлияний, а в 30 г. — посох римского авгура, гадала по внутренностям жертвенных животных.

Сохранилась всего одна надпись, где упомянуто имя Пилата. Она была найдена в 1961 г. итальянскими археологами при раскопках театра в Кесарии. Каменная плита с остатками надписи была использована при его ремонте. Отчетливо видны конечные части трех строк:

]S TIBERIEVM
PON]TIVS PILATVS
PRAEF]ECTVS IVD[EA]E

Tiberieum в первой строке — очевидно, храм в честь императора Тиберия, построенный при Пилате, чему, собственно, и посвящена надпись. В настоящее время ее можно видеть в Музее Израиля в Иерусалиме.

Римляне взяли в свои руки власть в Иудее, оставив прочие области под началом местных правителей. Это означает, что земли, в которых проходило общественное служение Иисуса, находились под контролем разных правителей. Тем не менее мы видим, что Иисус мог свободно передвигаться не только по Галилее, но и по территории подвластной Филиппу (Мк. 8:27), известной как Декаполис¹⁴ и представлявшей палестинскую часть провинции Сирии (Мк. 7:24, 31) и Иудеи. К середине II столетия разного рода военные лагеря, находившиеся в этих землях, были связаны друг с другом и с внешним миром прекрасными римскими дорогами, однако при жизни Иисуса ни одной из этих дорог еще не существовало.

Большинство городов и поселений, о которых идет речь в Евангелиях, хорошо известны, хотя местоположение некоторых все же остается спорным. Так, в 1998-1999 гг. иорданские археологи обследовали остатки двух византийских церквей на восточном бе-

регу Иордана, в 5 милях к северу от “церквей Мертвого моря.” Мохаммед Вахиб, руководитель иорданской экспедиции, отождествил это место с Вифанией за Иорданом, где Иоанн крестил Иисуса (Иоан. 1:28). Всеобщего признания его предположение не получило. Находящийся на противоположном берегу, на территории, контролируемой Израилем, греческий православный монастырь св. Иоанна также претендует на то, что он стоит на том самом месте, где свершилось таинство крещения. Разногласия по этому поводу восходят к глубокой древности. Евангелия упоминают по крайней мере две Вифании: городок к западу от Иерусалима (Матф. 21:17) и “Вифанию за Иорданом” (то есть на противоположном, восточном берегу), где проповедовал Иоанн Креститель. Ориген, живший в III в. в Палестине, предположил, что в этом месте Евангелия от Иоанна следует читать не “Вифания” а “Вифавара” (в русском переводе: Вифавара при Иордане, в английской Библии короля Якова — Bethabara). На мозаичной карте VI в. из Мадабы Вифавара помещена на западном берегу Иордана и изображена церковь, посвященная Иоанну Крестителю. На восточном берегу церковь не показана, хотя в VI в. патриарх Иерусалимский Илия построил там монастырь и церковь. Паломники упоминают о существовании двух церквей на противоположных берегах Иордана начиная примерно с 530 г. В XI в., в начале Крестовых походов, восточный берег оказался в руках мусульман, паломники перестали его посещать, и церковь там была заброшена.

Долгое время спорным оставалось местонахождение Вифсаиды. В древности это была небольшая рыбацкая деревушка, расположенная рядом с местом впадения реки Иордан в Галилейское море. В настоящее время руины Вифсаиды (городище эт-Тель) находятся в 1,5 км от берега — очертания береговой линии с тех пор сильно изменились в результате геологических катаклизмов. Раскопки здесь начались в 1987 г. Городище превращено в археологический заповедник. Один из раскопанных здесь домов назван условно “домом рыбака” — в нем были найдены рыболовные крючки, якорь и игла для плетения сетей, оттиск печати с изображением корабля, с которого два человека забрасывают сеть. В другом доме, “доме виноторговца” (или “доме Саломы,” условно названного так по имени матери апостолов Иакова и Иоанна), найден винный погреб с пифосами, жернов и очаг. В 30 г. Филипп, сын Ирода, даровал Вифсаиде статус города и назвал его Юлией, в честь Юлии-Ливии, матери императора Тиберия. Ей, вероятно, был посвящен и найденный при раскопках римский храм. Вифсаида была разрушена землетрясениями во II и III вв. и с тех пор была покинута населением. Камни римского храма использовались при строительстве синагоги V в. в Хоразине, в 5 км от Вифсаиды. На них сохранился прежний растительный орнамент и даже изображение римского орла.

В X в. до Р.Х. Вифсаида была столицей Гессура, независимого царства, с которым долго и безуспешно боролись вожди израильтян. Гессур впервые упоминается в дипломатической переписке XIV в. до Р.Х. из Амарны. В X в. до Р.Х. Гессур вступил в союз с царем Давидом, в IX в. был аннексирован Арамом, а в VIII в. до Р.Х. вошел в состав Ассирийской империи — тогда его древняя столица была разрушена Тиглатпаласаром III. Вновь Вифсаида была заселена только в эллинистическое время.

Еще одно исследованное недавно место — Назарет. Раскопки в Назарете показали, что во времена Иисуса это был очень маленький поселок, в котором жило не более 35 семейств (в настоящее время это город с населением около 60 000). Найдены остатки домов, двух террас на склоне холма, на которых были разбиты виноградники, следы оросительных канав, давяльня вина. Разработан план реконструкции библейского Назарета недалеко от современного города.

Однако точное местоположение Капернауа окончательно не установлено. Большинство географов XVII-XIX вв. отождествляли его с развалинами, носящими название Хан-Минье, на северо-западном берегу Галилейского моря. В 1905 г. начались раскопки в местечке Тель-Хум, находящемся севернее. Здесь были открыты и частично реставрированы останки красивой синагоги. Считается, что это место лучше соответствует древним свидетельствам о Капернауе, нежели Хан-Минье. О синагоге в Тель-Хуме в свое время нередко говорили как о месте, которое посещалось Иисусом. К сожалению, археологи пришли к выводу, что она была построена много позже и ее следует датировать примерно 200 г. Более древние руины I столетия могут находиться либо ниже, либо где-то поблизости. В любом случае, без проведения дальнейших раскопок мы этого не узнаем. В настоящее время местоположение Капернауа установлено. Это не Хан-Минье, как предполагали ученые XIX в., который оказался руинами замка Омейядского времени, а Кефар Наум (или Талхум, как его называют арабы. Последнее название образовано от искаженного имени похороненного неподалеку рабби Танхума — его иногда ошибочно интерпретируют как Тель-Хум, “Холм-Горшок”) на северо-западном берегу озера Киннерет в Галилее, примерно в 16 км от Тивериады и в 5 км от реки Иордан. “Кефар Наум” переводится как “селение Наума” (Ориген, рассматривая *NaHum* не как имя собственное, а как существительное, интерпретировал это название как “поселок утешения” — от еврейского *nhm* — “утешение,” а св. Иероним — как “прекрасный город” — от еврейского *n'm* — “красота”). Кто был этот Наум, в честь которого назвали Капернау, теперь установить невозможно. В греческих рукописях Евангелий встречаются две транскрипции этого названия: Древнее поселение было оставлено жителями около тысячи лет назад. В настоящее время около 2/3 территории городища принадлежит ордену францисканцев, остальное — Греческой Православной Церкви.

В 1838 г. городище посетил Э. Робинсон. Он застал там только несколько арабских семейств, живших в шатрах. Робинсон интерпретировал руины большого общественного здания в центре города как синагогу. В 1866 г. английский археолог Чарльз Уилсон заложил на территории синагоги несколько шурфов и уточнил ее план. Поскольку синагога активно разрушалась местными бедуинами, в 1894 г. Францисканский орден собрал средства, чтобы выкупить у них эти руины и значительную часть территории древнего городища. Францисканцы огородили свою собственность стеной и засыпали развалины синагоги землей, чтобы предотвратить их дальнейшее разрушение. В 1905 г. синагогу обследовали немецкие ученые г. Коль и К. Ватцингер, в последующие годы (1906-1915) ее раскопки были продолжены францисканцем Венделином фон Менденом, который открыл также восьмиугольную церковь ранневизантийского времени к югу от синагоги. Планомерные раскопки Капернауа проводились с 1968 г. францисканцами Виргилио Корбо и Станислао Лофферада.

Место это было заселено с эпохи ранней бронзы (около 2000 г. до Р.Х.). Сохранились следы домов и улиц раннего среднего и позднего бронзового века. Между 1200 и 500 гг. до Р.Х. следов обживания не найдено. Новое поселение было основано, вероятно, только в ахеменидское (персидское) время.

Капернау римского времени был небольшим, но процветающим городом, стоявшим на важной торговой магистрали (Беф-Сан — Дамаск). Площадь его равна примерно 6 га (300 на 200 м), он вытянут с запада на восток вдоль берега озера. Население его в лучшие годы едва ли превышало полторы тысячи человек (для сравнения: население Магдалы в I в. от Р.Х. достигало 40 тысяч). Жители занимались рыболовством (озеро и по сей

день изобилует рыбой), сельским хозяйством и торговлей. Императорская дорога на Дамаск проходила вдоль северного края поселения. Здесь был найден мильный камень с латинской надписью, поставленный в правление Адриана (117-138 гг.). В городе, последнем населенном пункте на границе с тетрархией Ирода Антипы, в I в. от Р.Х. имелась таможня — в Евангелии от Марка упоминается сборщик пошлин (Мк. 2:13-15). Примечательно, что, судя по находкам монет и предметов импорта, городская торговля была ориентирована в основном на северные районы: Галилею, Сирию, Малую Азию. Связи с центральной и южной Палестиной почти не прослеживаются.

Население Капернаума пользовалось определенным достатком, резкой имущественной дифференциации не было. Добротные одноэтажные дома строились из местного вулканического базальта, без фундамента и без раствора. Легкие плоские крыши представляли собой ряды деревянных балок, покрытых слоем смешанной с соломой глины (саманом). Из внутреннего двора, вокруг которого располагались жилые помещения, на крышу обычно вела каменная лестница. Все окна открывались во внутренний двор, из которого на улицу вела единственная дверь. Проложенные по линии север-юг главные улицы и перпендикулярные им переулки образовывали жилые кварталы, *insulae*.

До IV в., по словам св. Епифания, Капернаум был населен исключительно иудеями: “Обычай, запрещающий людям какой-либо другой расы жить среди них, особенно строго соблюдается в Тивериаде, в Диокесарии, в Назарете и в Капернауме.” В “Мишне” есть упоминание о том, что в первые века от Р.Х. население Капернаума делилось на две четко различавшиеся антагонистические группы: правоверных иудеев и миним — еретиков, очевидно иудео-христиан. В начале II в. капернаумские миним обратили в свою веру посетившего их рабби Ханину, племянника известного рабби Иисуса (*Midrash Qoh Rabba I:8*). К началу IV в. иудео-христиане составляли в городе абсолютное большинство, в связи с чем кесарийский рабби Исси проклял “сынов Кефар Наума” как вероотступников. Трудно сказать точно, когда среди иудео-христианского населения Капернаума появились православные христиане. Несомненно только, что восьмиугольная церковь середины V в. была построена уже ими. Иудеи продолжали жить в городе и в византийское время, но христиане тогда уже составляли большинство населения (практически во всех раскопанных кварталах среди находок этого времени встречаются привозные керамические чаши с изображением креста).

Синагога, в которой проповедовал Иисус (Ин. 6:22-71), была построена римским центурионом (Лук. 7:5). Это единственное общественное здание Капернаума, упомянутое в Евангелии. Та “Белая синагога,” руины которой можно видеть в настоящее время, была построена местной еврейской общиной в конце IV в. (ее упоминает в своих записках паломница IV в. монахиня Этерия), остатки первоначальной синагоги, построенной в I в., находятся под ней. Это было установлено в 1969 г., когда археологи-францисканцы заложили несколько траншей рядом с синагогой IV в. и несколько шурфов внутри нее и обнаружили, что основания стен прежней синагоги послужили фундаментом для здания IV в. Открытый археологами в 1968 “дом апостола Петра,” в котором, согласно Евангелию, останавливался Иисус, находился в 30 м к югу от синагоги и выходил на одну из главных улиц города. Позднее его перекрыл фундамент восьмиугольной церкви V в. Этот одноэтажный дом был построен в конце эллинистического периода (во II-I вв. до Р.Х.). Он состоял из нескольких комнат, расположенных вокруг просторного внутреннего дворика — типичная для жилых зданий того времени планировка (археологи-францисканцы именуют этот архитектурный комплекс *insula sacra* — “священный квартал”). В конце I в. его

превратили в “молитвенный дом” (*domus ecclesia*). В конце IV в. дом был расширен (соседние постройки при этом были снесены) и обнесен каменной стеной. Стены помещений были покрыты цветной штукатуркой и расписаны (в росписи — геометрические узоры, растительный орнамент, изображения людей или животных отсутствуют). В середине V в. над ним была воздвигнута восьмиугольная церковь, которая функционировала до VII в.

Археологи предполагают, что дом св. Петра использовался как место собраний христианской общины уже со второй трети I в. — керамика того времени представлена в основном многочисленными фрагментами светильников, втоптаннами в обмазки пола; столовая и кухонная керамика отсутствует, что необычно для жилого дома.

Стены дома покрыты многочисленными граффити, процарапанными по штукатурке. Самые ранние из них можно датировать началом III в., наиболее поздние — V в. Надписи сделаны на нескольких языках: греческом (151), сирийском (13), арамейском (9) и латинском (2). Христианское их содержание несомненно — присутствуют имя Иисуса, который назван Господом, Христом, Богом, Высочайшим, а также христограмма, литургические обороты. Довольно длинная сирийская надпись (палео-эстрангело) содержит упоминание евхаристии. Встречается также и имя Петра. Очевидно, что дом посещался не только местными христианами, но и паломниками из дальних стран.

В выдержках из записок Эгрии, сохранных автором XII в. Петром Диаконом, содержится описание дома Петра, каким он был в IV в.: “*In Sapharnaum autem ex domo apostolorum principis ecclesia facta est, cuius parietes usque hodie ita stant, sicut fuerunt*” — “В Капернауме же из дома принцепса апостолов сделана церковь, чьи стены и сейчас стоят так, как они были”¹⁵. Это свидетельство важно тем, что в нем говорится не просто о церкви, но о доме, превращенном в церковь, причем это событие имело место в прошлом (*facta est*), задолго до паломничества Эгрии. “Принцепс апостолов” — несомненно, Петр. В середине V в. стены дома Петра были аккуратно засыпаны, и прямо над ним воздвигнута восьмиугольная церковь. Примечательно, что связь ее с домом сохранилась в сознании посещавших Святую Землю паломников. Один из них, итальянец, посетивший Капернаум около 570 г., пишет: “*Item venimus in Sapharnaum in domo beati Petri, quae est modo basilica*” — “И вот мы пришли в Капернаум в дом блаженного Петра, который нынче базилика.”

Во второй трети I в. от Р.Х. в Капернауме еще могли жить люди, помнившие апостола Петра и, возможно, видевшие Иисуса, когда он гостил в его доме. Поэтому выбор именно этого дома для устройства церкви, скорее всего, был не случайным и определялся не только его близостью к центру города. Дом в Капернауме, по-видимому, был не единственным жилым домом, превращенным в церковь или синагогу. Археологи-францисканцы, работающие в Кане Галилейской, обнаружили под основанием церкви византийского времени остатки жилого дома, превращенного в синагогу. По их предположению, это могла быть синагога иудео-христиан¹⁶.

Предполагалось, что и другие обнаруженные в Галилее синагоги, помимо капернаумской, могли существовать при жизни Христа. Однако современные исследования показали, что ни одна из синагог, развалины которых сохранились до нашего времени, не может датироваться более ранним периодом, чем конец II века от Р.Х.¹⁷. Причина, по которой в Палестине не были найдены синагоги I столетия, заключается в том, что все они были разрушены при подавлении римлянами двух еврейских восстаний в 66-70 и 132-135 гг. Археологические находки свидетельствуют о том, что вследствие первого восстания страна оказалась на грани полного уничтожения.

Единственным фрагментом, несомненно принадлежавшим к синагоге, построенной до 70 г. от Р.Х., является надпись, найденная в Офеле, в старом нижнем городе, в 1913-1914 гг. Она гласит: “Феодотий, сын Веттения, священник и начальник синагоги, сын начальника синагоги и внук начальника синагоги, построил эту синагогу для чтения Закона и преподавания Заповедей; также [он построил] дом для гостей и палаты, и цистерны для воды, дабы обеспечить жилищем иноземцев, которые в них нуждаются — [синагогу], которую основали его отцы и старейшины, и потомки Симеона.”

Фамилия Феодотия, возможно, является производной от римской фамилии Веттениев (Vetteni), что свидетельствует о том, что он сам или его предки были еврейскими вольноотпущенниками из Италии. Соответственно, принято считать, что эта надпись имеет отношение к “синагоге Либертинцев,” о которой говорится в Деян. 6:9. Члены этой синагоги активнее других выступили против проповеди Стефана, первого христианского мученика.

Новозаветные Рукописи.

Древнейшим фрагментом Нового Завета является фрагмент Евангелия от Иоанна, хранящийся в John Rylands Library в Манчестере (Великобритания) и опубликованный впервые в 1935 г. Он был обнаружен в Египте и датируется началом II в. Соответственно, мы можем сделать вывод, что это Евангелие имело хождение в Египте менее чем через пятьдесят лет после его написания. Примерно к тому же времени относятся большие фрагменты написанного на папирусе “Неизвестного Евангелия.” Скорее всего, данный манускрипт был написан лицом, знакомым с произведениями Иоанна и одного или нескольких синоптиков, а также имевшим доступ к материалу, неизвестному нам.

Текст Нового Завета подтверждается рукописной традицией лучше любого другого произведения античности. Основными здесь были манускрипты, относящиеся к IV и V вв., присоединенные к Септуагинте, греческому переводу Ветхого Завета. Теперь они дополнены огромным количеством других рукописей и 126 плохо сохранившимися листами Нового Завета, относящимися к папирусам Честера Битти (Chester Beatty) и датируемые III столетием. Последние включают кодекс посланий Павла, датируемый примерно 200 г. Этот кодекс на 150 лет старше других известных древнейших копий посланий и, вероятно, всего на сто лет младше первого собрания посланий.

Кодекс может быть назван уже не свитком, но книгой в современном смысле слова: его листы плоско укладываются друг на друга. Свиток вполне оправдывает себя при написании небольших документов, таких, как письма, или же литературных произведений, прочитываемых с начала и до конца. Для длинного же документа, на который то и дело необходимо делать ссылки и приводить соответствующие фрагменты, намного более удобной оказывается форма книги. Ныне мы обладаем рядом свидетельств того, что христиане быстро научились использовать форму кодекса почти исключительно для собственных нужд. В III столетии, например, почти 85% всех открытых христианских рукописей имеют вид кодекса, в то время как почти 94% найденных нехристианских документов того же периода по-прежнему имели характер свитков.

Возможно, самым неожиданным открытием, связанным с Новым Заветом, стала находка в начале века фрагментов папируса в Оксирихе (Египет). В них содержится ряд изречений Иисуса. Большинство этих изречений является вариантами евангельских слов, однако некоторые из них можно найти только здесь. Например:

Иисус сказал: “Если вы не будете поститься, [живя] в этом мире, вы не обретете Царствия Божьего; если [вся] неделя не станет для вас субботой, вы не узрите Отца.”

Иисус сказал: “Я стою среди мира, и они видят меня плотным, я вижу, что все напились, и не встречаю жаждущих; душа моя скорбит о сынах человеческих, ибо слепы их сердца, и они сами.”

Эти и прочие папирусы суть фрагменты утраченных Евангелий и собраний изречений Иисуса. Как бы они ни вдохновляли нас на дальнейшие поиски, следует помнить, что древняя Церковь совсем не случайно обращала особое внимание на сохранение четырех Евангелий, видимо, считая их самыми надежными.

Примечания.

1 Иудейская война, I, 21.

2 Прежде чем Павел был привезен в Рим, он содержался в течение двух лет, между 58 и 60 гг., в заключении в Кесарии (Деян. 24:27). Израильские археологи считают, что они обнаружили место заключения апостола Павла. Римская тюрьма входила в большой административный комплекс, расположенный между ипподромом и амфитеатром, занимавший более 4000 м² и включавший также дворец прокуратора и бани. (Archaeology News Digest, Autumn, 1997).

3 В последние годы израильскими археологами в Кесарии раскапывался построенный Иродом Великим около 20 г. до Р.Х. ипподром. В 1998 г. там была найдена гигантская 150-метровая фреска с изображением различных животных (олений, лошадей, лисиц, леопардов), на сегодняшний день — самая большая фреска греко-римского периода. Она находилась на длинной круглой стене, отделявшей скамейки зрителей от беговых дорожек. Фреска была выполнена около 170 г.

4 См. например, описание паломника из Бордо, 333 г. — Wilkinson, 1971, p. 160

5 Этой точки зрения придерживаются некоторые современные ученые — см. E. Martin, 1996, p. 170-173.

6 M. Biddle. The Tomb of Christ. London, 1999.

7 J. Wilkinson. The Jerusalem Jesus Knew: An archaeological Guide to the Gospels. Nashville, 1983, p. 157-158.

8 Рельеф на арке Тита в Риме изображает римских солдат, несущих менора и другие ритуальные предметы из Иерусалимского храма. Недавняя находка в Риме позволяет предположить, как римляне распорядились огромными богатствами, похищенными из разрушенного ими Храма. Профессор Гейдельбергского университета Геза Альфёльди обнаружил в Колизее в Риме следы надписи (отпечатки бронзовых литер и отверстия от штырей, которыми они крепились к стене), которую он реконструирует следующим образом: “Император Тит Цезарь Веспасиан Август приказал построить этот амфитеатр на [средства, полученные от продажи] военной добычи (manubiae).”

9 Иудейские древности, XVIII, 1; см. также Иудейская война, II, 8.

10 The Dead Sea Manual of Discipline, tr. by W. H. Brownlee, BASOR Supplementary Studies, Nos. 10-12 (1951), Section viii, 13-14; ix, 6.

11 Если мы будем интерпретировать выражение “двенадцать мирян и три священника” (Manual of Discipline, viii, 1) в том смысле, что трое из двенадцати названных мирян являются священниками.

12 Manual of Discipline, v. 25-vi.1.

13 Символ веры ессеев содержится в Manual of Discipline, iii. 13-iv. 26.

14 Группа эллинистических городов Трансиордании (первоначально их было десять), существовавших с III или II столетия до Р.Х. и выделенных римлянами в особую область, которой руководил правитель Сирии. Самыми известными из них были Гераса (современный Джераш) и Филадельфия (современный Амман). О последнем городе говорили как о “Помпеях Палестины,” однако большинство его памятников относится ко времени позднее I столетия от Р.Х.

15 J. Wilkinson, Egeria's Travels. London: S.P.C.K., 1971.

16 Archaeology News Digest. Spring 1999.

17 В настоящее время известно несколько синагог, построенных до разрушения Иерусалима в 70 г. от Р.Х. Одной из древнейших считается открытая в 1998 г. синагога в Вади Келт около Иерихона, построенная между 75 и 50 гг. до Р.Х. Она входила в комплекс хасмонейского дворца и была разрушена землетрясением в 31 г. до Р.Х. Это прямоугольное здание 17 на 11 м, окруженное со всех сторон колоннадой, с расположенным рядом бассейном для ритуального омовения.

Еще одна ранняя синагога, открытая в 1976 г., находится в Гамле, к востоку от Галилейского моря. Этот город был уничтожен римлянами во время подавления первого иудейского восстания (L. I. Levine. *Ancient Synagogues Revealed*. Jerusalem, 1981).

10. Церковь и Мир.

С появлением Деяний и Посланий апостолов Палестина перестала быть единственным центром внимания. После 70 г., когда был разрушен Иерусалим, христианство пустило глубокие корни далеко за пределами Палестины. Христианские историки вернулись в нее только по прошествии многих лет, когда там стали появляться христианские церкви и страна превратилась в “Святую Землю,” привлекавшую множество паломников.

В период, охватываемый повествованием Нового Завета, христианство появляется на севере, а затем и на западе, явно тяготея к Риму, являвшемуся центром тогдашнего цивилизованного мира. Основой этого нового единства были римская власть, римский закон и греко-римская культура. Греческий язык, которым овладели многие палестинские христиане, делал их проповедь понятной для большинства жителей Империи. Еврейские сообщества существовали в любом крупном городе, и миссионеры обращались прежде всего именно к ним. Власти римских провинций обеспечивали безопасность и надлежащее состояние дорог Империи. Лишь после того, как христианство укоренилось в восточных римских провинциях, оно стало проникать в Месопотамию и в другие страны, сохранявшие независимость от Рима.

Древние Христианские Церкви на Востоке.

Древнейшие свидетельства появления христианских общин были найдены археологами в Египте. Большое количество написанных на папирусе фрагментов Нового Завета, найденных в этой стране, свидетельствует о том, что за сто лет, прошедших со времени распятия Иисуса, христианство успело распространиться на юг до самого египетского Фаюма. Древнейшие образцы христианского зодчества в Египте, так же, как и в большинстве других провинций Римской империи, относятся к IV в., вернее, ко времени правления императора Константина, когда христианство стало официальной религией, поддерживаемой римским правительством.

Множество церквей, датируемых IV-VI вв., было найдено и в самой Палестине. Храм Гроба Господня в Иерусалиме и церковь Рождества Христова в Вифлееме также были построены при Константине, хотя от этих древних построек в современных храмах, стоящих на их месте, сохранились лишь отдельные элементы.

Древнейший из всех известных нам храмов был открыт археологами в 1931-1932 гг. при раскопках стоявшего на берегу Евфрата города Дура-Европос в восточной Сирии. В 167 г. римляне взяли этот город, превратив его в один из своих восточных форпостов. К югу от главных ворот находилась церковь, устроенная в здании, первоначально являвшемся чьим-то домом. Это здание представляло собой последовательность комнат, обрамлявших мощный открытый двор. Надпись, сделанная на оштукатуренной стене, извещала о том, что здание это было построено в 232-233 гг. по нашему летоисчислению. Одна из комнат, являвшаяся церковью, впоследствии была расширена путем присоединения к ней двух смежных комнат, благодаря чему в ней могло одновременно находиться до 100 человек. В небольшой соседней комнатке была устроена крестильня, в которой находилась и емкость для воды. На стене прямо над нею имелось изображение Христа в образе Пастыря

Доброго — последняя тема была чрезвычайно популярна в древнем христианском искусстве, о чем свидетельствуют найденные в Италии настенные и скульптурные изображения. На другой стене изображены отдельные сцены из Писания: Давид и Голиаф, самаритянка, Петр, пытающийся идти по водам, и исцеление расслабленного. Древние христиане собирались по большей части в частных домах, прекрасным примером подобной домашней церкви может служить здание в Дура-Европос.

Нигде в Сирии и в остальных частях древнего мира мы не встречаем церквей, которые существовали бы до времени правления Константина, в то время как мы находим множество их развалин, относящихся к IV-VI вв. Вероятно, причина этого состоит в том, что большая их часть была уничтожена в ходе жестоких гонений, устроенных при Диоклетиане и начавшихся в 303 г. Нет особых надежд на то, что археологам вообще удастся обнаружить что-либо, прямо связанное с жизнью Церкви во второй половине I столетия, поскольку число христиан в этот период было сравнительно невелико, рассеяны же они были по огромной территории. Соответственно, нам не остается ничего иного, как только остановиться на тех местах, которые фигурируют в повествовании о миссионерских путешествиях Павла, и показать, до какой степени археологам удалось прояснить географический и культурный фон, на котором создавались новозаветные Послания.

Антиохия Сирийская.

Мы начнем с сирийской Антиохии, которая считалась третьим по значимости городом Империи после Рима и Александрии. Она была первым центром христианства за пределами Палестины и исходным пунктом миссионерских путешествий Павла. Город этот находился в 300 милях к северу от Иерусалима, там, где сходятся Ливанские горы и малоазиатский Тавр. Антиохия была основана около 300 г. до Р.Х. на берегах Оронта примерно в двадцати милях от моря. Благодаря своему порту, называвшемуся Селевкийей, она осуществляла постоянную связь с западом, в то время как ее посещали торговые караваны со всего Ближнего Востока. В IV столетии от Р.Х. ее мужское население составляло 150-200 тысяч; мы вправе предположить, что во времена Павла оно было не меньшим. Город был известен своими школами философии, медицины и риторики, библиотекой и разного рода публичными увеселительными заведениями: театрами, амфитеатрами, стадионами и банями. Подобно другим эллинистическим городам, город был разделен надвое широкой, украшенной колоннадами улицей. Это единственный известный нам древний город, имевший регулярную систему уличного освещения.

В Дафне, расположенной неподалеку, находилось святилище бога Аполлона, знаменитое своим злочином. Жители Антиохии также снискали репутацию грубых остроумцев и изобретателей прозвищ, не случайно именно здесь появилось название “христиане” (Деян. 11:26). И именно этот обуреваемый страстями языческий город стал главным центром христианства за пределами Палестины. Врач Лука традиционно считается уроженцем этого города. Вполне возможно, что Евангелие от Матфея было написано в Антиохии.

Археологические раскопки Антиохии и ее порта Селевкии производились в 1931-1939 гг. Возможно, самым важным открытием стала находка сотен напольных мозаик, давших много ценной информации об искусстве и даже о языческих религиозных культах позднего римского и византийского периодов. В городе и пригородах были найдены останки более чем двадцати древних церквей, относящиеся к периоду не ранее IV в. Невозможно в Антиохии существовала большая еврейская колония, с которой так или иначе

было связано большое количество “богобоязненных” греков. Возможно, именно из них и вышло большинство новообращенных христиан. Тем не менее исследователям так и не удалось найти никаких следов еврейской колонии, кроме мраморного фрагмента с частью семисвечника (исключением в этом смысле является и надпись VI в., в которой, возможно, воспроизводится отрывок из Библии).

Самой знаменитой находкой, сделанной в этих местах, является так называемая “Антиохийская чаша.” Об этой находке было объявлено в 1916 г. Она представляет собой простую серебряную чашу, внешнее обрамление которой украшено изображениями виноградной лозы и фигур Христа и апостолов. Было заявлено, что это Святой Грааль — чаша, которая была у Иисуса на Тайной Вечере, при этом предполагалось, что фигурки на внешнем обрамлении являются портретными изображениями, сделанными в I столетии. Впрочем, благодаря трудам ряда ученых было установлено, что чаша эта была изготовлена, скорее всего, в IV или V столетии и не имела никакого отношения к Тайной Вечере. Тем не менее не вызывает никаких сомнений то, что это один из самых замечательных образцов древнего христианского искусства¹.

Галатия.

В своем первом миссионерском путешествии Павел выступил с проповедью в Антиохии Писидийской, Иконию, Листре и Дервии (Деян. 13:13-14:24), находившихся в римской провинции Галатии. Послание к Галатам, вероятно, было написано Павлом именно для представителей основанных им христианских общин.

Своим названием Галатия обязана группе галлов из Европы, поселившихся в северных областях этой провинции в III в. до Р.Х. В начале II столетия до Р.Х. Галатия стала государством-клиентом Рима, после чего начала постепенно расти в размерах и после смерти своего последнего царя в 25 г. до Р.Х. превратилась в римскую провинцию. Антиохия, главный город провинции, была основана сирийским царем Селевком I около 300 г. до Р.Х. Таким образом, она стала одной из шестнадцати Антихий, основанных им и названных в честь отца. Около 189 г. до Р.Х. римляне превратили Антихию в вольный город, а в 11 г. до Р.Х. — в римскую колонию. В свою бытность вольным городом Антиохия имела эффективную систему самоуправления, народное собрание и систему образования с характерным эллинским духом. В этом городе политическое собрание именовалось греческим словом *ekklesia*, которое было использовано христианами для обозначения Церкви. Будучи римской колонией, Антиохия обладала высшим из всех возможных для провинциальных городов рангом и имела четкую социальную стратификацию. Верхушкой здесь являлись владевшие латынью римские граждане (*coloni*), имевшие такие же права, как и жители самого Рима. Большинство же населения, вне всяких сомнений, говорило на греческом, рассматривалось лишь в качестве “постоянных жителей” (*incolae*) и было лишено ряда гражданских прав.

В Малой Азии существовало множество религиозных сект разного рода, но трудно было “приспособить” к новой эпохе старых богов. Одним из самых важных документов, циркулировавших в Малой Азии, фрагмент копии которого удалось обнаружить при раскопках Антиохии, был *Monumentum Ansupanum*, повествовавший о “Деяниях божественного Августа (Цезаря).” Другая копия этого же документа была вырезана на стенах “Августеума,” беломраморного храма, воздвигнутого в Анкире (Анкара) на севере Галатии. Текст, который, возможно, принадлежал самому Августу, был сочинен в 14 г. от Р.Х. Он описывает жизнь и труды императора, стремившегося к осуществлению религиозных, или

даже мессианских, чаяний того времени. Эти чаяния были характерны и для времени жизни Павла — как будто боги не желали терять своей власти над миром. Проповеди Павла в Антиохии сопутствовала, вероятно, именно такая атмосфера.

В ходе раскопок, проводившихся в Антиохии перед Первой мировой войной и после нее, были открыты развалины важнейших сооружений римского города, существовавших при жизни Павла. К ним относились Площадь Августа и Площадь Тиберия, соединенные лестницей, на вершине которой возвышалась триумфальная арка, сооруженная в честь Августа. На Площади Августа находился огромный храм бога Мена, символом которого была голова быка. Развалины найденной здесь же христианской церкви относятся уже к IV в. Вне всяких сомнений, город поражал гостей своим великолепием и изяществом архитектуры, в которой греческая изысканность и простота сочетались с римской обстоятельностью и величием.

Эфес.

Во время третьего миссионерского путешествия Павел около двух лет провел в Эфесе². Эфес, население которого составляло, по меньшей мере, четверть миллиона жителей, был главным городом римской провинции Асии. Эфесский порт являлся связующим звеном в морской торговле запада с востоком. Судя по имеющимся литературным и документальным свидетельствам, город этот обладал несметными богатствами. Согласно римлянину Страбону, именно здесь находился главный рынок Малой Азии. Своими богатствами и славой город был во многом обязан культу Артемиды, богини-матери, отождествлявшейся римлянами с Дианой. Ее культ связывался с плодородием человеческого рода и скота. Характер этого культа был скорее азиатским, нежели греческим или римским. Поклонение ей больше походило на древние культы Ханаана, ставшие немалым соблазном для Израиля. Культ этот был всенародным, о чем свидетельствуют слова серебряника Димитрия, который говорит о величии той, “которую почитает вся Асия и вселенная” (Деян. 19:27).

Храм Артемиды в Эфесе считался одним из “семи чудес света.” Его обнаружил английский архитектор Дж. Т. Вуд (J. T. Wood) в 1869 г., спустя шесть лет после того, как занялся его систематическими поисками. Первые примитивные структуры храма, датируемые VIII столетием до Р.Х., являли собой не более, чем огороженное место, на котором находились возвышение, священное дерево и алтарь, а впоследствии, вероятно, и деревянный идол. Около 550 г. до Р.Х. храм существенно перестроили. Согласно традиции, в 356 г. до Р.Х. он был сожжен. На его месте воздвигли так называемый эллинистический храм, строительство которого было начато в 350 г. до Р.Х. и закончено в правление Александра Великого. Этот храм просуществовал до 262 г. от Р.Х., когда он был разграблен готами. За ним находилась статуя богини, которая, как говорили, “упала с Юпитера” (“fallen from Jupiter”), то есть могла быть вырезана из большого метеорита. Крыша храма была покрыта белой мраморной плиткой, само же здание поражало своими скульптурами, превосходными картинами и обилием золота.

Месяц Артемизий (март-апрель) был временем, когда храм и местные торговцы получали от путешественников и паломников огромные средства. Возможно, именно это обилие людей побудило Павла остаться в Эфесе до Пятидесятницы (1 Кор. 16:8-9). Именно в это время могло вспыхнуть недовольство, вызванное экономическими последствиями его проповеди и “ревностью богов.” Толпа, настроенная серебряником Димитрием, собра-

лась в огромном театре, находившемся на западном склоне горы Пион, обращенном к городу. Считается, что театр этот мог вместить до 24 550 человек.

Возможно, самые значительные работы на этом городище были проведены Австрийским археологическим институтом. Раскопки были начаты в 1896 г. Археологами были раскопаны практически все основные здания древнего города. Рыночная площадь (греческое *агога* или латинское *forum*) представляла собой большое открытое пространство, окруженное колоннами и разного рода зданиями. Самой впечатляющей улицей была “Аркадиана,” шедшая от театра к гавани, длиной свыше четверти мили. Она была вымощена мрамором, имела в ширину 36 футов и была ограничена двумя рядами колонн, за которыми находились торговые лавки.

Многие из надписей, найденных в городе, содержат информацию, представляющую несомненный интерес для библейского археолога. Упоминание заклинателей в Деян. 19:13 свидетельствует о том, что знатоки магических формул и заклинаний (“эфесских писаний,” по выражению греческих и римских авторов) были обычным явлением. Формула “Заклинаем вас...,” приведенная в Деян. 19:13 и используемая иудейскими заклинателями, была обычной формулой экзорсизма. Слово из Деян. 19:18, которое в Авторизованной Версии переводится как “deeds” (в русской Библии “дела”), в действительности имеет значение “магические формулы.” “Асийские начальники” (*Asiarchs*), упомянутые в Деян. 19:31, часто фигурируют и в эфесских текстах: этот титул носили лица, руководившие проведением обрядов императорского культа в Азии. В Деян. 19:35 говорится также о “блюстителе порядка,” который, судя по текстам, являлся главным государственным лицом в городе. В этом стихе Эфес назван “служителем Артемиды,” в одном из текстов он назван точно так же. Подобный же эпитет использовался — уже не только в Эфесе — для обозначения того, что город являлся “служителем” культа римского императора

Одним из наиболее ранних достоверных христианских эпиграфических памятников Малой Азии можно считать стихотворную эпитафию Аверкия, епископа Гиераполиса во Фригии, сочиненную самим епископом и помещенную на его надгробии. Аверкий жил во второй половине II в. и получил сан епископа в правление Марка Аврелия (161-180 гг.). Впоследствии он был канонизирован. “Житие” Аверкия было составлено много лет спустя после его смерти, в V или VI в. До нас дошло не менее 50 списков этого сочинения (все они — на греческом). Оно изобилует фантастическими деталями и, вероятно, содержит не так уж много достоверных сведений о его жизни. В нем говорится, что Аверкий, подражая апостолу Павлу, много путешествовал, проповедовал, совершал чудеса. В некоторых списках он именуется “равноапостольным.” “Житие” содержит и текст стихотворной эпитафии Аверкия, которую епископ еще при жизни велел вырезать на каменном алтаре, впоследствии служившем ему надгробием. Эпитафия содержит 22 строки и начинается словами:

“Как гражданин прославленного града
Сей памятник велел воздвигнуть я при жизни,
Чтобы здесь покой достойный обрело мое тело.
Имя мое Аверкий, ученик святого пастыря.”

Дальнейший текст эпитафии довольно труден для понимания. Он изобилует малопонятными нам аллегориями и метафорами, но при этом содержит набор бесспорно христианских символов — пастырь, рыба, дева, в нем упоминается и Павел, “спутник” (в аллего-

рическом смысле) Аверкия в его странствиях — он посещает Рим, Сирию, Месопотамию. Включенная в “Житие” версия, очевидно, подвергалась искажениям при переписке.

Ученые XIX в. сомневались в достоверности “Жития Аверкия” и в историчности самого епископа, и оснований для таких сомнений было достаточно: а) “Житие” составлено в относительно позднее время и изобилует фантастическими деталями; б) географический фон этого сочинения не соответствует реальному Гиерополису в западной Фригии (совр. Памуккале); в) Евсевий упоминает, что епископом Гиераполиса в указанное время был некий Клавдий Аполлинарий, а не Аверкий (при том, что у Евсевия же упоминается некий Авиркий Маркелл, тоже служивший во Фригии, — возможно, тот самый Аверкий). В 1881 г. шотландский ученый-классик Уильям Рамси, путешествуя по Малой Азии, установил, что во Фригии в древности было два города, носивших название Гиерополис. Один из них — современный Памуккале, а второй находился дальше к северо-востоку, около современного селения Кочхисар (этот район в древности носил название Пентаполис — “пять городов,” одним из которых был Гиерополис). Недалеко от этого второго Гиерополиса Рамси обнаружил мраморную колонну с греческой надписью, эпитафией Александра, сына Антонина, христианина, жившего в Гиерополисе и заказавшего этот надгробный памятник в 216 г. Первые строки эпитафии полностью совпадают со строками эпитафии Аверкия в его жизнеописании:

“Как гражданин прославленного града
Сей памятник велел воздвигнуть я при жизни...”

Рамси был филологом-классиком, а не византинистом, и не был знаком с “Житием Аверкия,” что помешало ему немедленно установить связь между находкой и эпитафией, приведенной в “Житии.” Но он сделал это по возвращении в Шотландию и убедился в том, что эпитафия Аверкия — подлинный текст, а не сочинение какого-то византийского автора. Чтобы подтвердить свою точку зрения, Рамси решил попытаться найти оригинал эпитафии — само надгробие. В 1883 г. он вновь посетил Малую Азию в сопровождении эпитафиста Дж. Р. Стеррета. Текст “Жития” содержал указания на район поисков — гробница епископа должна была находиться за пределами города, около горячих ключей. Рядом с этими ключами, недалеко от общественной бани, ученые обнаружили два фрагмента мраморной стелы с греческой надписью. Судя по сохранившемуся на них орнаменту (перевязанный лентой лавровый венок), они являлись обломками надгробного памятника. На них частично сохранились средние девять строк эпитафии, совпадающие с приведенным в “Житии” текстом (они содержат такие ключевые слова, как Павел, Рим, царица, народ, печать, Сирия, Евфрат, вера, рыба).

Аверкию было, как следует из текста, 72 года, когда он заказал это надгробие. Эпитафия была написана до 216 г., до надписи Александра, который ее цитирует, вероятно, между 190 и 210 гг. Таким образом, это один из самых ранних сохранившихся христианских памятников, наряду с надписями римских катакомб и ранними фрагментами евангельских текстов³.

Первые Церкви в Европе.

Во втором своем миссионерском путешествии Павел перешел из Малой Азии в Европу и достиг города с названием Филиппы. Основные филиппийские памятники были раскопаны Ecole Francaise d'Athenes между 1914 и 1938 гг.

Игнатиева дорога (Via Egnatia), мощеная римская дорога, ведущая через Македонию к Адриатике, некогда являлась основной улицей Филипп. Местами на камнях видна колея, выбитая колесами бесконечного множества повозок и колесниц. В западной части города были открыты большие арочные ворота, через которые шла дорога, пересекавшая примерно в миле от города небольшую реку. Это единственное место в округе, соответствующее описанию, данному в Деян. 16:13: “В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом.” Очевидно, еврейская община города была слишком мала для того, чтобы строить там синагогу. В пределах городских стен был открыт римский форум, и, хотя обнаруженные исследователями развалины являются останками перестроенных во II столетии зданий, вполне возможно, что общий их план сохранился таким же, каким был при Павле. С северной стороны форума находился подиум, к которому с двух сторон подходили лестницы. Этот подиум служил трибуной для ораторов и судей и, вне всяких сомнений, являлся тем самым местом, в которое были приведены Павел и Сила, где их приговорили к заключению (Деян. 16:19 и далее). Античный писатель говорит о том, что темница находилась среди зданий, окаймлявших форум, точное же ее местонахождение нам неизвестно.

Окрестности Филипп стали полем битвы за власть в Римской империи после смерти Юлия Цезаря в 42 г. до Р.Х. В ознаменование победы Антоний и Октавиан превратили город в римскую колонию, среди первых граждан которой были и ветераны этого сражения (coloni). Вероятно, именно в это время город вышел за пределы акрополя и была сооружена надвратная арка.

Другим важным городом, находившимся на Via Egnatia, в котором Павлом также была основана Церковь, были Фессалоники, находившиеся в 70 милях от Филипп. Это современные Салоники, второй по величине греческий город после Афин. Масштабные раскопки здесь не предпринимались, поскольку город застроен современными зданиями. Фессалоники были основаны в 315 г. до Р.Х. и названы в честь сестры Александра Великого. Via Egnatia до сих пор остается главной улицей города. В одном месте она перекрыта прекрасной тройной аркой, сооруженной императором Галерием (305-311 гг.). Западный въезд в город некогда также был перекрыт римской аркой, называвшейся Вардейскими Вратами и простоявшей до 1876 г., когда на этом месте были возведены современные постройки. В надписи, сделанной на этих воротах и ныне хранящейся в Британском Музее, упомянуты некие городские чиновники, названные “политархами.” То же самое слово присутствует и в ряде других текстов. В Деян. 17:6 этим словом названы “городские начальники,” к которым привели христиан участники беспорядков, вызванных проповедью Павла. Данного слова нет в других греческих произведениях — тем самым археологические сведения подтверждают точность рассказа Луки.

Афины.

Покинув македонские города Фессалоники и Верию, Павел отправился в Афины. Минуло много лет с той поры, как Афины пережили свой золотой век, пришедшийся на V столетие до Р.Х., однако город этот по-прежнему оставался одним из мировых центров философии, архитектуры, поэзии и искусства. В Афинах и поныне существует ряд замечательных и прекрасно сохранившихся памятников античности.

Древний центр города, агора, или рыночная площадь, был не только раскопан, но и восстановлен. На этой агоре и в синагоге Павел каждодневно “рассуждал” с иудеями, “с чтущими Бога” и “со встречающимися” (Деян. 17:17). Агора являлась политическим, тор-

говым и социальным центром древнего греческого города и представляла собой большое открытое пространство, окруженное зданиями общественного, культового и политического назначения.

Замечательные архитектурные сооружения южной части Акрополя относятся к “золотому веку” Перикла, то есть к V в. до Р.Х. На вершине холма возведен поразительный Парфенон, в стенах которого Фидий, скульптор Перикла, воздвиг изготовленную из золота и слоновой кости статую Афины. Согласно Павсанию, посетившему Афины в период между 143 и 159 гг., над Акрополем высилась огромная бронзовая статуя Афины Промехос, и мореплаватели видели, как солнце играет на ее шлеме и копье⁴.

Внимание исследователя, читающего о кратком пребывании Павла в Афинах, прежде всего, привлекает его выступление в ареопаге (Деян. 17:19-31). Этот скалистый голый холм, находящийся к северо-западу от Акрополя, являлся местом собраний афинского суда, занимавшегося рассмотрением религиозных и политических вопросов. Во времена Перикла суд этот стал рассматривать преимущественно уголовные дела, однако в римский период он вновь стал заниматься вопросами религии и образования. Место заседаний суда также называлось ареопагом, соответственно, мы не знаем, о чем именно идет речь: о холме или о зале заседаний.

Другая проблема, связанная с выступлением Павла перед ареопагом, связана с цитируемой им надписью на жертвеннике (“Неведомому Богу”). Такой надписи в Афинах найдено не было. Однако описания путешественника Павсания и более поздние литературные источники говорят о “неведомых богах”; мало того, алтарь “неведомым богам” был найден в Пергаме. Соответственно, эти слова апостола Павла нам не должны казаться сколько-нибудь странными.

Коринф.

Из Афин Павел отправился в Коринф, где он провел год и шесть месяцев. Коринф стоял на проходившем по узким перешейкам пути, соединявшем центральную Грецию с Пелопоннесом, и потому являлся естественным центром морской торговли, объединявшим западный Лехей и восточный Кенхрей. Небольшие суда перетаскивались волоком между двумя этими городами, перевозимые ими товары также сгружались и переносились вручную, ибо в противном случае кораблям пришлось бы совершить опасное двухсот-мильное путешествие вокруг полуострова. Коринфский канал, прорытый в самом узком месте перешейка в 1881-1893 гг., практически повторяет тот же маршрут, который планировался Нероном в 66 г. Находящийся на перешейке Коринф был крупным торговым центром, и Цезарь Август объявил его столицей римской провинции Ахайи и местопребыванием ее проконсула.

Проведение раскопок стало возможным только в 1858 г., когда землетрясение заставило жителей старого Коринфа покинуть свой город. Люди стали жить в этом месте уже в IV тысячелетии до Р.Х. Город неоднократно подвергался набегам и разграблениям, но вновь и вновь возвращался к прежнему богатству и славе. В 146 г. до Р.Х. он был уничтожен римлянами, но, вероятно, не полностью, как считалось до недавнего времени. Примерно через столетие здесь появилась римская колония, и город вновь стал процветать. Во времена Павла город переживал период перестройки и расцвета.

В центре города находилась агора, или рыночная площадь, на которой располагались основные здания гражданского и религиозного назначения. Лехейская дорога вела к агоре с севера. Частично сохранившиеся конструкции позволяют воссоздать облик выхо-

дивших на улицу или на площадь лавок, подобных той, в которой Павел работал вместе с Акилой и Прискиллой (Деян. 18:2-3). Справа, рядом с тем местом, где дорога выходит на площадь, находилось большое помещение с колоннами, или базилика. Такого рода здания использовались римлянами для гражданских и судебных целей. Впоследствии христиане строили по такому же плану свои церкви, разделенные на нефы. Слева находился Периболос Аполлона, одно из святилищ этого бога, и источник Периена (Periene), важнейший водный резервуар Коринфа, до сих пор снабжающий город водой. Пропилеи, через которые люди выходили на агору, представляли собой широкую лестницу, над которой некогда была воздвигнута монументальная арка. У подножия этих ступеней была найдена надпись, гласившая: “Синагога евреев.” Хотя последняя и была построена существенно позже того времени, когда жил апостол Павел, мы можем предположить, что синагога, в которой некогда проповедовал Павел, находилась где-то поблизости.

По сторонам агоры выселись базилики, храмы и портики с торговыми лавками. В одной из таких лавок был найден каменный блок, некогда являвшийся ступенькой крыльца, с надписью “Луций мясник.” Возможно, этой надписью были отмечены лавки коринфского мясного рынка, о которых Павел пишет в 1 Кор. 10:25 (в русской Библии “на торгу”).

Широкое свободное пространство агоры было разделено на два уровня. Сложная, добротнo построенная Ростра верхнего уровня, вероятно, и являлась той платформой, на которой Павел предстал пред Галлионом (Деян. 18:12-17). Документ, в котором фигурирует Галлион, был обнаружен в Дельфах, на другой стороне Коринфского залива. Это позволило более точно датировать описываемые события. В документе говорится о том, что Галлион прибыл в Коринф в качестве проконсула либо в 51-м, либо в 52 г.; поскольку текст Деяний позволяет предположить, что он занял этот пост незадолго до того, как к нему привели Павла, последний, скорее всего, появился в Коринфе около 50 г.

На повторно использованном камне мостовой, найденном возле двух городских театров, имеется надпись, гласящая о том, что мостовая была выложена Ерастом, ответственным за общественные работы (aedilis). Обычно он отождествляется с Ерастом, ставшим учеником и сотрудником Павла (Деян. 19:22). В Рим. 16:23 Павел называет его οἰκοποῦτος, или “городской казнохранитель.” Таким образом, он являлся видным чиновником и, соответственно, слова апостола о том, что среди призванных было не много мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных (1 Кор. 1:26), относились не к нему.

К надписям, связанным с именем апостола Павла, следует добавить еще одну. В Пафосе на юго-западном побережье Кипра итальянские археологи обнаружили, как они считают, самое раннее свидетельство пребывания апостола на этом острове. Это фрагментированная греческая надпись на обломке мраморной плиты, найденная в развалинах ранней христианской базилики. Две не полностью сохранившиеся строки реконструируются как ΠΑΥΛΟΥ ΑΠΟΣΤΟΛΟΥ — “Павла апостола.” Филиппо Гьюдичи, руководитель итальянской археологической экспедиции на Кипре, сравнивает ее с известной латинской надписью IV в. на надгробии апостола в базилике св. Павла в Риме: PAULO APOSTOLO MART[YRI] — “Павлу апостолу, мученику.” Христианская базилика в Пафосе была построена после 394 г. на руинах древнего языческого храма Аполлона и Артемиды (он существовал с IV в. до Р.Х.). В Деяниях говорится о путешествии апостола Павла на Кипр и о том, что им был обращен в христианство правитель Кипра Сергей Павел (Деян. 13:12). Традиция связывает христианизацию Кипра также с деятельностью св. Иллариона из Газы

(ок. 291-371 гг.), вероятно, что и строительство первых христианских церквей в Пафосе относится к его времени. Однако найденная надпись, по мнению археологов, может быть датирована более раннем временем — II в. от Р.Х. Недалеко от базилики, где была найдена надпись, стоит каменный столб, к которому, согласно местной традиции, апостол Павел однажды был привязан и подвергнут бичеванию. В Деяниях этот эпизод не упоминается.

Рим.

Павел ступил на землю Италии в ПUTEОЛЕ (Деян. 28:13) на северном берегу Неапольского залива и обнаружил здесь братьев-христиан, с которыми провел неделю, и лишь затем направился в столицу. Это местечко находилось неподалеку от Помпей, города, за двадцать лет совершенно погребенного под слоем лавы и пыли после извержения Везувия (в 79 г.). Развалины этого города позволили археологам составить наиболее полное представление о жизни античных городов. Здесь сохранились все типичные общественные здания того времени, однако самыми интересными все-таки оказались частные дома и лавки, благодаря которым исследователи смогли лучше понять жизнь их обитателей. Скажем, среди обнаруженных здесь лавок были лавки серебряных дел мастеров, бакалейщиков, пекарей, красильщиков, кузнеца, хирурга, скульптора, кожевника и даже продавца горячих напитков. Стены зданий были, главным образом, сложены из кирпича и покрыты штукатуркой; стены общественных и частных зданий нередко украшались росписью, причем в качестве сюжетов часто избирались те или иные эпизоды из истории и мифологии. О присутствии в городе евреев свидетельствует роспись, на которой, предположительно, изображен суд Соломона (3 Цар. 3:16-28). На стене также выцарапана надпись на еврейском языке, читаемая как “Содом, Гоморра.”

До недавнего времени ученые не располагали свидетельствами, которые говорили бы о возможном пребывании в этом городе христиан. При расшифровке таинственной надписи, найденной в Помпеях в 1936 г. и известной из других источников, предлагались христианские интерпретации. Прямо перед началом Второй мировой войны в одном из домов было найдено нечто, напоминающее крест, что можно считать более серьезным доводом в пользу того, что в Помпеях жили христиане. Впрочем, даже в этом случае следует признать, что их было совсем немного, ибо иначе были бы обнаружены и другие подобные свидетельства.

Считается, что в то время, когда жил апостол Павел, в Риме насчитывалось свыше миллиона жителей. Текст, обнаруженный в городском порту Остии, говорит о том, что население города составляло 4 100 000 жителей, но, скорее всего, в это число были включены и жители окрестных земель.

Большинство горожан жило в больших многоквартирных домах, высота которых на главных улицах не должна была превышать, согласно распоряжению императора Августа, семидесяти футов. В городе жило такое количество людей, что всегда существовала серьезная проблема их жизнеобеспечения и занятости. Работы по большей части производились рабами, захваченными в войнах. Была разработана сложная система мер, обеспечивавших довольство бедных слоев населения (она не применялась по отношению к рабам), которым гарантировался определенный минимум пищи, хлеба и зрелищ. Для проведения скачек на колесницах был построен Большой цирк (Circus Maximus) и другие подобные ему сооружения. После перестройки Большого цирка, предпринятой Нероном, его трибуны стали вмещать до 250 000 зрителей.

Римский форум, центр мира во времена апостола Павла, находился между двумя холмами, в центре группы из семи холмов, на которых был построен Рим. С восточной стороны к нему можно было выйти с того места, где ныне находится Арка Тита. Она была сооружена в 81 г. в ознаменование взятия Иерусалима; внутри этой арки находились трофеи, захваченные в Храме в 70 г. и торжественно доставленные в Рим.

Возле восточной оконечности Форума находится Колизей, крупнейшее здание древнего и современного Рима. Во времена Павла его еще не существовало, поскольку Тит закончил его строительство только в 80 г. Сначала его называли Флавиевым амфитеатром. Он был воздвигнут на месте искусственного озера в центральной части парка дворца Нерона, где истязали и сжигали христиан в 64 г. Некогда Колизей вмещал 50 000 зрителей, которые становились свидетелями кровавых схваток, уносивших жизни гладиаторов и христианских мучеников, не говоря уже о тысячах диких животных.

Самыми древними христианскими свидетельствами в Риме были кладбища. По римским законам, все места погребения должны были находиться за городской чертой, поэтому многие кладбища появлялись возле дорог, ведущих в город. В I столетии у римлян было принято сжигать тела покойников, собирать прах в урны и помещать последние в специальные подземелья или мавзолеи. Во II в. обычным явлением стало погребение усопших; соответственно, состоятельные люди стали хоронить своих родственников в дорогих, богато украшенных саркофагах. Евреи и христиане отрицательно относились к кремации, возможно потому, что верили в воскрешение мертвых. Они хоронили своих покойников в подземных камерах, которые для удобства были превращены в галереи или катакомбы. В окрестностях Рима было найдено несколько еврейских катакомб. О том, что они были именно еврейскими, говорит символика настенных изображений, среди которых чаще всего встречается менора, или семисвечник.

Христианские катакомбы отличаются гораздо большим числом и большей протяженностью. В окрестностях города их было обнаружено по меньшей мере 35; общая же протяженность их галерей превышает пятьсот миль. Первые захоронения в них появились где-то около 150 г., то есть через восемьдесят или девяносто лет после смерти апостола Павла. Могли существовать и более ранние катакомбы, однако они, скорее всего, находятся сейчас в тех районах города, которые оставались незаселенными до II-III вв., когда начали бурно разрастаться городские пригороды. В стенах подземных галерей вырезано множество могил, расположенных одна над другой. В мягком вулканическом туфе вырезались ниши, и, после того как тела, обернутые по еврейскому обычаю тканью, укладывались в них, отверстия ниш закладывались кирпичом или мраморной плиткой. Существовали и более сложные гробницы: в стене вырезалось полукруглое углубление, после чего делалась ниша для тела, покрывавшаяся горизонтальной пластиной.

Катакомбы имеют значение не только как места, в которых во времена гонений тайно собирались христиане, они представляют большой интерес и для исследования древнего христианского искусства и дают основной материал по христианскому искусству II-III вв. Многие образы и мотивы были заимствованы христианами у язычников. Примером этого могут быть фигурки небольших крылатых существ, известных как Амуры или Аморетти, которые в эпоху Ренессанса стали интерпретироваться как изображения херувимов. Вне всяких сомнений, одним из самых известных христианских символов является символ рыбы. Этот символ использовался и язычниками, христиане же восприняли его на основании того, что греческое $\iota\chi\theta\upsilon\varsigma$ включает в себе начальные буквы слов И(исус) Х(ристос) $\chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Божий) $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$ (Сын) $\Upsilon\iota\omicron\varsigma$ (Спаситель). Другим характерным образом

древнехристианского искусства был образ Доброго Пастыря, где Христос представлен юношей, несущим на своих плечах агнца. Такой же образ находится и над крестильней древней церкви в Дура-Европос на Евфрате; лучшим же римским его воплощением является небольшая статуэтка, относящаяся примерно к тому же периоду (III в.).

Согласно традиции, могила апостола Павла находилась под алтарем церкви “святого апостола Павла за стенами.” Первое строение было воздвигнуто на этом месте Константином, впоследствии же оно было значительно расширено и превращено в монументальное здание, освященное папой Сирием в самом конце IV в. Судя по раскопанным в 1838 г. могилам, здесь прежде находилось древнее римское кладбище.

Вероятно, наибольший интерес представляли поиски древних христианских реликвий под криптами и алтарем собора св. Петра. Согласно традиции, и Петр, и Павел приняли мученическую кончину в Риме в период правления Нерона, примерно между 64 и 68 гг. Традиционно считается, что могила Петра находилась под алтарем собора св. Петра, главного собора Римской Католической Церкви. Исследования и раскопки начались в 1941 г., когда стали подыскивать место для могилы папы Пия XI. Было произведено новое исследование первой церкви, воздвигнутой в этом месте Константином в начале IV столетия.

Под грудями обломков ниже уровня пола сооружения, построенного при Константине, были обнаружены два ряда мавзолеев, в которых богатые римляне хоронили своих мертвых в период между II и IV вв. Христиан здесь было похоронено очень немного, причем могилы их по большей части датируются IV столетием. Впрочем, христианским был и один небольшой мавзолей III в., свод и стены которого были украшены единым мозаичным изображением. На сегодняшний день это — древнейшая христианская мозаика, найденная в склепах. В верхней части свода находится изображение Гелиоса (солнца), влекомого колесницей, запряженной четверкой огненных коней, и держащего в левой руке державу, олицетворяющую весь мир. Это языческое изображение, вероятно, было призвано представить Христа как “Солнце Правды, Солнце Спасения.”

Другой языческий мавзолей перешел к христианской семье в конце III столетия. В нем рядом с языческим изображением Аполлона христианами были нарисованы один над другим два головных портрета. Нижний портрет прочерчен свинцовым суриком и частично подправлен углем. На нем изображен старик с лысой головой, заостренной бородой и сдвинутыми бровями. Надпись PETRUS над головой говорит о том, что на портрете изображен апостол Петр. За именем следует молитва апостолу, в которой испрашивается его заступничество за всех христиан, похороненных возле его тела. Верхний головной портрет, вероятно, изображает апостола Павла или же Христа, идентифицировать его более точно не представляется возможным.

Под нынешним алтарем и Confessio Petri находятся развалины мемориала, построенного Константином над тем местом, где, согласно традиции, находится могила апостола Петра. Под ними обнаружен другой, еще более ранний памятник, сооруженный около 160 г. на месте, окруженном языческими мавзолеями. Этот “трофей” упомянут в труде священника Гая, писавшего в конце II столетия против ереси некоего Прокла из Малой Азии. Последний был монтанистом, считавшим, что скоро настанет конец света, и при этом ссылавшимся на древность этой церковной традиции, свидетельством чего ему представлялись могилы Филиппа и его четырех дочерей в асийском Иераполе. Гай пишет, опровергая его: “Я же могу показать вам памятники апостолам. Если вы отправитесь в Ватикан или выйдете на Остийскую дорогу, вы увидите памятники тем, кто основал Рим-

скую Церковь”⁵. Иными словами, Гай свидетельствует о существовании в Риме памятников Петру и Павлу.

Под мемориалом, устроенным около 160 г., находятся еще более древние захоронения (некоторые из них, возможно, датируются 70 г.), а также полость, или углубление, имеющее форму квадрата. В этом углублении было обнаружено несколько костей старого человека могучего телосложения, однако сама его могила так и не была найдена. Таким образом, как свидетельствует и папа Пий XII, мы не можем сколько-нибудь уверенно считать эти кости мощами апостола Петра.

Далеко не все ученые считают, что исследователям удалось установить точное местонахождение могилы апостола Петра. Практически нет сомнений в том, что на склоне лет Петр прибыл в Рим и принял здесь мученическую кончину, однако некоторые протестантские ученые полагают, что он мог быть похоронен и не под алтарем собора. В условиях устроенных Нероном гонений тело Петра могло быть захоронено только тайно. С другой стороны, место последних страданий апостола вряд ли могло изгладиться из памяти христиан. Соответственно, названный памятник II в., находящийся под алтарем существующего собора св. Петра, является не более, чем кенотафом, сооруженным на месте мученической кончины апостола. У нас нет свидетельств того, что останки или могилы христиан вызывали в I-II вв. такой же интерес, каким они пользовались впоследствии, соответственно, могила апостола Петра может так и остаться не найденной.

Церковь и Мир.

Римский мир, в который пришло христианство, отличался таким же многообразием религиозных школ и воззрений, как и наше время. Жители Империи были, по большей части, политеистами, то есть верили в существование множества богов, имеющих обличье живых существ, но являющихся по сути силами и началами природы. Верования образованных людей отличались куда большей тонкостью и изощренностью. К примеру, эпикурейцы считали, что боги не могут непосредственно влиять на мир. Они не нуждаются в нашем поклонении, нам же таковое поклонение богам представляется чем-то естественным. Высшее благо для людей — удовольствие, которое может даровать только жизнь, исполненная простоты и умеренности. Стоики считали, что бог является разумом вселенной и что каждая личность заключает в себе искру этого божественного разума или мировой души. Человек не должен быть рабом своих страстей, а должен в своей жизни руководствоваться именно ею. Поскольку все люди наделены этой божественной искрой, они могут и должны жить сообща, как граждане, имеющие общие идеалы. Вергилию эта новая эра, возвещенная Августом, представлялась идеалом подлинно всемирного общества, основанного на незыблемых началах человеческого естества, превосходящих расовые и национальные различия.

Столь возвышенные идеи, однако, практически не влияли на религиозные воззрения обычных людей. Политеизм с его сонмом богов всегда относился с терпимостью к новым богам, и триумф эллинской культуры во многом являлся следствием этого синкретизма. Бесчисленное множество культов греческого, азиатского и египетского происхождения появилось и в Риме. Они относились к так называемым “тайным” культам, адепты которых проходили особые обряды посвящения. Культа эти восходили к древнему религиозному культу природы с его почитанием умирающего-возрождающегося бога жизни, однако теперь главный акцент в них делался на восстановлении индивидуальной души. Что касается культа императора, то он воспринимался как средство укрепления единства им-

перии. В восточных провинциях со времен Александра Великого правителей было принято обожествлять не только после смерти, но и при жизни. Соответственно, в почитании Августа и следовавших за ним цезарей не было ничего особенно нового, хотя для самого Рима оно и было новостью.

К иудаизму в этом мире относились с презрением и подозрением, как к вредоносной религии, ибо то, что представлялось римским язычникам святым и возвышенным, отвергалось евреями как богомерзкое. Тем не менее римляне считали евреев народом и вследствие этого наделяли их особыми привилегиями. Законы Моисея так или иначе влияли на жизнь многих жителей Империи, и тем не менее иудаизм, в отличие от христианства, никогда не представлял собой особой угрозы для язычества. Как пишет Гиббон, иудаизм был религией, “прекрасно подходившей для обороны, но никогда не предназначавшейся для завоеваний.”

Отношение же к христианству с самого начала было гораздо менее благоприятным, поскольку оно считалось не более, чем сектантским учением, отколовшимся от иудаизма, и не имело правового легального статуса, ибо христиан нельзя было назвать ни нацией, ни народом. Евреи были освобождены от обязательного поклонения римским богам и императору, на христиан же эта свобода не распространялась, что не могло не привести к гонениям на них, как на лиц, повинных в государственной измене.

Тем не менее, в отличие от иудаизма, христианство считало проповедь Евангелия своей священной обязанностью и имело силы преодолеть все препятствия на этом многотрудном пути. Несмотря на то, что образованные люди относились к новой религии с подозрением, считая ее неким странным предрассудком, а широкие слои населения ненавидели христианство, видя в нем “атеистическое” учение и считая все национальные беды и невзгоды следствием его распространения, вызвавшим гнев богов, христиан не могло остановить уже ничто. На закате язычества Евангелие дарило людям — особенно бедным и обездоленным — надежду и чувство безопасности. Со временем оно смогло завоевать и умы языческих интеллектуалов. Уже в III столетии мечтам императора Августа о новом мировом порядке, в основе которого лежал бы классический идеализм, пришел конец: старая культура умирала, христианское же учение о человеке и обществе стало учением о спасении.

Примечания.

1 Стефен Пфан, знаток палестинской керамики I в., предположил, что чаша Святого Грааля, которая была в руках у Иисуса во время Тайной Вечери, — обыкновенная керамическая чаша, подобная тем, которые использовали в ритуальных целях члены кумранской общины. Это тонкостенные чаши высотой около 10 см, с гладкой поверхностью, лишенные всякого орнамента (Archaeology News Digest, Summer 1998). Конечно, Иисус и его ученики были людьми бедными и не имели серебряной посуды, но в ту ночь они были в гостях у какого-то зажиточного человека, владевшего домом в Иерусалиме, где им, по случаю праздника, могли предложить дорогие металлические чаши. Ранние Отцы Церкви не упоминают о Святом Граале. Легенда о нем сложилась в средневековой Англии, куда, по преданию, знаменитую чашу привез в 63 г. Иосиф Аримафейский. Корни этой легенды, вероятно, уходят в кельтскую мифологию, где священным сосудам, наделенным чудесными свойствами, отводится важное место.

2 Впоследствии Павел особо почитался местной христианской общиной. Австрийский археолог Ренат Пиллингер обнаружил в 1995 г. в пещере, примерно в полутора километрах от руин древнего Эфеса, роспись с изображением апостола Павла и около трехсот надписей, оставленных паломниками. Многие из них — обращения к апостолу с просьбой о помощи и заступничестве. Росписи и надписи относятся к ранневизантийскому времени (Archaeology News Digest, Summer 2000).

3 (Laurence H. Kant. Earliest Christian Inscription. Bible Review, February, 2001).

4 Description of Greece, I. xxvii. 2.

5 Eusebius, Church History, II. 25. 7.

http://enoth.narod.ru/Bible/Biblical_Archaeology.htm